

ОБДОРСКИЙ КРАЙ
И МАНГАЗЕЯ
в XVII веке

Сборник документов

Департамент информации и социально-политических исследований
Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа
Научно-производственное объединение «Северная археология»

ОБДОРСКИЙ КРАЙ И МАНГАЗЕЯ В XVII ВЕКЕ

Сборник документов

Екатеринбург
«Тезис»
2004

ББК 63.3 (2Р5)61

О 13

Авторы-составители: Е. В. Вершинин, Г. П. Визгалов

Научный редактор: О. В. Кардаш

О 13 Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов — Екатеринбург:
«Издательство «Тезис», 2004. — 200 с.; 8 с. ил.

ISBN 5—94131—013—7

В перепл.: 1000 экз.

В сборнике публикуются документы делопроизводственного характера XVII в. (отписки воевод, указы из Москвы, челобитные аборигенного и русского населения), освещающие историю Ямало-Ненецкого автономного округа в эпоху первоначальной русской колонизации. Значительная часть документов, извлеченная из фонда Сибирского приказа РГАДА, публикуется впервые. Материалы сборника отражают историю автохтонных народов (ненцев и северных хантов), русские плаванья по Мангазейскому морскому ходу и историю самого города Мангазея.

Сборник предназначен для историков, этнографов и всех, кто интересуется прошлым народов севера Западной Сибири.

ББК 63.3 (2Р5)61

© Департамент информации и
социально-политических исследований
Администрации Ямало-Ненецкого
автономного округа., 2004

© НПО «Северная археология», 2004

© Вершинин Е. В., 2004

© Визгалов Г. П., 2004

© «Издательство «Тезис», 2004

ISBN 5—94131—013—7

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнее время по истории Ямало-Ненецкого автономного округа написано немало книг — и сугубо научного, и популярного характера. И объясняется это, надо думать, не столько «меценатской» щедростью руководителей округа или их желанием иметь в кабинетах под рукой «домашнюю» иллюстрированную историю, сколько более глубокими и, может быть, невидимыми для поверхностного взгляда причинами. Нет сомнений, что северные приполярные и полярные районы России вызывают все больший исследовательский интерес в различных отраслях науки. Север привлекает внимание экономистов, специалистов в сфере транспортной инфраструктуры, экологов, океанологов, этнографов (последние, впрочем, уже давно «осваивают» северные территории). Видимый всплеск интереса к Северу обусловлен геополитической ситуацией, в которой оказалась Россия после развала СССР, и возрастающим пониманием той роли, которая потенциально принадлежит Северу в экономическом, демографическом и социальном развитии народов России. Как верно отмечено в одном из последних изданий об интересах России в Арктике, «ценность арктических пространств самих по себе определяется, во-первых, их масштабами в сочетании с их расположением и, во-вторых, «наполнением», т. е. природными богатствами, равно как и инфраструктурой, созданной трудом человека»¹.

У многих наших современников, начиная от политических деятелей, есть убеждение, что Россия только в последние десятилетия обратилась к освоению северных территорий, ранее населенных малочисленными «отсталыми» народами. Между тем историкам хорошо известно, что славянская колонизация Севера началась еще со времен Киевской (а для нашего ракурса взгляда точнее — Новгородской) Руси. К середине XVII в. русские поселения различных типов существовали от Кольского полуострова до северных районов Якутии. Конечно, любой исторический опыт нельзя в неизменном виде приложить к процессам, протекающим в современном мире. В данном случае я имею в виду опыт адаптации представителей «некоренных» народов к непривычному для них природному ландшафту, диктующему особые условия жизнедеятельности. Современная техника, транспортные и другие коммуникации позволяют в наше время «штурмовать» Север с иными целями и масштабами. Тем не менее исторический опыт всегда полезен и поучителен.

Россия не в первый раз обращается к Северу. В XV в. московские князья, отчасти в силу необходимости, отчасти в стремлении превзойти амбиции «учителей» — правителей татарских государств, — начали движение на юг и юго-восток. В это же время другая часть населения еще лоскутного Московского государства (новгородцы и поморы), обойдя «татарский пояс», вышла к Северному Уралу и далее — в Северо-Западную Сибирь. Когда Москва наконец (после

своевольного похода Ермака) обратила внимание на неконтролируемый ею процесс колонизации севера Сибири, она изумилась и жадно вцепилась в огромный сундук с «мягкой рухлядью» (пушниной). Московские правители нашли ресурс для поддержания престижных отношений с восточными и европейскими монархами и для ведения войн за территории, которым в исторической перспективе московская политическая доминанта оказалась чуждой. В XVII в. русские цари так и не поняли, что Россия — страна северная (что, кстати, понимали европейцы) и развитие ее потенциала лежит через освоение северных ресурсов. Вместо этого ясная политика, стержень правительственной колонизации Сибири, «работала» на миражи южных и западных территориальных приращений. Добываемые в Сибири меха (в том числе и русскими промысловиками, с которых бралась десятая часть) потоком уходили, например, в Бахчисарай, что отнюдь не мешало крымским татарам совершать набеги на русские территории. Как-то среди дел архива Древних актов мне попала челобитная посланника «волошского» князя Василия (молдавский господарь в 1634—1653 гг. Василий Лупу, вассал Османской империи), который закупил в Москве, в Сибирском приказе, соборей на 14,5 тыс. руб. Однако при расплате у него не хватило 800 руб. (сумма для того времени немалая), почему он и просил простить его правителю этот долг². И, надо думать, простили, хотя с народов Сибири скрупулезно учитывали недоимки по ясаку вплоть до копеек.

Эта книга (точнее — сборник документов) не о правителях, а о тех людях, которые в XVII столетии жили на территории нынешнего Ямало-Ненецкого округа. Хотя сборник состоит из трех разделов, в нем отчетливо прослеживаются две линии: история давних обитателей края, самодийцев и северных хантов, и история первоначальной русской колонизации севера Западной Сибири. Впрочем, есть здесь и еще один аспект — динамика межэтнических контактов, которую можно выявить только при наличии репрезентативного корпуса достоверных источников.

Необходимо сказать о составе документов, вошедших в сборник, как и вообще о целесообразности его издания. XVII в. — интереснейшая эпоха в истории Сибири, когда бесписьменная ранее история автохтонных народов обрела, благодаря русским документам, свои конкретные сюжеты и имена. С другой стороны, стремительное и беспрецедентное продвижение русских землепроходцев от Урала до Тихого океана еще долго будет привлекать внимание исследователей. Далеко не все ученые (да и просто любознательные читатели) имеют возможность работать с архивными источниками или добывать уже раритетные издания двух минувших столетий. Поэтому издание тематических сборников документов — всегда большая помощь исследователю. Такие сборники часто «переживают» иные скороспелые или обусловленные конъюнктурой авторские труды. Что касается Сибири XVII в., то можно указать на интереснейшие сборники

документов по истории Якутии и Бурятии³; по истории русского полярного мореплавания вдоль берегов Сибири⁴; по истории взаимоотношений с Китаем и кочевыми народами Южной Сибири⁵. Недавно была издана подборка документов по истории Среднего Приобья⁶. Из этого обзора видно, что аналогичного сборника по территории Ямало-Ненецкого округа пока не имеется. Одна из причин такого положения дел заключается в том, что подборка документов по истории данной территории — задача не совсем простая.

В XVII в. современная территория ЯНАО в административном отношении относилась к двум уездам: Березовскому (большая часть) и Мангазейскому. Никаких четких границ между этими уездами не было, фактически тундра и лесотундра между Обдорском и Пуром являлась «ничейной» территорией (хотя Надымский городок в низовьях Надыма формально относился к Обдорской волости Березовского уезда). Мангазее подчинялись самодийские роды, живущие по р. Таз; тундровые самоеды были приписаны к Березову и сдавали ясак в Обдорский острожек. Таким образом, исторические документы XVII в. по территории ЯНАО откладывались в приказных (воеводских) избах Березова и Мангазеи.

Местный архив Березовской приказной избы «дотерпел» до приезда в город первого историка Сибири Г. Ф. Миллера (он прибыл с помощниками-копиистами в июле 1740 г.). По указаниям Миллера были сделаны копии со 140 документов, которые в настоящее время хранятся в Санкт-Петербурге⁷. Половина из этого комплекса документов была в разное время и в разных изданиях опубликована. Однако следует учесть, что Березовский уезд был огромным, и документы, подходящие для настоящего тематического сборника, среди копий Миллера составляют лишь малую часть. В данном сборнике к березовскому архиву XVII в. восходят в конечном итоге док. № 2, 3, 20, 21, 22. К сожалению, судьба местных сибирских архивов оказалась печальной. Что случилось с березовским архивом в XVIII—XIX вв., после работы в нем Миллера, неизвестно.

Город Мангазея существовал всего 70 лет — с 1601 по 1672 г. В это время Мангазея являлась центром огромного уезда, чьи восточные размытые границы уходили далеко за Енисей. В 1672 г. Мангазея была оставлена, и воеводская администрация вместе с архивом приказной избы переехала в Туруханск (Новая Мангазея), который оставался центром Мангазейского уезда и в XVIII в. Г. Ф. Миллер прибыл в Туруханск летом 1739 г. и провел там ровно месяц. Нам неизвестно, в каком виде он застал архив Старой Мангазеи. С сохранившихся документов Миллер и его помощники сняли копии 146 документов. Они тоже хранятся в архиве Академии наук в Петербурге⁸, 32 из них в разное время опубликованы. Сам мангазейский архив разделил судьбу березовского. К концу XIX в., когда впервые после Г. Ф. Миллера появились серьезные исследования по русской колонизации Сибири, мангазейского архива уже не существовало. Время и обстоятельства его гибели нам неизвестны. В нашем сборнике из бывшего

архива Мангазеи присутствуют документы № 42, 49. К сожалению, составитель не имел возможности включить в данный сборник некоторые документы из сохранившейся части мангазейского архива, хотя и использовал их ранее в своих работах. Это, например, документы о нападениях юрацких самоедов на русских людей в низовьях Таза (1641 г.); о крушении в Обской губе в 1641 г. коча Л. Семенова и грабеже казенных запасов со стороны карачейских самоедов; о тяжелом положении жителей Мангазеи в 1646 г., когда ненцы фактически взяли город в осаду; о неудачном походе двух кочей из Мангазеи к Оби в 1656 г., когда самоеды рода Адер напали на выброшенный на берег коч, а князья Больших Карачеев выступили в защиту русских людей⁹. Впрочем, частично эти документы дублируются в нашем сборнике другими, извлеченными из фонда Сибирского приказа.

Настоящий сборник содержит 73 документа делопроизводственного характера; 42 из них публикуются впервые. При издании текстов, взятых из публикаций XIX в., составитель провел не оговоренную в примечаниях работу: привел орфографию в соответствие с современной, исправил явные смысловые ошибки и опечатки, более точно датировал документы. Переиздание этих документов обусловлено как их раритетностью, так и тем соображением, что без них сборник потеряет определенную цельность. Впервые публикуемые документы извлечены из фонда Сибирского приказа (ф. 214) Российского государственного архива древних актов (Москва). Следует заметить, что документация, относящаяся к территории ЯНАО (это в основном переписка воевод Мангазеи и Березова с Москвой, челобитные аборигенного и русского населения), не составляет в обширном фонде Сибирского приказа какого-либо единого комплекса. Соответствующие документы «рассыпаны» по многочисленным столбцам этого фонда, и порой их поиск сравним с поиском иголки в стоге сена. Внимательный читатель заметит, что в сборнике отсутствует документация финансово-учетного характера (ясачные книги, окладные книги жалованья и т.д.), весьма полезная для статистических обобщений. Это определяется в данном случае позицией составителя, которому бы хотелось, чтобы документы были сюжетны и разговаривали языком не такого уж далекого от нас XVII столетия.

Разумеется, что и опубликованные, и часть архивных источников давно используются в научных трудах, в большей или меньшей степени касающихся истории ЯНАО. В историографии научных работ довольно отчетливо прослеживаются две линии: исследования по истории аборигенных народов региона и исследования по русской колонизации севера Западной Сибири. Последнее направление в историографии древнее первого.

На основе документов, собранных за время путешествий по Сибири (1733—1743 гг.), Г. Ф. Миллер в середине XVIII в. создал свой знаменитый труд «История Сибири», в котором дал очерки основания Мангазеи и Березова¹⁰. В целом же нынешняя территория ЯНАО занимает в труде Миллера довольно

скромное место. После Миллера в изучении русской колонизации севера Сибири наблюдается долгий перерыв. Свежую струю в изучение вопросов ранней русской колонизации Сибири внес в конце XIX в. П. Н. Будинский¹¹. В заслугу Будинскому надо поставить то, что он обратился к архивным материалам, независимым от копий Миллера. Дело в том, что Миллер работал с документами местных архивов, но с материалами центральных московских учреждений, управлявших в XVII в. Сибирью, возможности ознакомиться не имел. Именно обращение к документации Сибирского приказа позволило Будинскому создать научно значимый очерк о жизни Мангазеи в первой половине XVII в.

Целый этап в отечественном сибиреведении составили труды С.В. Бахрушина. На основе глубокого знания фонда Сибирского приказа ученый создал серию блестящих статей о Мангазее и работ по истории народов Северо-Западной Сибири («Самоеды в XVII в.», «Ясак в Сибири в XVII в.», «Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв.»)¹². На архивных же документах XVII в. основана фундаментальная и ставшая уже классической монография Б. О. Долгих¹³. В этот же ряд можно поставить исследование В. А. Александрова, который, в частности, проследил складывание русского старожильского населения в Мангазейском уезде¹⁴. Наконец, нельзя не сказать о работах М. И. Белова, который немало сделал для изучения Мангазейского морского хода и собственно истории города Мангазея¹⁵.

О народах, исторически населявших огромную территорию ЯНАО, создана значительная историко-этнографическая литература, но ее авторы, как правило, редко обращаются к письменным источникам XVII в., предпочитая опираться на труды названных выше историков¹⁶. Одна из основных задач этой книги — дать в руки специалистам-историкам различных направлений источник в полном виде, а не в переложении и цитировании (пусть даже таких профессионалов, как П. Н. Будинский и С. В. Бахрушин). С другой стороны, составитель надеется, что содержание сборника будет интересно современным жителям округа, которым безразлично прошлое своего края.

При издании приняты следующие правила и обозначения. Буквы, вышедшие из употребления, и буквенные обозначения цифр передаются знаками современного алфавита и арабскими цифрами. Знаки препинания расставляются по смыслу текста и в соответствии с современными требованиями. В квадратных скобках восстанавливаются по смыслу утраченные буквы или слова. Отточия ставятся в случаях:

- в ...**[число пропущено]** день — дата отсутствует в документе;
- ... **[фрагмент текста утрачен]** — документ не сохранился в целом виде;
- ... **[нрзб]** — текст невозможно прочитать или набор букв непонятен;
- ... **(т)** — пропущена стандартная царская титулатура;
- ... — текст публикуется с сознательными сокращениями, что оговаривается

в легенде к документу. Исключение составляет док. № 8, где слишком много трудночитаемых имен ханты; поэтому там даны просто отточия без обозначения [нрзб].

¹Арктика: интересы России и международные условия их реализации. — М., 2002. С. 68.

²РГАДА. Ф. 214. Стб. 282. Л. 282.

³Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. — Л., 1936; Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. — Улан-Удэ, 1960.

⁴Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии: Сб. док. — М., 1951; Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сб. док. — М.; Л., 1952.

⁵Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы. — М., 1969—1972. Т. 1—2; Русско-монгольские отношения: Сб. док. — М., 1959—2000 (в 4-х томах).

⁶Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Вып. 1. — Екатеринбург, 2002. С. 114—240.

⁷СПбО АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. «Опись Березовской архивы» опубликована в: Актовые источники по истории России и Сибири XVI—XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. — Новосибирск, 1993. Т. 1. С. 207—214.

⁸СПбО АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 21. «Опись Мангазейской архивы» опубликована в: Актовые источники по истории России и Сибири XVI—XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. — Новосибирск, 1995. Т. 2. С. 159—166.

⁹СПбО АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 21. Л. 197—197 об., 203—206, 224, 246—247.

¹⁰См. последнее издание: Миллер Г. Ф. История Сибири. — М., 1999—2000. Т. 1—2.

¹¹Очерк о Березовском уезде см.: Буцинский П. Н. Соч. в двух томах. Т. 1: Заселение Сибири и быт первых ее насельников. — Тюмень, 1999. С. 169—181; Очерк о Мангазее: Он же. Т. 2: Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. — Тюмень, 1999. С. 6—78.

¹²Бахрушин С. В. Научные труды. — М., 1955. Т. III. Ч. 1—2.

¹³О народах ЯНАО в его книге см.: Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. — М., 1960. С. 64—77, 119—182.

¹⁴Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. — М., 1964. С. 11—32, 59—77.

¹⁵Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. — М., 1956. С. 106—127, 186—215; Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. — М., 1980.

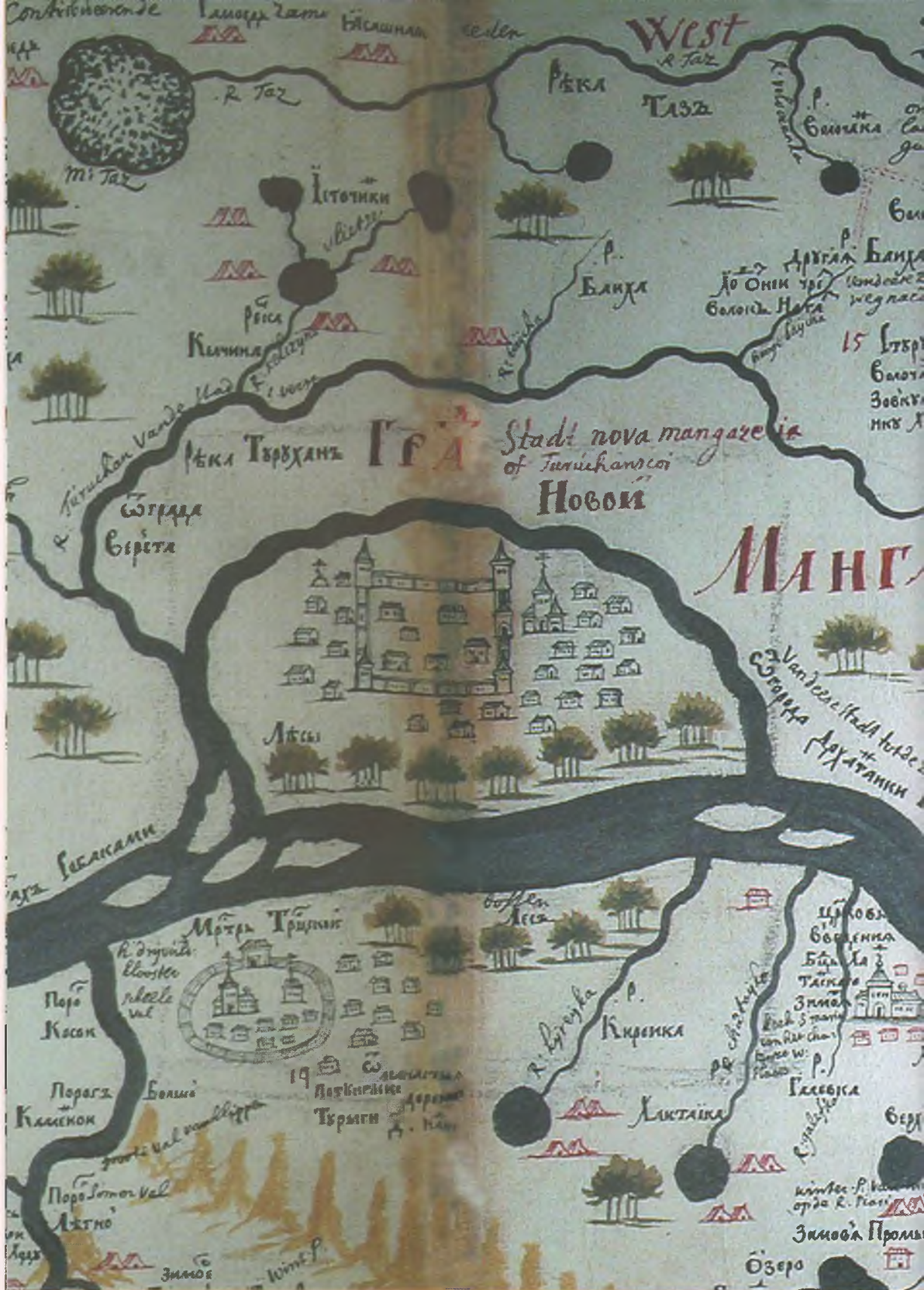
¹⁶Довольно показательна фраза из новейшего коллективного труда «Этнография и антропология Ямала» (Новосибирск, 2003. С. 13): «Глубина поиска архивного материала охватывает конец XIX — первую треть XX в.». Из современных этнографов, занимающихся историей народов ЯНАО, пожалуй, только Е. В. Перевалова обращается к архивным источникам XVII в. (см.: Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. — Екатеринбург, 2004).

ALEXIO MIHAÏLOVICH GRAN DVCA DI MOSCOVIA
RE' DI CASAN, DI ASTRACHAN, DI SIBIRIEN, &c.

Новая и Старая Мангазея. Из альбома С. У. Ремезова. Рубеж XVII—XVIII вв.

Хороша 386

Гонимъ адеана на поилъ адеана
канато канце канце канце канце
канце канце канце канце канце
канце канце канце канце канце
канце канце канце канце канце

Ивад рокал бадехъ а поилъ
а канато канце канце канце канце
канце канце канце канце канце
канце канце канце канце канце
канце канце канце канце канце
канце канце канце канце канце
канце канце канце канце канце
канце канце канце канце канце

Удородъ канце канце канце канце
канце канце канце канце канце
канце канце канце канце канце
канце канце канце канце канце
канце канце канце канце канце
канце канце канце канце канце
канце канце канце канце канце
канце канце канце канце канце

Ивад рокал бадехъ а поилъ
а канато канце канце канце канце
канце канце канце канце канце
канце канце канце канце канце
канце канце канце канце канце
канце канце канце канце канце
канце канце канце канце канце
канце канце канце канце канце

Гонимъ адеана на поилъ адеана
канато канце канце канце канце
канце канце канце канце канце
канце канце канце канце канце
канце канце канце канце канце
канце канце канце канце канце
канце канце канце канце канце
канце канце канце канце канце

Хороша 386

Описание воеводского
двора в посадской
части Мангазеи

РАЗДЕЛ I.

ОБДОРСКИЕ САМОЕДЫ
И СЕВЕРНЫЕ ОСТЯКИ

№ 1.

1525 г., апреля 2.

**Жалованная грамота великого князя Василия III
самоедам о принятии их в подданство.**

190-го г. марта в 22 день явился в Посольском приказе печерской и югорской самоеди князец Хилта Балахонов, а в допросе сказал:

К великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу послали его, Хилту, бити челом самоедь о нуждах своих. Как де блаженные памяти при великих государех царех и великих князех росийских пожалованы прадеды их, князь Карачей Седа да князь Лехей да князь Томыла да князь Белоголов да князь Яркома и вся самоедь югорская, которые живут по Оби реке, — приняты в подданство, и с того времени и по се время они дань дают, и великие государи их от всяких людей оберегали и воевати их и налог чинить не велели, и пустозерские и мезенские и березовские воеводы посадским и всяких чинов людям в обиду не давали. А ныне им на Мезени и в Пустеозере и на Березове и в иных городех от государевых людей чинятца великие убытки и продажи, и оленей у них отгоняют, и от того они разорились и ясаку платить стало нечим, для того, что в промыслах от русских людей чинятца им помешки. А как де они бывают в городех для нужд своих, и на них де, затеев ложно, русские люди быют челом воеводам и ищут многих пожитков, и от того им чинитца великая продажа и убытки.

Да Хилта ж сказал: прежде де сего аманатов у них не имывали, а ныне у них берут аманатов в Пустоозерской острог, а омонатного двора в Пустоозерском нет, и корму не дают, и от того аманатчики их помирают голодною смертию. И великий государь пожаловал бы их: велел для аманатчиков в Пустоозерском поставить аманатной двор и имать с роду их по человеку, и свое, великого государя, жалованье, корм и платье, аманатчиком давать против сибирских ясачных людей.

Да Хилта ж бил челом, чтоб великий государь пожаловал их, велел им дать свою, великого государя, грамоту против прежних грамот, каковы даны родственником их, чтоб их на Белеозере и в Пустоозерском и на Мезени и на Березове воеводы от русских людей оберегали и налог и обид и продаж напрасных никому чинить не велели.

И Хилта подал в Посольском приказе жалованную грамоту блаженные памяти великого государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии 7033 году, да грамоту великого государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии 7105 году. И с тех грамот взяты списки, а подлинные отданы ему, Хилте. А в списках пишет:

Великий государь Василей, Божию милостию царь и государь всеа Руси и великий князь владимерский, и московский, и ноугородцкий, и псковский, и смоленский, и тверской, и пермский, и югорский, и вятцкий, и болгарский, и иных.

В Самоедь в югорскую, что живут по реке по Оби, князю Карачею Седу да князю Лехею, да князю Томылу, да князю Белоголову, да князю Яркоме и всем земским людем самоеди югорской, которые живут по Оби реке. Присылали естя к нам бити челом своего земского человека самоедина Анюдору, чтобы нам вас пожаловати, под свою руку взяти и за вас стояти и от сторон беречи, а вы нам хотите служити и дань давати.

И яз вас пожаловал, под свою руку взял, и вам бы нам служити и дань нам давати. А мы вас жаловати и за вас стояти и от сторон беречи хотим. А з данью бы есте и с поминки ходили в Печеру к нашим даньщиком к Сеньке к Михайлову сыну к Галову да к Онанье к Романову. А из Печеры бы естя посылали к нам с нашими даньщики своих лутчих людей, а приехати им к нам и от нас ехати добровольно безо всякие зацепки. А которые вас, князи и мурзы, сами похотят к нам ехати, о которых своих делех бити челом, и вам к нам приехати и от нас отъехати так же добровольно безо всякие зацепки.

А ся вам наша грамота жалованная и опасная.

Да тот же Нюдора бил нам челом от вас на югорского князя на Кутыгея. А сказывает, что де югорский князь Кутыгей вас воюет, и мне бы вас пожаловати, югорскому князю Кутыгею воевати вас не велети. И яз вас пожаловал: Кутыгею князю воевати вас не велел и грамоту есми х Кутыгею послал, и впредь брани и лиха никоторого чинити не велел. И вы б впредь с югорским князем Кутыгеем брани и лиха никоторого не чинили.

Писан на Москве лета 7033-го апреля в 2 день.

Назади подпись: Великий государь Василий, Божию милостию царь и государь всеа Руси и великий князь.

РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2338. Л. 2—8. Подлинник. Текст грамоты в копии 1682 г.

№ 2.

1607 г., октября 21.

**Грамота из Москвы в Березов воеводе
кн. П. А. Черкасскому о незаконной торговле
пустозерцев с самоедами.**

От царя и великого князя Василя Ивановича всеа Русии в Сибирь в Березов город воеводе нашему князю Петру Ахамашуковичу Черкасскому да голове Ивану Игнатьевичу Зубову. Писали есте к нам, что в прошлом в 115-м году писали к тебе, ко князю Петру, с Обдора из Носового городка березовские служивые люди Ивашко Нестулцев с товарищи, которые посланы для нашего ясаку и десятинной пошлыны: пришли де на Обдор в Носовой городок торговые люди пустоозерцы Корепко Мазлыков, Савка Крутиков, Федосейко Иванов, Васька Антонов, Ивашко Корепонов, Митька Широкой с товарищи 30 человек, а русских товаров у себя не объявили, а сказали, что они ходят к ясашной самоеди для своих старых долгов. А проезжих у них грамот из Пустоозера от приказных людей нет. И Ивашко де Нестулцев с товарищи тех пустоозерцев Савку Крутикова с товарищи 5 человек, приманя на Обдор в Носовой городок, переимали и лутчих людей — Савку Крутикова, Корепка Мазлыкова, Ваську Антонова, Ивашка Корепопова, Федосейка Иванова — прислали на Березов за приставом с 20 человек. А Митьку Широкого с товарищи послали было на Березов же с березовскими казаки с Митькою Поменином да Степаном Коширянином, и Митька де Широкой да Жданко Ушаков с товарищи 25 человек казаков Митьку и Степанка, едучи, ограбили да покинули их на тундре, а сами побежали. И тех де казаков нашли на тундре кунная самоедь Ния с товарищи нагих и голодных и вывезли их в Носовой городок только еле живых.

А на Березове пустоозерцы Савка Крутиков с товарищи в распросе сказали, что ездят они из Пустоозера к кунной самоеди для своих старых долгов, а грамот проезжих из Пустоозера и товаров у себя не сказали. А что де у себя сказали на тундре оленей и хлебного запасу и что с собою привезли мяхкого борошню, и с того де у них взята наша десятинная пошлына. А взяв пошлыны, отпустить в Пустоозеро для того, что держать их на Березове до нашего указу долго. А приезжают пустоозерцы в Березовской уезд по вся годы многие люди и ходят Печерою рекой в судах с великими товары, а с Печеры на Усу реку под Камень, в Роговой городок, и тут они осенюют. А как дорога станет, и к ним приезжают пустоозерская каменная самоедь, их знакомцы и други, и та пустоозерская самоедь у тех торговых людей наимаются и товары их возят за Камень по тундрам к ясашной к кунной самоеди, которая

приходит с нашим ясаком на Обдор и в Казым. А иные многие свои товары меняют за Каменем на Усе реке в Роговом городке. А сами торговые люди пустозерцы ездят за товары своими с каменною самоедью на оленях и, не допуская кунную самоедь к ясатчиком на Обдор и в Казым, и в Куноват, с ними торгуют воровством прежде нашего ясаку и сваживают их за Камень на Усу реку в Роговой острог. И многая де самоедь, с теми пустозерцы исторговався и не платя нашего ясаку, отъезжают назад по тундрам, а иная самоедь отъезжают к пустозерцам за Камень и торгуют на Усе реке в Роговом городке. И от тех де пустозерцев от торговых людей, от их воровства, по вся годы чинитца в казне ясаку недобор, а десятинную пошлину многую торговые люди провозят, и нам бы о том велеть указ учинить.

И как ся наша грамота придет, и вы б послали из Березова, выбрав из наших служилых людей, атамана, а с ним казаков человек с 20 или сколько пригож, а велели им проведати и досмотреть и распросить русских торговых людей, остяков и самоеди: в котором месте у пустозерцев поставлен Роговой городок для торговли и сколь далече от Березова и от Обдора до того Рогового городка ходу водяным и сухим путем, и сколько от Пустоозера рекою Печерою да рекою Усою до Рогового городка ходу? И для чего без нашего ведома пустозерцы мужики воровством городок поставили и с самоедью торгуют и нашу десятую пошлину крадут, а в Носовом городке заставу объезжают, и кто именем торговых людей и которых городов, приезжая, с самоедью торгуют? И расспрося подлинно, рассмотрев того городка, велети писати на роспись. Да будет которых городов торговых людей с товары в том Роговом городке или по рекам на Печере или на Усе заедут, и тех торговых людей, которые воруют, ходят из Пустоозера и с Мезени, и з Ваги Печерою рекой, а из Пустоозера от приказных людей проезжих грамот у них нет, и торгуют с кунной самоедью на Печере или на Усе реке в Роговом городке и десятинные пошлины не плотят, а на Обдоре Носовой городок заставу для нашей пошлины объезжают и на Березов торговать не ездят, переимав их и с их товары привести на Березов, и те их товары, переписав, взяти в нашу казну, чтоб им неповадно было вперед воровати и без проезжих грамот торговати. И о том бы есте на Березове и во всем Березовском уезде, на Обдоре и по рекам на Печере и на Усе и в Роговом городке велели заповедь учинить крепкую, чтоб пустозерцы и пенежане и мезенцы и важаня и всех московских городов торговые люди с самоедью и с остяки по лесом и по тундрам и по рекам преж нашего ясаку не торговали, а приезжали б они на Березов и иные б сибирские города и торговали с остяки и с вагуличи и с самоедью на наших гостиных дворах после ясашного збору, и нашу десятинную пошлину с своих товаров платили по нашему указу. А как они исторгуются,

и вы б им давали наши проезжие грамоты за нашею печатью, и товары их, с которых возьмете пошлины, в проезжих грамотах писали имянно. А однолично б есте повелели смотрети и беречи накрепко, чтоб торговые люди с самоедью и с остяки, и с вагуличи по тундрам и по лесом и по рекам не торговали, и кунную самоедь под Камень в Роговой городок торговать не отзывали. А которые торговые люди учнут воровати мимо нашу заповедь и учнут торговати мимо наших гостиных дворов, и им быть от нас казненным смертию, а товары их и животы велим имать на нас. А самоедь бы есте и остяков и вагулич ото всяких торговых людей берегли, чтоб их не продавали и старых своих долгов без наших грамот своим произволением не правили и насильства и убытков не чинили. А которые пустоозерцы Митька Широкой с товарищи 25 человек своровали, березовских казаков переграбили и на Березов с ними к вам не поехали и побежали в Пустоозеро, и об них в Пустоозеро к приказным людям наш указ послать. А которых торговых людей в Роговом городке переимают, и тех торговых людей в нашей пене подавали на поруки с записями и отпустили их по городам к себе, а товары их держали в Березове в нашей казне до нашего указа. Да о том отписали бы есте подлинно и роспись всяким их товарам прислать к нам к Москве, и велели отписку и роспись отдать в приказе Казанского дворца.

Писан на Москве лета 7116-го октября в 21 день.

Публикуется по: Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. II. С. 234—236.

№ 3.

1607 г., октября 28.

Грамота из Москвы в Березов воеводе кн. П. А. Черкасскому о попытке восстания остяков Березовского уезда.

От царя и великого князя Василия Ивановича всеа Руси в Сибирь в Березов город воеводе нашему князю Петру Ахамашуковичу Черкасскому да голове Ивану Игнатьевичу Зубову. В нынешнем во 116-м году сентября в 5 день писали есте к нам, что приезжала из березовских и подгородных юрт от остяка от Ваюска служащая жонка нарымского полону Осдоня и, пришед к вам в съезжую избу, сказала на всех Березовского уезда остяков измену: в прошлом в 115-м году приходили к Ваюску в юрты новокрещен Петрушка Куланов с сыном своим Антонком и говорили они с Ваюском, и с Аткатком,

и с иными со многими остяками, что хотели нашу казну и хлебные запасы громить, и служивых и торговых людей побить, и за тем де у них измена не учинилась, что Онжа и Мамрук Обдорской были на Москве. А в 115-м году тот же Петрушка Куланов с сыном своим Антонком и с Ваюском, и с Аткатком, и с иными со многими остяки говорили, что нынеча знают, как им город сжечь, и казну и хлебные запасы громить и служивых людей побить.

И Петрушка де Куланов и сын его Антонко в распросе перед вами заперлись, а подгородные остяки Аткатко и Учкутко да казымский остяк Елгоз в измене повинились, сами на себя и на товарищев своих на всех остяков Березовского уезда измену сказали, и били челом на Петрушку да на сына его Антонка, да на новокрещена на Левку, да на Шатрова на Лугуева, да на князя Василия Обдорского, да на тоболдинского шайтанщика, да на котских остяков на Тугубаска да на Дерунка: вся большая измена чинитца от тех людей, остяков и самоед приводят на измену они, лучшие люди, и все де березовские остяки и вагуличи им во всем верят. А Петрушка де Куланов и сын его Антонка у пытки в измене по тому ж повинились, что они изменили и остяков в измену призывали, и казну и хлебные запасы погромить и город сжечь хотели по ворожбе его, Петрушкины, жены. А в измене де были все земли лучшие люди: князь Василий Обдорской да сын его Мамрук, да ляпинские остяки Антонко да Лельманко, да ломинские остяки Шатров с братом с Вокчимком, да казымские остяки Богдашко Цынгопов да Еночко, да сосвенские остяки табылдинской шайтанщик да Талыпко, да котские остяки князь Онжа да Чуменко, да Тугунаско, да Чауков сын Дерунко, да белогорские остяки Лутко да Таирко, да подгородные остяки Ваюско да Аткатко, да новокрещен Левка; и сургутские ясачные люди и пелымские вагуличи отложились, и изменная у них мысль и ссылка меж себя была одна. А всех де было у них людей в сборе остяков и самоеды 2000 человек, а съезду быть было у них всем людем за неделю до Петрова дня в обской протоке, в Изяпали, выше Березова города 15 верст, и казна было громить и к городу приступить. И пойман в той изменной думе подгородной остяк Ваюско, и в распросе в измене повинился, что остяки к нему приезжали и измену с ним думали.

И ты, князь Петр, сыскав измену допряма, пущих изменников и воров Антонка Куланова, да Ваюска, да новокрещена Левку за воровство и за измену, а Петрушкину жену Куланова за волшебство велел повесить, чтоб, на то смотря, иным ворах не повадно было воровать ...

Да июня ж в 2 день приехал на Березов князь Мамрук Обдорской, а с ним 8 человек остяков, а в распросе князь Мамрук с товарищи в измене повинились на себя и на отца своего на князя Василия и на всех остяков Березовского уезда и измену сказал, и изменили они всею землею, и в том де

он перед нами виноват, что на отца своего и на всех остяков измены по ся места не сказал, для того, что блюлся отца своего и от остяков убивства. А отец де его, князь Василий, на Березов для своей измены по вашей посылке не поехал. И июня ж в 9 день, поймав князя Василия Обдорского да ляпинского остяка Алыка, привели к вам на Березов, и в распросе князь Василий Обдорской и Лечманко в измене повинилися ж, что сами они изменяли, и остяков и самоед в измену призывали, и казну громить и к городу приступать хотели, и в Сургут де он, князь Василий, к лучшим людям посылал на измену ссылатись, и у всех у березовских и у сургутских остяков изменная мысль одна была, что им было казну громить и к городу и к острогу приступить, и служилых людей побивать хотели... Да князь Василий Обдорский сказал: как де преж сего самоеды нам изменили, казну и наряд погромили, мангазейских воевод князя Мирона Шаховского и служилых людей побили, и он де, князь Василий, в той же изменной думе был, да и тогда де он, князь Василий, самоеде говорил, чтоб сыну его Мамруку большего изменного дела не сказывали, для того, что сын его Мамрук нам прямит, а князя Василия не слушает.

И вы, проведав в остяках шатость и сыскав измену допряма, пущих воров Шатрова Лугуева, да тоболдинского шайтанщика, да котских остяков Тугупаска да Верунка велели повесить для того, чтоб, на то смотря, иным вора́м неповадно было воровать, а иных изменников били кнутъем. А пущих изменников во всей измене — князя Василия Обдорского да ляпинского остяка Лечманка, да Богдашка Цынгопова — дали есте за приставов до нашего указа. А князь Мамрук Обдорской да князь Онжа даны на поруку.

И ныне де многие остяки и вагуличи всего Березовского уезда вину свою принесли и нам доби́ли челом, и ясак платят и самоедь хотят призывать. И говорили де они вам: изменили де они нам для того, что положен на них ясак не в меру; платят де они ясак покупая, продав котлишко и топоры, и в долг емлючи у русских людей и у прожиточных остяков дорогою ценою, и от того де обнищали и одолжили великими долги, и жены свои и дети на ясак продают, а иные многие голодною смертью померли. Да били нам челом всего Березовского уезда остяки и вагуличи... на изменников на князя Василия Обдорского, да на Лечманка, да на Богдашка Цынгопова: вся де большая измена преж сего была ныне от тех изменников, остяков и самоедь водят на измену, угроживают остяков и самоедь убивством, и им де, остяком, с теми изменники вперед быти не мочно, и только де вперед быть им живым, и в тех изменникех и вперед чаять измены, и нам бы вам велети об изменникех указ учинить. И вы то учинили гораздо, что пущих начальных воров, сыскав, за их измену казнили, а себя и город и нашу казну и хлебные запасы

и служилых людей от изменников уберегли. И мы вас за вашу службу, аще даст Бог увидите наши царские очи, пожалуем своим великим жалованьем.

И как к вам ся наша грамота придет, и вы б велели собрать остяков и вагулич всего Березовского уезда, а собрав, сказывали б есте им, что князь Василий Обдорский с товарищи нам изменяли и в измене сами на себя говорили, что большая измена и смута была от них, и их, всех остяков, в измену они привели; а они, остяки всего Березовского уезда, нам били челом, что им со князем Васильем Обдорским с товарищи вперед жити не мочно, и вперед они от них измены чают. И мы остяков пожаловали, вину их им отдали, что они делали по наученью пущих воров и изменников князя Василия Обдорского с товарищи. А сказав им, князя Василия с товарищи велели казнити, велели повесить, а живот бы его, чем он был пожалован, переписав подлинно, отдали сыну его князю Мамруку...

Писан на Москве лета 7116 октября в 28 день.

Публикуется с сокращениями по: Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2000. Т. II. С. 236—239.

№ 4.

1636 г., не ранее февраля 23.

**Отписка в Москву мангазейского воеводы Б. И. Пушкина
об убийстве самоедами гонцов,
направлявшихся из Мангазеи в Обдорск.**

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Бориска Пушкин, Пятунко Спиридонов челом быют. По твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу велено нам, холопом твоим, быть на твоей государеве службе в Мангазее. А в твоём государеве наказе, каков дан нам, холопом твоим, написано: как мы приедем на твою государеву службу в Мангазею и что мы, холопи твои, в Мангазее у воеводы у Григорья Орлова да у дьяка Василья Атарского в твоей государеве казне денег и мягкие рухляди, в житницах хлебных запасов и на городе и на остроге наряду и в казне зелья и свинцу и всяких твоих государевых дел возьмем... и о том о всем и про всякие дела писати б нам к тебе, государю, к Москве с приезде своего, не замотчав, чтоб про здешние мангазейские дела тебе было ведомо.

И в прошлых, государь, годех в Мангазее воеводы до того, которые бывали до нас, холопей твоих, с приезде в Мангазею... посылали тебе, государю,

к Москве с отписки... и с иными с твоими государевыми делами служилых людей на Енисейский острог, а путь дальний и нужен: до Енисейского острогу зимним путем идет на нарте, а весною до Тобольска водяным путем. А в Тобольск де служилые люди приходят ранние к Николину вешнему, а иные о Троицыне дни. А как, государь, мы, холопи твои, едучи на твою государеву службу в Мангазею и в прошлом в 143-м году были в Тобольску, и при нас из Мангазеи приехали в Тобольск с отписки... в Петров пост. И как, государь, мы, холопи твои, приехали на твою государеву службу в Мангазею и у воеводы Григорья Орлова да дьяка Василья Атарского... всякие твои государевы дела взяли и во всем с ними росписались, призывали к себе мангазейских служилых и всяких людей, которые дорогу из Мангазеи в Русь и из Руси в Мангазею знают и путь им тот за обычай гораздо, — для того, чтоб нам, холопям твоим, послать к государю к Москве и в Тоболеск с отписки... иное дорогою, ближе той дороги, что ходят на Енисейский острог.

И мангазейские служилые и приезжие многие люди говорили нам, холопом твоим, что есть из Мангазеи дорога в Русь недалеко и пряма на Обдорь да на Пустоозеро, а в Тоболеск идти до Обдора ж, а с Обдора на Березов, а больше всех знают ту дорогу пустозерцом Кондрашку да Ледешку Кириловым, потому что наперед того тою дорогою езживали и самоядскому и зырянскому языку умеют. А Ледешка в Мангазее в стрельцах. И мы, государь, призвав к себе стрельца Ледешка Кирилова, про ту дорогу спрашивали, а брата его Кондрашка в Мангазее в то время не было. И стрелец, государь, Ледешка Кирилов говорил нам про ту дорогу то ж: что та дорога из Мангазеи в Русь на Обдорь да на Пустоозеро, а в Тоболеск — с Обдори ж на Березов да в Тоболеск — недалеко и пряма, ехать до Обдори гонцом самоядью, наймуща у самояди, а с Обдору до Пустоозера едут обдорские остяки на оленях же и на собаках, а из Пустоозера подводы. А в Тобольской гонцу гнать до Березова и до Тобольска на оленях же и на собаках с теми ж обдорскими и березовскими остяками, а мочно тою дорогою поспеть, тако задержания в городех не будет, к Москве недель в двенадцать и в тринадцать, а в Тоболеск недель в шесть и в семь. И бил челом тебе, государю, тот Ледешка, чтоб послать тебе, государю, к Москве в гонцах его, Ледешка, потому что он самоядскому и зырянскому языку умеет, и самоядь ему многая знакома, и та ему дорога за обычай. Да и наперед того он, Ледешка, тою ж дорогою гонял в гонцах в Тоболеск из Мангазеи от Григорья Кокорева, а поспел в семь недель. А ныне б ему тебе, государю, послужить, тою дорогою к тебе к Москве с отписки... поспеть наскоре, а в Тоболеск бы гонца послать другого, до Обдора с ним вместе, а он его до Обдора отправадит, а с Обдора того гонца остяки на Березов отвезут в тот час.

И мы, государь, холопи твои, по тем Ледешковым речам и радея о твоём государеве деле... послали в гонцах того Ледешка Кирилова, а в Тоболеск послали с ним же вместе до Обдора тобольского казака Ваську Колмогора октября в 31 день. А повез тех гонцов из Мангазеи до Обдора твой государев ясачный мангазейской тундряной самоедин Леденкина Шару Итилидка Тынгин, лутшей человек. А велели ему тех гонцов отвезть до Обдора здорова... и от обдорского остяцкого князца Молика, как он тех гонцов привезет на Обдор, о том привезти в Мангазею письмо. А мы, государь, холопи твои, с теми гонцы о том на Обдор служилым людям и к остяцкому князцу Молику писали, чтоб они тех гонцов, как к ним приедут на Обдор... Ледешка Кирилова на Пустоозеро, а Ваську Колмогора на Березов отпустили тотчас не задержав, потому что они посланы для твоего государева дела наскоро. А самоедина Итилидка Тынгина отпустили к нам в Мангазею не задержав...

И декабря, государь, в 19 день приехал к нам, холопом твоим, самоедин Итилидка Тынгин, а сказал, что твоих государевых служилых людей, которые посланы с ним в гонцах... отвез до Надымской губы за днище до обдорской кунной ясачной самоеди до князца Сатарки... [фрагмент текста утрачен] и при нем, Итилидке, сложили на сани и хотели ехать тотчас, а сам он с ними не поехал до Обдора, потому что у него олени худы добре и на дороге пристали и назад насилу доехал, и его потому Ледешка и отпустил и прислал с ним в Мангазею для знамени в лубке завязану бумагу писаную, а какую — того он, Итилидка, не ведает. И подал нам, холопом твоим, то письмо завязано в лубках... А про обдорского кунного самоедина князца Сатарку, которой у самоедина Итилидка гонцов Ледешка с товарищем принял, спрашивали березовского казака Костю Чуконина, которой того самоедина знает... [фрагмент текста утрачен] ведает про него подлинно. И Костя Чуконин сказал нам, холопом твоим, что тот самоедин князец Сатарко — твой государев ясачной, в самоеди в своем роду человек чесной, доброй, воровства за ним никакого нет, и твой государев ясак со всем своим родом платит на Обдорь ежегодно. И после того, как к нам самоедин Итилидко Тынгин к Мангазее приехал... про стрельца про Ледешка Кирилова и про тобольского казака Колмогора февраля по 23 число ведома с Обдори не было.

А февраля, государь, в... [фрагмент текста утрачен] в вечере приходил к нам в съезжую избу тюремной сиделец аманат тундряной самоедин Леденкина Шару Итилидки Тынгина племянник Собка Тынгин и сказывал нам: на дороге в Надымской губе гонцов Ледешка Кирилова да Ваську Колмогора побил неясачная самоедь, юраки Тыютова роду, а сказывала ему про то жена его Собкина севодни ввечеру, как была у него у тюрьмы. А теперь жена его с дядею его с Итилидком и с иною самоедью их же роду стоят за рекою на тундре в чюмах...

И о том мы, холопи твои, писали к тебе, государю, в иной отписке, а само-
ядина Итилидко Тынгина посадили в тюрьму до твоего государева указа и до
подлинного ведома, покаместа про гонцов про Ледешка Кирилова да про
Ваську Колмогора проведем подлинно. И про Ледешка, государь, и про
Ваську послали мы, холопи твои, проводить подлинно, а до тех мест вдру-
горядь к тебе, государь, к Москве и в Тоболеск с теми ж отписки, с чем были
посланы те гонцы, ныне не послать не смели, бояся от тебя, государя, опалы.
И о самоедине, государь, о Итилидке Тынгине как ты, государь, укажешь.

*РГАДА. Ф. 214. Стб. 178. Л. 135—145. Подлинник. Публикуется
с сокращениями.*

№ 5.

1641 г., не позднее января 20.

**Челобитная торгового человека Михаила Кондакова
об убийстве его дяди Ледешки Кирилова самоедами.**

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии
бьет челом сирота твой Устюга Великого торговой человек Мишка Конда-
ков. Жалоба, государь, мне на Карачею и закаменную самоедь: Большие
Карачеи на Немчина да на Хияна да на Малово да на Хозку да на Трясого-
лова да на Урея; да роду Пурыега на Сергу да на Кривово да на Кирпета да
на Хромово с товарищи их; Ванютина роду на Яру с товарищи; да на Сабе-
ин род, да на Гигиных род, да на Адеры род, да Ану-Карачеин род, на Ял-
ты род, на Адоры род и на все их роды карачейские и закаменные самоеди.

В прежних, государь, годех изстари родители мои, дед и отец и дядья,
жильцы бывали Пустозерского городка, и торги, государь, у них и промыс-
лы были с тою карачейскою и закаменною самоедью большие. И тех родов,
государь, многие люди им были должны, в Пустеозере и на Обдори за них
плачивали твои государевы ясаки и давали им в долги русские товары.
И в прошлом, государь, 144-м году к тебе, государю, к Москве послали из
Мангазеи твой государев воевода Борис Пушкин да дьяк Пятой Спиридо-
нов дядю моего родново Венедикта Кирилова, прозвище Ледеша, да с ним
Тобольского города служилого человека с отписками прямо на Березов зим-
ним путем с твоею государевою мангазейскою самоедью. И та, государь,
мангазейская самоедь своею землею везли дядю моего с твоими государевы-
ми отписками и отдали той Корачейской самоеди в их землю здорово.
Да у дяди ж, государь, моего было с собою взято триста рублей денег. И уведав,

государь, та самоедь у него деньги и не хотя платить ему долгу, до Березова не довезчи, убили.

Да та ж, государь, самоедь по дорогам твоих государевых служилых и торговых людей грабят и побивают многих; на Мангазейском море, которых морем розобьет, и те люди по берегам запасы свои и товары збирают, а та самоедь у них запасы и товары грабят и самих живых не пускают. А которые, государь, служивые люди через Камень ходят из Сибири с твоею государевою казною и наша братья, торговые людишка, и та, государь, самоедь, и на твою государеву казну напускают и нашу братью грабят и побивают. А про то, государь, их все воровство и убийства ведает твой государев обдорской князец Молик да дядя его Дурак; и грабежную, государь, у них всякую рухлядь принимают заведомо. И то, государь, самоецкое воровство ведомо твоим государевым воеводам и всяким служивым и торговым людем, которые бывают в Мангазее и хаживали через Камень.

Милосердный государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, убийство дяди моего Ледеша Кирилова сыскать тому Молику з дядею и вели, государь, мне, сироте своему, дати о сыску тех убойцов свою государеву грамоту за вислою печатью в сибирские города к воеводам и в Пустоозеро, где их сыщут, чтоб по твоему государеву указу твои государевы воеводы и приказные люди давали праведной сыск и управу на тех убойцов. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

На л. 369 об. помета: 149 г. генваря в 20 день. Дать грамота воеводам, велети того Обдорского князца Молика, о том убийстве сыскав, дати на поруку, что ему тех убойцов, сыскав, поставити перед воеводы, в которых городех они объявятца.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 88. Л. 369—370. Подлинник.

№ 6.

1641 г., февраля 13.

Грамота из Сибирского приказа в ответ на челобитную торгового человека М. Кондакова.

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в сибирские города и остроги и острожки Тобольского и Томского розряду воеводам нашим и дьяком и всяким приказным людем. В нынешнем во 149-м году генваря в 20 день бил нам челом Устюга Великого торговой человек Мишка Кондаков на Карачею и самоедь: Большие Карачеи на Немчина да на Хияна

да на Малово да на Хозку да на Трясоголова да на Урея; да роду Пурыега на Сергу да на Кривово да на Кирпета да на Хромово с товарищи их; Ванютина роду на Яру с товарищи; да на Сабейн род, да на Гигиных род, да на Адеры род, да Ану-Карачейн род, на Ялты род, на Адоры род и на все их роды карачейские и закаменные самоеди.

В прежних де годех ево дед и отец и дядя жильцы бывали Пустозерского городка, и торги у них и промыслы были с тою карачейскою и закаменною самоедью большие, и тех родов многие люди им были должны; в Пустозерере и на Обдори за них плачивали наши ясаки и давали им в долг русские товары. И в прошлом во 144-м году послали к нам к Москве из Мангазеи воевода Борис Пушкин да дьяк Пятой Спиридонов дядю ево родново Венедикта Кирилова, прозвище Ледеша, да с ним Тобольского города служилого человека с отписками прямо на Березов зимним путем с нашею мангазейскою самоедью. И та мангазейская самоедь своею землею везли дядю ево с нашими отписками и отдали той корочейской самоеди в их землю здорово. Да у дяди ж де ево было с собою взято триста рублей денег. И уведав та самоедь у него деньги и не хотя платить ему долгу, до Березова не довезчи, убили. Да та ж самоедь по дорогам наших служилых и торговых людей грабят и побивают многих; и на Мангазейском море, которых людей морем розбивает и те люди по берегам запасы свои и товары збирают — и та самоедь запасы и товары у них грабят же и самих побивают. А которые де служилые люди через Камень ходят из Сибири с нашею казною и их братья, торговые люди, и та де самоедь нашу казну и их грабят и побивают. А про то де их все воровство и убойства ведает обдорский князец Молик да дядя его Дурак, и грабежную у них всякую рухлядь принимают заведомо. И то де самоецкое воровство ведомо нашим воеводам и всяким служилым и торговым людям, которые бывают в Мангазее и хаживали через Камень.

И нам бы ево, Мишку Кондакова пожаловати: велети убойцов дяди его Ледеша Кирилова сыскать тому Молику з дядею и велети ему дати о сыску тех убойцов нашу грамоту за вислою печатью в сибирские города, где он, Мишка, сыщет, чтоб по нашему указу наши воеводы и приказные люди сыск и управу на тех убойцов... [фрагмент текста утрачен].

И воеводам нашим и дьяком и всяким приказным людям, где князцы Молик да Дурак объявятца, велети их, сыскав, дати на крепкие поруки в том, что они тех Венедиктовых убойцов Ледеша, сыскав, поставят перед воеводы, где они объявятца. А как тех убойцов сыщут и перед воеводы поставят и тех убойцов про то убойство и про иное про всякое воровство розпрашивать и сыскивати всякими сыски и указ им чинить по нашему указу, чево доведетца, чтоб иным вперед неповадно было так воровать и наших служилых

и торговых и всяких людей побивать и грабить. Да что по сыску тем вором учинят, и о том писать.

На л. 374 об. пометы: Писан на Москве лета 7149 февраля в 13 день. А прочитая нашу грамоту, отдавати Мишке Кондакову.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 88. Л. 371—374. Черновой отпуск. Подлинник.

№ 7.

1642 г., мая 24.

Из грамоты приказа Новгородской четверти пустозерскому воеводе Л. Н. Радилову о наказании сибирских самоедов за набег на Пустозерский уезд

...Борису Шереметеву да дьяку Ивану Ломакину, чтоб они для береженья прислали к нему в Пустозерский острог стрельцов, а вперед в Пустозерском остроге для береженья без служилых людей быть не уметь. И февраля в 28 числе писали к нам з Двины воевода Борис Шереметев да дьяк Иван Ломакин, что они по отписке Протасья Неплюева з Двины в Пустозерский острог послали пятидесятника стрелецкого Максимка Ярова да с ним двадцать девять человек стрельцов. Да мая в 13 день писал к нам ис Пустозерского острогу Протасей ж Неплюев, что в нынешнем же де во 150-м году февраля в 20 числе приходили под Пустозерский острог и у посадских людей ко двором приступали самоедь Большая Карачея — Хулейка с детьми, с Поскою, с Едурейком, с Немчинкой, с Хаскою — а с ними было самоеди человек с двесте, и у пустоозерцов у посадских людей олени многие отогнали и животину и аргиши с хлебными запасы, которые шли из Окладниковы слободки в Пустозерский острог, поимали. И воров самоедь, которые наперед сего нашу сибирскую казну громили, Лохеев и Ванюта, хотели выбить. И он де, Протасей, от тое самоеди во дворех отсиделся с пустоозерцы с посадскими людьми. И та де самоедь в уезде по деревням воевали четыре недели: образы кололи, людей грабили, а иных били и пытали, и животину имали, и неводы, и сети, и лотки, и ветки, и котлы, и якоря, и парусы поимали ж и свезли, и кочи посекали, и, воевав, отошли в тундру. Да ему ж де сказывали пустоозерцы, которых грабили самоедь в деревнях, Бориско Слезнин, Васька Макаров, что идут де под Пустозерский острог самоедь воевать нас бои Ану-Карачея прозвищем Нариды, а оберечь де ему Пустозерского острогу теми стрельцы некем, и нам бы ему о том велети указ учинити.

И мы указали з Двины послать на нашу службу в Пустоозерский острог для береженья к прежним стрельцам к двадцати девяти человеком в прибавку с сотником стрелецким семьдесят человек стрельцов против прежнево нашего указу, как посыланы сотники и стрельцы наперед сего до 138-го году, чтоб в Пустоозерском остроге бес служилых людей какова дурна не учинилось. И как к тебе ся наша грамота придет, а з Двины стольник наш и воевода князь Иван Хованской да дьяк Иван Ломакин сотника стрелецкого, а с ним семьдесят человек стрельцов в Пустоозерский острог пришлют, и ты б в Пустоозерском остроге жил с великим береженьем и тутошним людем и стрельцом приказал накрепко, чтоб они потому ж жили с великим береженьем, чтоб воры над Пустоозерским острогом какова дурна не учинили. А над теми ворами над самоядцы, которые воровали, образы кололи и нашу соболиную казну громили, и людей побили, и к Пустоозерскому острогу приступали, и у пустоозерцов посадцких людей олени и животину поимали, сыскивал бы еси и промышлял, смотря по тамошнему делу, как лутче, чтоб тех воров однолично сыскав перемати. И велел бы еси их пытать накрепко: сколько их человек в том воровстве в заговоре было и для какова умышленья и по чьему веленью такое воровство учинили: образы кололи и нашу сибирскую казну погромили, и людей побили, и к Пустоозерскому острогу приступали и у пустоозерцов и у посадцких людей и у уездных крестьян по деревням олени и животину отогнали, и хлеб поимали. Да на ково они до пытки и с пытки в том учнут говорить, и ты б тех воров потому ж сыскивая и ставя с очей на очи с теми воры, которые на них в том воровстве с пыток начнут говорить, роспрашивал подлинно и велел пытать накрепко, чтоб однолично про то воровство доискатца подлинно: какими обычаи такое воровство учинилося. Да по тому своему сыску и роспросным и пыточным речем ис тех воров пущих заботчиков, которые образы кололи и нашу соболиную казну громили, и людей побили, и к Пустоозерскому острогу приступали, и у пустоозерских и у деревенских крестьян олени и животину отогнали, и хлеб поимали, человек пяти или шти по дорогам велел повесить, чтоб на то смотря иным вперед не повадно было так воровать. А достальных воров велел бы еси вкинуть в тюрьму до нашего указу. А что те воры у пустоозерцов у посадцких людей и в деревнях у крестьян отогнали оленей и животину пограбили и всякого хлеба, и ты бы, про то сыскивая, однолично велел тем людем, у ково что имано, отдавать назад. А хто имяны самояди в том воровстве объявитца и кого из них за то воровство самых пущих воров заботчиков велишь повесить и сколько человек в тюрьму посажены будут и сколько кому по сыску грабленого живота и оленей, и животины, и хлеба отдашь, и ты б о том о всем подлинно отписал к нам к Москве, а отписку велел подать в Новгородской чети печатнику нашему и думному дьяку Федору Федоровичу Лихачеву

да дьяком нашим Григорию Львову да Тимофею Голосову, чтоб нам про то подлинно вскоре было ведомо.

Писан на Москве лета 7150-го маяя в 24 день.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 425. Л. 110—114. Публикуется в извлечении.

№ 8

1643 г., не позднее августа 2.

Челобитные остяков Березовского уезда с просьбой об отсрочке в уплате ясака

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твой Мелешка Квашнин челом бьет. В нынешнем, государь, во 151-м году били челом тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, а на Березове в съезжей избе прежнему воеводе Ивану Францбекову принесли челобитные Березовского уезду Казымские да Обдорские, да Куноватцкие, да Сосвинские волостей ясачные остяки за своими знамяны. И те, государь, челобитные по росписному списку, как по твоему государеву указу я, холоп твой, с Иваном Фрацбековым росписался, у Ивана Францбекова [взял] и послал к тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, к Москве под сею отпискою в нынешнем во 151-м году августа в 2 день за...* служилыми людьми с пятидесятником с Ивашком Мецерековым да с казаки с Симанком Фофановым с товарищи.

1.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом и плачутца бедные сироты твои государевы Березовского уезду Казымские волости ясачные остяки Хонды Елгодин, Елчеп Елгодин, Ябор Конярко, Пуулко Емдорков, Няжиско Мозин, Рандома Тагунин, Дементей Монколев, Лука Алгодин, Азыма Яншин, Медыс Рандомин, Песык Сансков... Семейка Мургачов, Тамахое... Кудымов, Мылсе Максимов... мул Теврин, Тонин Дрозмор, Табита Таватеев, Ваны Ньюев, Онсор Пуленжев, Юнпox Кызылов, Алманко... Олторма Ярсыпуков, Рехта Чихмылев... Дылда Поков, Каин да Нерымко... Кукамков сын... и во всех товарищев своих Казымские волости ясачных [людей] место.

С прошлого, государь... и по нынешний по 151-й год пришла на нас, сирот твоих, нужда... от больших вод рыбново промыслу не стало, терпим нужу

* Пропуски в данном документе обусловлены плохой сохранностью оригинала.

и голод по вся годы великой, и многие казымские остяки з женами и з детьми з голоду померли, а иные, государь, наша братья, остяки, жены и дети свои для голоду продавали в работу. И твоим государевым ясаком промышлять для голоду стало нечем. А в прежних, государь, годах, которого году летом больши рыбы добывали, и на ту сухую рыбу и на жир рыбей покупали у тундряной самоеди мяхкую рухлядь и тоей свою нужу исполняли, и тою мяхкою рухлядью платили твой государев ясак по вся годы. И в нынешнем, государь, во 151-м году с тундры в Казымскую волость к нам самоедь с торгом не приезжала, и у ково, государь, у нас были... и оленишка, и тех оленей было продать на мяхкую рухлядь некому. А соболиново, государь, у нас промыслу в Казымской волости нет, а наперед сего до прошлого 149-го году была в Казымской волости в лесах белка, и мы, сироты твои, на промыслах белку ловили и белкою твой государев ясак и выплачивали. А в прошлом, государь, в... году из Березовского уезду белка... неведомо куды. И ныне... [мы], сироты твои государевы с тое... [го]лоду з женишками и з детишками [по]мираем голодною смертью, и государев ясак платить нечем, и обнищали и обдолжали, наги и боси, и в конец погибли.

Милосердый государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии, пожалуй нас, сирот своих бедных, для нашия великия голодные нужи: вели, государь, нам дати в ясаке срок до 152-го году; и вели, государь, нам дати для голоду из своей государевой казны в цену муки, колько тебе, милосердый государь, Бог известит, чтоб мы, сироты твои государевы, з женишками и з детишками з голоду в конец не погибли и вперед твоего государева ясаку не отбыли.

Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

2.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии бьют челом и плачутца бедные сироты твои государевы Березовского уезду Обдорские волости ясачные остяки Моличко да Ермачко Мамруковы, Дурачко Корзепов, Нюхтейко Надымской, Елдирко Тахтиев, Асилко Панляев, Козичко Кормалеев, Абызко Норисков и во всех товарищев своих обдорских ясачных остяков место.

С прошлого, государь, со 139-го года и по нынешней по 151-й год пришла на нас нужна великая: от больших вод рыбново [промы]слу у нас не стало, терпим нужу... по вся годы великой. И многие обдорские остяки [з же]нами и з детьми з голоду померли, а иные, государь, наша братья, остяки, жены и дети свои для голоду продавали в работу. И твоим государевым ясаком промышлять для голоду стало нечем. А в прежних, государь, годах, которого

году летом больши рыбы добывали, и на ту сухую рыбу и на жир рыбей покупали у тундряные самоеды мяхкую рухлядь и платили твой государев ясак по вся годы. И в нынешних, государь, годех для голоду с тундры в Обдорскую волость к нам самоедь с торгом не приезжает. И у кого, государь, у нас есть и оленишка, и продать на мяхкую рухлядь некому. А лешево, государь, у нас промыслу в Обдорской волости нет, потому што у нас места тундряные и болотные, блиско к морю большему студеному. И ныне, государь, мы, сироты твои государевы, с тое... и з голоду з женишками и детишками помираем голодною смертью, и твой государев ясак платить нечем, обнищали и обдолжали, наги и боси, и в конце погibli.

Милосердый государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси, пожалуй нас, сирот своих бедных, для нашии великие голодные нужи: вели, государь, нам дати в ясаке срок до 152-го году; и вели, государь, нам дати для голоду из своей государевой казны в цену муки, колько тебе, милосердый государь, Бог известит, чтоб мы, сироты твои государевы, з женишками и з детишками з голоду в конце не погibli и вперед твоего государева ясаку не отбыли.

Государь, царь, смилуйся, пожалуй.

3.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси бьют челом сироты твои государевы Березовского уезду Куноватцкие волости ясачные остяки Горка Данилов, Вокчимко Лугумов, Путурчейко Макарьев, Окоско Вокчимов, Кошелко Путурчиев, Семейко Лажмидов, Рехтан Кононгимов, Сопсынко Вабиев, Забылко Вабиев и во всех товарищев своих Куноватцкие волости ясачных остяков место.

С прошлого, государь, со 139-го года и по нынешней по 151-й год пришла на нас нужда великая: от больших вод рыбново промыслу у нас не стало, терпим нужу и голод по вся годы великой. И многие Куноватцкой волости остяки з женами и з детьми з голоду померли, а иные, государь, наша братья, остяки, жены и дети свои для голоду продавали в работу. И твоим государевым ясаком промышлять для голоду стало нечем. А в прежних годех, которого году летом больши рыбы добывали, и на ту сухую рыбу и на жир рыбей покупали у казымские у кунные самоеды мяхкую рухлядь и тем свою нужу исполняли и тою мяхкою рухлядь платили твой государев ясак по вся годы. Да сами, государь, мы, сироты твои, белку промышляли. А со 142-го году промыслов у нас своих не стало, што белка неведомо куды сошла. А во 149-м и во... годех покупали мы, сироты твои, у казымские самоеды на оленишки мяхкую рухлядь, у которых были олени... и тем твой государев ясак платили. А в нынешнем, государь, во 151-м году кунная казымская самоедь

в Казымскую и к нам в Куноватцкую волости не приезжали, для того: в нынешнем же, государь, во 151-м году бились они с карачейскою самоядью и на лешие промыслы не ходили. А которые, государь, самоядь, немногие люди, в Казымскую волость и приезжали и те без мяжкие рухляди, с великою нужею и за себя твой государев ясак платили.

Милосердый государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси, пожалуй нас, сирот своих бедных, для нашии великие голодные нужи: вели, государь, нам дати в ясаке срок до 152-го году; и вели, государь, нам дати для голоду из своей государевой казны в цену муки, колько тебе, милосердый государь, Бог известит, чтоб мы, сироты твои государевы, з женишками и з детишками з голоду в конец не погибли и вперед твоего государева ясаку не отбыли.

Государь, царь, смилуйся, пожалуй.

4.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси быют челом сироты твои государевы Березовского уезду Сосвинские волости ясачные остяки Сеуско Талыев, Чюкалко Вотиков, Ваулка Васуев... Юрин, Канидко да Васка Овтомов, Чечако да... Товарко Таликин, Тидрако да... да Березовского ж уезду Естыльской [волости] ясачные ж остяки Гришка Медиков, Салко Татачнев, Манка Унтин сын... Пурчимовы, Шанга Вирчиков сын, Салчик... Данко Мугиев и во всех товарищов своих Березовского уезду сосвинских и естыльских ясачных остяков место.

С прошлого, государь, со 139-го года и по нынешней по 151-й год пришла на нас, сирот твоих, нужда великая: от больших вод рыбново промыслу у нас в волостех во всех не стало, терпим нужу и голод по вся годы великой. И многие Сосвинские и Естыльские волости остяки з женами и з детьми з голоду померли, а иные, государь, наша братья, остяки, жены и дети свои для голоду продавали в работу. И твоим государевым ясаком промышлять для голоду стало нечем. А в прежних, государь, годех сами мы, сироты твои, белку промышляли и твой государев ясак выплачивали. А со 149-го году промыслов у нас своих не стало, потому што белка неведомо куды сошла, а иных зверей в наших угодьях мало ж. И от нужи великие мы, сироты твои, обнищали и обдолжали, з женишками и з детишками и з голоду в конец погибли.

Милосердый государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси, пожалуй нас, сирот своих бедных, для нашии великие голодные нужи: вели, государь, нам дати в ясаке срок до 152-го году; и вели, государь, нам дати для голоду из своей государевой казны в цену муки, колько тебе, милосердый

государь, Бог известит, чтоб мы, сироты твои государевы, з женишками и з детишками з голоду в конец не погибли и вперед твоего государева ясаку не отбыли.

Государь, царь, смилуйся, пожалуй.

На л. 235 об. отметка о подаче: 152 г. декабря в 6 день подал березовской... Ивашко Мещеряков.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 123. Л. 235—243. Подлинник.

№ 9

1644 г., не ранее июня 4 — не позднее октября 25.

Отписка тобольских воевод о грабеже самоедами хлебных запасов в Обдорске

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Гришка Куракин, Михайло Гогарин, Ивашко Переносов, Гришка Лукин челом бьют. В прошлом, государь, во 151-м году июля в день послали мы, холопи твои, ис Тобольска до Обдори в дву дощаниках с тобольским сыном боярским з Дмитрием Черкасовым да с тобольскими и мангазейскими служилыми людьми с Ивашком Нармацким с товарищи мангазейским служилым человеком и ружником и оброчником на жалованье и на неокладные расходы на 150-й и на 151-й год четыреста один мех муки ржаной, а мангазейских пятипудовых чети в тех мехах четыреста сорок семь чети с осминою и полчетверика. А на Обдори велено ему, Дмитрею, взяти у таможенных голов у Дмитрея Котельникова да у Шумила Степанова коч, которой вышел из Мангазеи во 150-м году, тюменского кочевщика Галанки Семенова да два якори кочевщика Палки Ортемьева. А взяв тот коч, и в тот коч велено ис тех дощаников твои государевы хлебные запасы выгрузить тотчас не мешкая и ехати с теми хлебными запасы в Мангазею.

И в нынешнем, государь, во 152-м году февраля в 15 день писали к нам, холопом твоим, с Обдори тобольские служилые люди Ивашко Михайлов с товарищи: посланы де они в Мангазею с твоими государевыми хлебными запасы до Обдори на дощаниках, а на Обдори велено взять коч Галанки Семенова и из дощаников хлебные запасы выгрузить в коч и ехать в Мангазею. И тот де коч изломало льдом. И сын боярской де Дмитрий Черкасов оставил их на Обдори, а велел коча дожидатца из Мангазеи, и из Мангазеи де выехал поздно, и они де в Мангазею ехать не посмели, потому что ход стал позной. И они де хлебные запасы из дощаников выгрузили в онбар.

Да в нынешнем, государь, во 152-м году июня в 4 день писал ко мне, холопу твоему, Гришке з Березова воевода Мелентий Квашнин: в нынешнем де во 152-м году апреля в 7 день писали к нему, Мелентью, на Березов с Обдори тобольские и мангазейские служилые люди Ивашко Михайлов с товарищи, которые в прошлом во 151-м году оставлены на Обдори для береженья твоих государевых хлебных запасов, что в нынешнем же во 152-м году приезжали на Обдор воровская самаядь. А они де, служилые люди, были в твоём государеве казенном хлебном анбаре на карауле. И как де они вышли из хлебного анбара под вечер ужинать в ызбу, и та де самаядь пришли к избе за щитами и у избы окна снегом закрывали и сени заперли и у твоего де государева хлебного анбара двери высекали и взяли твоего государева хлебного запаса мешков с пятнадцать и больши. И как де они, служилые люди, из избы выбились и щиты отбили и вышли к самойди на берег и самаядь от твоих государевых анбаров отбили и в то время самаядь на бою ранили служилых людей четырех человек. Да с тою де воровскою самойдью приходил к ним, к служилым людям, в избу в день кошкой остяк Корымков сын и с иными обдорскими остяки, да к нему ж де, Ивашку, приходил обдорский остяк Кандейко Лонгуров сказывал ему, что будет на Обдор и иные самаяди много, им де отсидеть от них будет не уметь. И он де, Мелентей, апреля ж в 8 день послал з Березова на Обдор сына боярского Родиона Лихачова да с ним березовских служилых людей дватцать человек для береженья твоих государевых хлебных запасов и для сыску тое воровской самойди: будет где та воровская самаядь объявитца, к Обдори идучи на дороге, или дойдут их под Обдорским городком, и тое воровскую самуюдь велел де сыну боярскому Родиону Лихачову с служилыми людьми, ково мочно, перенимать. И велел им жить на Обдори до тех мест, как самаядского приезде на Обдор в нынешнем во 152-м году не чаять, и твоих государевых хлебных запасов беречь накрепко.

Да сыну боярскому Родиону Лихачову велел он, Мелентей, сыскать на Обдори обдорскими остяки, которые в то время, как воровская самаядь твои государевы хлебные запасы имали, на Обдори были и которые остяки ж в то время были недалеко от Обдори, по их вере по шерти: которого роду и хто именем и сколько человек воровской самойди на Обдор приезжали и в которое время и сколько мешков твоих государевых хлебных запасов взяли. Да Родиону ж де Лихачову велел тобольских и мангазейских служилых людей раненых досмотрить и раны переписать и о том о всем велел ему, Родиону, к себе отписать и сыск прислать на Березов.

И мая де в 4 день писал к нему, Мелентью, березовский сын боярской Родион Лихачов: едучи де он з Березова дорогою к Обдори и на Обдори будучи апреля з 23 числа да апреля ж по 28 число воровские самаяди при них не объявилось.

А после де того, как писали к нему с Обдори тобольские и мангазейские служилые люди Ивашко Михайлов с товарищи, до ево, Родионова, приезда на Обдор за день приступали вдругорядь на Обдори к твоим государевым запасам и к служилым людям та ж воровская самаядь, которые в нынешнем во 152-м году на Обдори служилых людей переранили и твой государев хлеб имели, самоедин Харва с товарищи. И в другой де приступ та самаядь над служилыми людьми ничего не учинили и твоего государева хлеба не взяли. Да он же де, Родион, прислал к нему, Мелентью, под отпискою своею сыск свой за знамены обдорских ясачных остяков, про что было велено ему сыскать. И тот сыск воевода Мелентей Квашнин под отпискою своею прислал в Тоболеск.

А в обыску написано: в допросе березовскому сыну боярскому Родиону Лихачову обдорские ясашные остяки Молик Мамруков с товарищи восемь человек сказали по своей вере по шерти: в нынешнем де во 152-м году, как приезжали на Обдор воровская самаядь Харва да Вяна да Муня роду Карачей, да роду Адеров самоедин Тутчида, да зять ево Харвин роду Лохеев и ево де Харвину зятю имяни и иным Харвиным товарищам, которые с ним были для воровства, имян их не ведают — и сколько чети твоего государева запаса взяли, того они не ведают же, потому что де они в те поры на Обдори в зимних юртах не были, выехали преж их, воровской самоеди приезду, по своим вешним юртам.

Обдорской же остяк Хулейко Щеголдаев сказал: приезжал де на Обдор Харва с товарищи и к служилым людям за щитами приступали. И в ту де пору служилые люди у воровской самоеди у Харвы с товарищи убили ис пищали человека. А сколько де с тем Харвою в те поры воровской самоеди было, того он, Хулейко, не ведает. И те ево де государева запаса в те поры та воровская самаядь не взяли ни одной чети и отъехали прочь.

Обдорской же остяк Кандейко Лонгуров сын сказал: после приезде воровской самоеди по приезд их он, Кандейко, от служилых людей от Ивашка Михайлова с товарищи слышал, а того де, государь, он, Кандейко, служилым людям не сказывал, что будет де к ним, служилым людям, вперед воровской самоеди много и отсидетца им будет не уметь. И того де он не ведает, сколько воровской самоеди было и хто имянем и которого роду и сколько твоего государева запаса взяли, того де он не ведает же.

Коцкой, государь, остяк Корымков сын сказал: приходил де он на Обдор из вешних юрт лабаз делать, а в тот же день преж ево приехали на Обдор воровская самаядь Харва да Вена да Мауня да роду Адеров самоедин Тутчада да зять ево Харвин роду Лохеев, и ево де Харвину зятю имени не ведает. Да с ним же де с Харвою были пять человек самоеди, а имян де их и которого хто роду, того он не знает. А приезжал де тот Харва к ним служилым людям

к Ивану Михайлову с товарищи на Обдор в те поры для торгу, и призвали де ево те служилые люди к себе в избу, а велели ему самоедски толмачить, и от того де ему дали хлеб и безмен соли, и он де им толмачил. И в те де поры они, служилые люди, купили у Харвы с товарищи десять постелей оленьих на муку, а купя муку, поехали та самоедь в свои чумы. А драки меж служилых людей и самоеди при нем не было. Да тот же де Харва с товарищи приезжал на Обдор к служилым людям ис чюмов на другой день без нево, а он де в те поры был в своих юртах, а на Обдор не приезжал. И купили де те служилые люди у той воровской самоеди самоедскую девку на муку. А после де торгу та самоедь Харва с товарищи того же де дни к ним служилым людям приступали и их де, служилых людей, четырех человек ранили, а твоево де государева запасу взяли четвертей з десять и больши. А слышал де он тот погром воровской самоеди от них, служилых людей, а о приступе де воровской самоеди он, Кормыков сын, не был. А сколько четвертей та воровская самоедь Харва с товарищи твоево государева запасу взяли, того де он не ведает.

И в нынешнем, государь, во 152-м году мая в 10 день до отписки з Березова воеводы Мелентия Квашнина писали мы, холопи твои, на Обдор к таможенным и заставочным головам к Дмитрею Котельникову да к Шумилу Степанову и послали тобольских служилых людей Ивашка Ярославца с товарищи пятнатцать человек, а велели им коч поделать и ехать с твоими государевыми хлебными запасы с Обдори в Мангазею.

На л. 175 об. *отметка о подаче*: 153 году октября в 25 день подал тобольский пятидесятник Пятунка... [нрзб]

РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 175—182. Подлинник.

№ 10

1644 г., не ранее мая 21.

Отписка тобольского воеводы

кн. Г.С. Куракина в Москву о разбитом в Обской губе коче

...В нынешнем де во 152-м году по первому зимнему пути посылал ево, Молика, с Обдори ясашной зборщик березовской сын боярской Федор Игнатьев на тундру и в Надым искать и призывать на Обдор с твоим государевым ясаком самоедь. И наехал де он, Молик, в Надыме обдорсково самоедина роду Ивасиды Сензехома, Сендомина брата. И сказывал де ему тот самоедин Сензехом, что в прошлом во 151-м и в нынешнем во 152-м году осенью по полой воде ловил он рыбу на реке на Тазу ниже Мангазейского города во

днище. И осенью де... [фрагмент текста утрачен] посылаемы были из Тазовского города служилые люди в лотках на низ по реке по Тазу смотреть с моря кочей, которые кочи пошли в Мангазею из Сибири в прошлом во 151-м году. И ждали де кочей до заморозу, и кочи де в Мангазею и в Таз реку не бывали. И тот де самоедин Сензехом поехал на оленях с реки Таз к своему роду к самоеди ж и наехал де он самоедина своего ж роду именем Кырпу, Ямова брата. И тот де Кырпа сказывал ему, Сензехому, что видел он в Тазовской губе в нынешнем во 152-м году по первому зимнему пути у Пуровского острова коч розбитой, да у коча две бочки полны вина, и того де он вина не имал, а русских людей у коча не видал никою. Да тот же де самоедин Кырпа сказывал ему, Сензехому: слышал он от иной самоеди же, что на том коче ехал в Мангазею дьяк Григорей Теряев, и с того де коча русские люди пошли пеши зимним путем в Мангазею, а иные де кочи рознесло без вести.

Да после де его, Молика, приезжал самоедин Кырпа в Надым же. И тот самоедин Кырпа, Ямов брат, которой про то сказывал самоеди Сензехому, и в Надыме сказывал он, Кырпа, те ж речи Обдорские волости надымским остяком Тынину Нюптееву да Небаху Ленгиеву.

И я, холоп твой Гришка, писал на Березов к воеводе к Мелентью Квашнину, а велел ему про те кочи проведать подлинно, а проведав — отписать в Тоболеск тотчас. И з Березова воевода Мелентей Квашнин в Тоболеск ко мне, холопу моему Гришке, мая по 21 число не писывал. А какову, государь, отписку воевода князь Петр Ухтомский в Тоболеск писал, и мы, холопи твои, то отписку послали к тебе, ко государю, под сею отпискою.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 435—436. Подлинник. Публикуется с сокращениями.

№ 11

1645 г., июль — не позднее августа 31.

Отписка мангазейского воеводы кн. П. М. Ухтомского в Москву о нападениях самоедов на русских людей

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холоп твой Петрушка Ухтомской челом бьет. В нынешнем, государь, во 153-м году, как шли из Сибири через море в Мангазею с твоими государевыми хлебными и со всякими запасы Тобольского города атаман казачей Яков Елизарьев и Тобольского ж и Мангазейского города служилые люди и тобольские

ж казачьи наемщики, и их де, атамана Якова и служилых людей, воровская самаядь, наезжая на море и по Тазу реке, к кочам приступали и побивали и ранили. И как они, атаман Яков и служилые люди, приехали на твоих государевых кочах с твоими государевыми хлебными запасы в Мангазею и сказали мне, холопу твоему, про тое воровскую самуюдь, что они, самаядцы, так воруют, русских людей побивают и грабят, посылал я, холоп твой, из Мангазеи вниз по Тазу реки до моря для умирения на тое воровскую самуюдь мангазейских и тобольских служилых людей десятника стрелецкого Ивана Сорокина да тобольских Козарина Онтонова с товарищи дватцать человек. И твоим государевым счастьем те служилые люди, Иван Сорокин и Козарин с товарищи, тое воровскую самуюдь на усть Тазу реки нашли, и с тою воровскою самуюдью у тех служилых людей бой был. И по твоему государеву счастью служилые люди тое воровской самуюди убили до смерти двух человек князцов и с ними и иных многих людей самаядцов. А иных тех воровских самаядцов жен и детей полонили одиннатцать человек и привезли в город. А русских служилых людей на том бою та воровская самаядь ранили тобольсково служилово человека Пятунку Мосиева да мангазейсково самаядцово толмача Ваську Дементьева.

И я, холоп твой, тое воровской самуюди двух жонок здесь в Мангазее в съезжей избе расспрашивал и после роспросу про воровство тех двух жонок велел и пытать, и пытаны. И что, государь, те воровские самаядцкие жонки в роспросе и с пытки сказали, и то, государь, писано под сею отпискою в роспросных и в пыточных речах.

153-го году июля в... [число пропущено] день самаядцкие жонки ясырки, которые взяты на бою пуровской воровской самуюди Евасидина роду князца Шарумы, в роспросе с пытки сказали про убитово мангазейсково стрельца про Саву Ондреева: что убит за Тазом рекою весною по последнему пути зимнему; что де убил того Саву Ондреева Сыраптейко Асидцово роду, мангазейской ясачной самуюдин, з зятем своим, Евасидина ж нашево роду. А с ним де ходит, с Сыраптейком, человек з десять тех воров, и они де многих русских людей побивали и вперед норовятца бити. А всех их с Сыраптейковыми людьми человек з дватцать — те де воруют и побивают русских людей.

Да те ж жонки князцовы в роспросе сказали про Онисимову жену мангазейсково стрельца: что де шла она морем возле землю в карбасе, и карбас де у нее морем отбило, и она де шла по кошке пеша и нашла де самуюдь своих родников, юраков именем пеков, и с ними де жила долгое время, да стала говорить, прошатца на Обдор к руским людям, и они де и повезли ее и с робетишками с рускими, которые с нею были, на Обдор. А про то де мы не знаем, отвезли ли ее или нет к руским людям.

На л. 292 об. отметка о подаче: 154 г. генваря в 9 день подал мангазейской атаман Яков Шохтин.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 143. Л. 292, 291, 293.* Подлинник.

№ 12.

1651 г., не ранее февраля 5 — не позднее ноября 25. Отписка березовского воеводы Я. Н. Лихарева в Москву о замене князца Поско Хулеева на других аманатов.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси холоп твой Янка Лихарев челом бьет. В нынешнем, государь, во 159-м году сентября в 10 день по твоему государеву указу посылал я, холоп твой, з Березова в Обдорскую волость для твоего государева ясачново збору березовского сына боярсково Алексея Иванова сына Лихачова, да с ним же был послан аманат Поско Хулеев. И велено ему, Алексею, из-за того аманата с самоеди збирать твой государев ясак. А как он, Алексей, с самоеди государев ясак зберет, велено ему, Алексею Лихачову, аманата Поска отпустить, а в его место взять в оманаты двух сынов ево. Да ему ж, Алексею, велено у той самоеди взять в оманаты из роду по человеку лутчему или по два добровольно. А будет они самоедь аманатов добровольно из роду по человеку лутчему в оманаты не дадут, и ему, Алексею, велено их взять и в неволю.

И в нынешнем же, государь, во 159-м году февраля в 5 день приехал с Обдори сын боярской Алексей Лихачов, а с собою привез двух человек самоецких аманатов, лутчих людей: Поскова сына Хулеева Маулу да племянника ево Серпея. Да он же, Олексей, в съезжей избе мне, холопу твоему, подал доездную память, а в доездной ево памяти написано: будучи де он, Алексей, на Обдори, карачейскую самоедь в твой государев городок призывал, и самоецкие де лутчие князцы в твой государев городок с ясаком сами не приезживали, потому что де оне истращаны, боятца поимки в оманаты. И Поско де в свое место посадил в оманаты сына своего да племянника. А после де того карачейская самоедь, князцы и лутчие люди, потому ж в городок ездить не почали и присылали де твой государев ясак к нему, Алексею, с ним, Поском Хулеевым, и с холопи своими. И ему де, Алексею, больша того в оманаты самоецких лутчих людей поимать было нельзе, потому что де та самоедь остереглись, оберегаются и живут де по розным местом и бегают по тундрам, и изымать де их в оманаты никакими мерами и обмануть нельзе.

* Нумерация листов перепутана.

И я, холоп твой, у него, Алексея, тех самаяцких аманатов двух человек велел принять и посадить в тюрьму до твоего государева указу. А оманацково, государь, двора на Березове городе нет, а в тюрьме им, самаяди, в оманатах сидеть добре скучно и нужно: тюрьмишко худая, нужная. И я, холоп твой, до твоего государева указу тех аманатов ныне велел держать за приставы у детей боярских и у атаманов и у казаков помесечно и понедельно, чтоб им было не скучно и не нужно и чтоб их не остращать и не ожесточить. И вперед мне, холопу твоему, у самаяди лутчих людей в оманаты имать велеть ли или нет? О том ты, государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, мне, холопу своему, как укажешь.

На л. 452 об. *отметка о подаче*: 160 г. ноября в 25 день подал березовский сын боярской Первой Яковлев.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 408. Л. 452—455. Подлинник.

№ 13.

1652 г., не ранее февраля 8.

Отписка березовского воеводы

Я. Н. Лихарева в Москву о поимке аманатов из самоедов.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси холоп твой Янка Лихарев челом бьет. В нынешнем, государь, во 160-м году сентября в 17 день по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу посылал я, холоп твой, з Березова в Обдорскую волость для твоего государева ясачного збору березовского сына боярсково Алексея Лихачова да с ним березовских служилых людей тритцать пять человек и велел ему, Алексею, с карачейской самаяди збирать твой государев ясак на нынешний на 160-й год. А как он, Алексей, с карачейской самаяди твой государев ясак зберет, и ему, Алексею, велено взять в оманаты лутчево князца Пося Хулеева да сверх тово ж ему, Алексею, велено взять в оманаты изо всякого роду по самому лутчему человеку добровольно. А будет они, самаядь, из роду по лутчему человеку добровольно в оманаты не дадутца, и ему, Алексею, с ратными з березовскими служилыми людьми велено взять в оманаты из роду по лутчему человеку и в неволю.

И в нынешнем же, государь, во 160-м году февраля в 8 день приехал с Обдори на Березов сын боярской Алексей Лихачов з березовскими служилыми людьми, а с собою привез четырех человек самаяцких аманатов, самых лутчих князцов: Большие карачейские земли князца лутчево Пося Хулеева —

тово, которой преж сево вырезався ис тюрьмы, з города Брезова с товарищи своими побежал — да сына ево князь Мугалея, да тово ж Большово карачейсково роду князца Шигова Нынкова сына, да обдорской и карачейской же самоеди лутчево самоедина Обчина Татова сына. И я, холоп твой, у нево, Алексея Лихачова, те самоецкие аманаты Большие карачейские земли самово лутчево князца Пося Хулеева, да сына ево князь Мугалея, да князца ж Шигова Нынкова, да лутчево самоедина Обчина Татова велел принять и приставил к ним, самоецким аманатом, караульщиков березовских служилых людей. И велел им тех самоецких аманатов беречь и караулить накрепко с великим береженьем днем и ночью, чтоб, государь, они, самоецкие аманаты, за их береженьем не ушли и над собою и над служилыми людьми какова дурна не учинили. А корм им велел учинить, что им пить и есть, ис твоей государевой казны и велел их поить и кормить довольно, чтоб те аманаты, лутчие князцы, ничем твоею государевою милостию скудны не были.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 1056. Ч. 1. Л. 13—14. Подлинник.

№ 14.

1652 г., мая 26.

Челобитная аманата князца Пося Хулеева.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси холоп твой Янка Лихарев челом бьет. В нынешнем, государь, во 160-м году мая в 26 день били челом тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси, а мне, холопу твоему, на Березове в съезжей избе подал челобитную за своим знаменем Березовского уезду Большие Карачейские земли самоеди лутчей князец князь Пось Хулеев с товарищи. И я, холоп твой, тое их челобитную послал к тебе, ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси к Москве, под сею отпискою.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси быют челом сироты твои государевы Березовского уезду Большие карачейские земли самоед князец Поско Хулеев с товарищи. С прошлых, государь, лет, как и Березов город стал, приезжая на Обдор, платили мы, сироты твои, прежнем государем царем и блаженные памяти отцу твоему государеву великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси и тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси, ясак по вся годы на Обдоре не по окладу. И в прошлых же, государь,

во 149-м и во 150-м годах заворовала пустозерская самаядь на Камени, твою государеву ясачную казну погромила и розвезла по себе, а мы, сироты твои, карачейская самаядь в том воровстве на Камени с ними, пустозерскою самаядью, не были, и твоей государевой казны не громили. И по твоему государеву указу, как велено та твоя государева ясачная казна сыскивать, и мы, сироты твои, служа тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси, тое пустозерскую самаядь окупали и за твою государеву погромную казну на Обдори березовским ясачным сборщиком платили соболями и бобрами и оленями. Да мы ж, сироты твои, за твои государевы хлебные запасы и за соль, которые хлебные запасы и соль самаядь на морском розбое розвозила в прошлом во 150-м году, и в прошлом же во 157-м году на Обдори ясачному сборщику березовскому сыну боярскому Родиону Лихачеву против твоей государевой указной цены заплатили все сполна.

А в оманаты нас, сирот твоих, никоторово роду самайди... [фрагмент текста утрачен] не имывали, как и твой государев Березов город ставлен, а тем нас, сирот твоих, не ско[рбили]. И в прошлом, государь, во 158-м году по приказу твоего государева воеводы Михайло Лодыженского на Обдори березовские ясачные сборщики казаки Васька Кокоулин с товарищи, призвав нас в твою государеву избу к твоему государеву милостивому к нам жалованью, и переимали нас, сирот твоих, в оманаты в твоей государеве избе трех человек. И как привезли нас, сирот твоих, на Березов, и твой государев воевода Михайло Лодыженской засадил нас, сирот твоих, в тюрьму пустую и поморил было нас голодною смертью безвинно. И послыша, государь, то, иных родов самаядь в Обдорскую волость с ясачным платежом не почала ездить, бояся поимки, и отъехала в Монгазейский уезд, и с мангазейскими, государь, уездными людьми в леших промыслах почали у них быть меж себя драки большие и друг друга побивают до смерти, и в том твоей государеве ясачной казне чинится убыль великая и меж землею ссора большая.

И мы, сироты, сидячи в тюрьме и не стерпя великие нужи и бедности, тюрьму подрезали и под стену подкопались, и из тюрьмы побежали в свои юрты. И твой государев стольник и воевода Яков Никитич Лихарев за нами посылал ратных людей в погоню и меня, сироту твоего, Большие карачейские земли князца Поска, поимали, а товарищи, государь, мои убежали. И в нынешнем, государь, во 160-м году твой государев стольник и воевода Яков Никитич Лихарев посылал з Березова города сына боярского Алексея Лихачева с ратными людьми и велел нас, сирот твоих, ему, Алексею Лихачеву, с ратными людьми перехватать самых лутших людей князцов. И по его, государь, Якова Никитича, веленью сын боярской Алексей Лихачев с ратными людьми нас, сирот твоих, перехватал самых лутших людей Большие карачейские

земли князцов четырех человек: меня, князца Поско Хулеева с товарищи, и привезли нас на Березов город. И ныне мы, сироты твои государевы, на Березове городе сидим за крепкими караулы день и ночь. А мы, сироты твои, вашей государскою милостью преж сего ни в какой нуже и в оскорблении не бывали.

Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй нас, сирот своих, вели, государь, своему государеву стольнику и воеводе Якову Никитичу Лихареву нам, сиротам твоим, свой государев милостивый указ учинить, а нас бедных из оманатов отпустить в свое юртишко против прежних лет, как исстари бывало, чтоб, государь, теми оманаты в земле нашей промеж нами большой смуты не было. А и преж, государь, сего нас, сирот твоих, по 158-й год в оманаты не имывали, как и город Березов стал, а твой государев ясак мы, сироты твои, плачивали по вся годы и без аманатов. А се, государь, мы, сироты твои, люди дикие и кочевные, на одном нам месте жить невозможно и в тюрьме сидеть и за приставом боимся, а твой государев ясак учнем, сироты твои, платить, приезжая на Обдор, по вся годы против прежнего и с прибылью. А наши, государь, житишка и кочевные юртишка, где мы, сироты твои, кочуем и живем, от города от Березова больше двух тысяч верст, и чтоб нам, сиротам твоим, твоею государевою милостью от тое аманатские поимки в конец не погибнуть и врознь не разбрестись и юртишек своих и промыслов не отбыть. Царь, государь, смилуйся.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 1056. Ч. 1. Л. 8—11. Подлинник.

№ 15.

1652 г., февраля 16.

Челобитная остяков Обдорской волости с просьбой об освобождении самоедских аманатов.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси холоп твой Янка Лихарев челом бьет. В нынешнем, государь, во 160-м году февраля в 16 день били челом тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси, а мне, холопу твоему, на Березове в съезжей избе подали челобитную за своими знамяны Березовского уезду Обдорские волости и иных волости ясачные остяки князец Моличко Мамруков з братьями да Надымсково городка Тынинка Нюптиев, Смагинко Щеголков с товарищи и во всех Обдорской волости и Надымсково городка и иных волостей ясачных остяков место. И я, холоп твой, тое их челобитную послал к тебе ко

государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси к Москве под сею отпискою.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси бьют челом сироты твои государевы Березовского уезду Обдорской волости и иных волостей ясашные остяки князец Моличко Мамруков з братьями да Надымсково городка Тынина Нюптеев, Смагинко Щеголков с товарищи и во всех Обдорской волости и Надымсково городка и иных волостей ясашных остяков место. В прошлом, государь, во 158-м году твой государев воевода Михаил Лодыженский поимал в оманаты карачейской самоеди трех человек и писал з Березова к тебе ко государю к Москве ложно, будто он сыскал из-за тех аманатов той самоеди вновь в ясак больши двух тысяч человек. А той, государь, карачейской самоеди всех и с начала не бывало двух тысяч человек и нынеча нет ни осьмисот человек — и худых и добрых.. А которая, государь, самоедь есть, и та самоедь и без аманатов твой государев ясак платили по вся годы и тебе, государю, служили.

А мы, сироты твои, ясашные остяки, все князцы и рядовые остяки, служили тебе, государю, верою и правдою и твой государев ясак платили ж по вся годы без недобору. А покупали мы, сироты твои, тот твой государев ясак у той карачейской самоеди. А как твой государев воевода Михайло Лодыженской в прошлом во 158-м году тое самоедь в оманаты взял и их, самоедь, всю изубытчил и остраждал, чево в предках не бывало при прежних государех. И они, карачейская самоедь, били челом тебе, великому государю, а твоему государеву воеводе Михайлу Лодыженскому, чтоб он, Михайло, их, самоедь, отпустил, и клали в твою государеву казну для своего отпуску сверх своего ясаку рухлядь многую — соболи добрые и лисицы и бобры — через силу, истоца и испродав себя для того, чтоб им, самоеди, в оманатах в тюрьме сидя и в нуже не быть: потому как твой государев Березов город поставлен, и они, самоедь, вам, великим государем служили и прямили и ваш государев ясак сполна платили по вся годы и без аманатов, а в оскорбленье и в нужи они не бывали.

И твой государев воевода Михайло Лодыженской послал тое самоецкую рухлядь к тебе ко государю к Москве ложно, опрочь иной березовской ясашной казны, умысля з березовским казаком с Васильем Кокоулиным. А писал он, Михайло, что будто та рухлядь взята вновь сверх старого ясаку из-за аманатов добровольно. И то, государь, Михайло Лодыженской писал к тебе, государю, умысля затеяв ложно, потому что впредь твоево государева ясаку с той карачейской самоеди не станет збиратца перед прежними годы и четвертой доли. И ныне по твоему государеву указу, а по ево, Михайловы, ложной отписке прислана на Березов твоя государева грамота к твоему государеву

стольнику и воеводе к Якову Никитичю Лихареву, а велено той карачейской самоеди аманатом и впредь быть. И твой государев стольник и воевода Яков Никитич Лихарев в нынешнем во 160-м году з Березова города посылал сына боярсково Алексея Иванова сына Лихачова с ратными людьми, а велел твой государев стольник и воевода Яков Никитич Лихарев ему, Алексею Лихачову с ратными людьми, перехватать в оманаты самых лутчих людей князцов и велел ему, Алексею, тех лутчих аманатов привести к себе на Березов город. И по ево, Якова Никитича, велению он, Алексей с ратными людьми, перехватал карачейской самоеди в оманаты лутчих людей самых князцов четырех человек: Большие карачейские земли лутчево князца Пося Хулеева с товарищи. И ныне те самоецкие лутчие князцы аманаты на Березове городе сидят за крепкими караулы.

А та, государь, самоедь люди дикие, живут около моря, переезжаючи с места на место. А преж, государь, сего при прежних государех, как и Березов город поставлен, самоеди в оманаты не имывали, а платила та самоедь ваш государев ясак по вся годы, приезжаючи в Березовской уезд в Обдорской городок. А ныне та самоедь, бояся поимки, в Обдорской городок не ездят и остереглися и живут все по тундрам, переезжаючи по крепким местам. А мы, сироты твои, все ясашные остяки розных волостей, князцы и рядовые все остяки, для тех аманатов в конец погибли, и впредь надеятца им не на што, твоего государева ясаку платить нечем, мяхгой рухляди купить стало не у ково, потому что та карачейская самоедь вся страха ради, бояся поимки в оманаты, испужався, от Березовского уезду отъехала вся в Мангазею и в крепкие места заехали далеко к морю, потому что на тое самоедь в прежних годех аманатов не бывало. А сами мы, сироты твои государевы, князцы и все ясашные остяки, люди беспромышленные, и угодыя от нас всякие удалели, бес той карачейской самоеди нам, сиротам твоим, промышлять и платить твоево государева ясаку впредь нечем и взять негде.

Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй нас, сирот своих бедных, вели, государь, свой государев милостивой указ учинить своему государеву стольнику и воеводе Якову Никитичю Лихареву против прежних лет, как в предках было истари при вас при прежних великих государех, как и Березов город поставлен: вели, государь, тех самоецких аманатов князцов Большие карачейские земли лутчево князца Пося Хулеева с товарищи четырех человек з Березова своему государеву стольнику и воеводе Якову Никитичю Лихареву отпустить. А твой государев ясак они, самоедь, будут платить по-прежнему и с прибавкою, и чтоб твоею государевою милостию мы, сироты твои, в конец не погибли и твоево б государева ясаку не отбыли. И вели, государь, про тех самоецких аманатов

роспрашать вправду накрепко и обыскать всем Березовым городом: детьми боярскими и атаманы и всяких чинов служилыми людьми накрепко и всего Березовского уезду всех твоих государевых ясашных волостей остяков и всяких служилых людей и князцов всех про то, что впредь самоецких аманатов имать ли в оманаты на Березов город или не имать, чтоб впредь твоему государевому делу было постоянно и твоей государеве ясашной казне была прибыль, а не убыль. А мы, сироты твои, тебе, государю, служим верою и правдою и твой государев ясак по вся годы платим весь сполна без недобору. Царь, государь, смилуйся.

На л. 15 об. помета: 160 году февраля в 16 день. Послать сию их челобитную под отпискою к государю к Москве.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 1056. Ч. 1. Л. 15—18. Подлинник.

№ 16.

1652 г., апреля 5.

Грамота из Москвы в Березов об аманатах из карачейских самоедов.

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси в Сибирь на Березов воеводе нашему Григорью Васильевичу Волкову. В нынешнем во 160-м году писал к нам з Березова стольник и воевода Яков Лихарев: послал он з Березова в Обдорскую волость для нашего ясачного збору березовского сына боярского Алексея Лихачова, да с ним же был послан аманат Поско Хулеев. А велено ему, Алексею, из-за того аманата с самоеди збирать наш ясак. А как он, Алексей, с самоеди наш ясак зберет, и ему, Алексею, велено аманата Поска отпустить, а в ево место взять в аманаты двух сынов ево. Да ему ж, Алексею, велено у той самоеди взять добровольно в оманаты из роду по человеку лутчему или по два. А будет они, самоедь, добровольно из роду по человеку в оманаты не дадут, и ему, Олексею, велено их взять в неволю.

И Олексей Лихачов приехал с Обдори на Березов, а с собою привез двух человек самоецких аманатов лутчих людей, Поскова сына Хулеева Маулу да племянника ево Серпея, да подал ему, Якову, в съезжей избе доездную память, а в доездной ево памяти написано: будучи де он, Олексей, на Обдори, карачейскую самоедь в городок призывал, и самоецкие де лутчие князцы в наш городок с нашим ясаком сами не приезжали, потому что они истращаны, боятца поимки. И Поско де в свое место посадил в оманаты сына своего да племянника. А после де того карачейская самоедь, князцы и лутчие лю-

ди, потому ж в городок ездить не почали и присылали де наш ясак к нему, Алексею, с ним, Поском Хулеевым, и с холопи своими. И ему де, Олексею, больши того в оманаты самоедцких лутчих людей поймать было нельзе, что де та самоедь остереглись и живут по розным местам и бегают по тундрам, а изымать де их в оманаты никакими мерами и обмануть нельзе. И Яков тех самоедцких аманатов дву человек велел принять и держать на Березове до нашего указу за приставы у детей боярских и у атаманов и у казаков помесечно и понедельно, потому что на Березове аманатцкого двора нет, а в тюрьме им сидеть скучно и нужно, что им за приставы сидеть было не скучно и не нужно.

И как к тебе ся наша грамота придет и ты б по прежнему нашему указу к той карачейской самоеди посылал з Березова служилых людей добрых и велел их уговаривать преж ласкою и приветом, чтоб у них аманатов взять из роду по человеку или по два, лутчих людей. А будет они самоедь в оманаты добровольно из роду лутчих людей по человеку или по два не дадут, и у них бы взять и поневоле, как будет мочно и смотря по тамошнему делу, чтоб тое карачейскую самоедь однолично от воровства унять и аманатами укрепить и наш ясак иметь. А о аманатцком дворе наш указ к тебе послан наперед сево.

Писан на Москве лета 7160 г. апреля в 5 день.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 408. Л. 390—392. Черновой отпуск. Подлинник.

№ 17.

1652 г., не ранее июня 15.

Из докладной выписки Сибирского приказа о самоедских аманатах Обдорской волости.

В нынешнем во 160-м году ноября в 25 день писал ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси из Сибири з Березова стольник и воевода Яков Лихарев: во прошлом де во 159-м году февраля в 10 день приезжали де из Обдорские волости ясачные остяки Моличко Мамруков с товарищи да самоедин Поско Хулеев и били де челом государю он, Моличко Мамруков, с товарищи да самоедин Поско Хулеев, словесно, а сказали: как де на Обдори поймали самоедь лутчих людей в оманаты, и слыша та ж карачейская самоедь роду Евасиды, из Березовского уезду отъехала в Мангазейской уезд человек с пятьдесят и больши. Да и брат де ево Посев родной большой Хена с многими ж людьми отъехал в Мангазейской же уезд, и почали де государю ясак платить в Мангазею, а на Обдор де та

самоядь почала не ездить и государю ясаку на Обдори з Березову городу не платить. А иная де самаядь бегаёт и хоронитца по крепким местом и по тундрам и живут де остерегательно и на Обдор к городку и к избе и блиско не подъезжают. А изымать де их в оманаты и обмануть отнюдь нельзе, потому что де та самаядь остереглись и живут де остерегательно и бережно, блюдутца де поимки в оманаты. И только де впредь на Березове городе с самояди ясаку будет недобор, а карачейская де самаядь князец лутчей человек Поско Хулеев с товарищи и обдорские остяки все, князец Молик с товарищи, и березовские дети боярские и атаманы и всякие служилые люди бьют челом государю, чтоб впредь на Березове городе самояди в оманатах не быть и чтоб самоядцов с остяками и со всею остяцкою землею не ссорить и не отогнать от Березова города, потому де — они, самоядцы, люди дикие, вольные, как де и город Березов поставлен, и они де, самоядцы, на Березове городе в оманатах не бывали, а ясак де плачивали ежегодно. И о том, что государь укажет: быть ли аманатом на Березове городе или нет.

Да в нынешнем же во 160-м году июня в 15 день писал ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси из Сибири з Березова стольник и воевода Яков Лихарев: в нынешнем де во 160-м году посылал он з Березова в Березовской уезд в Обдорскую волость для ясачного збору и для поимки самоецких аманатов князцов березовского сына боярского Алексея Лихачова с товарищи. А велел он ему, Алексею с товарищи, иметь в оманаты самоецких лутчих князцов. И в нынешнем же де во 160-м году февраля в 7 день приехали с Обдори на Березов ясачные зборщики березовской сын боярский Алексей Лихачов с товарищи, а с собою привезли самоецких аманатов лутчих князцов Пося Хулеева с товарищи четырех человек.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 408. Л. 486—488. Подлинник.

№ 18.

1656 г., не ранее декабря 26 — 1657 г., не позднее февраля 10.

Отписка березовского воеводы С. А. Малова о разбитом в Обской губе коче и посылке казаков в Надым.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу и государю царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии холоп ваш Сerezжа Малово челом бьет. В нынешнем, государь, во 165-м году послал я, холоп ваш, з Березова в Березовский уезд в Обдорскую волость для вашево

государева ясачнова збору березовского казачья атамана Ивана Аргунова. И в нынешнем же, государь, во 165-м году ноября в 26 день писал ко мне, холопу вашему, с Обдори атаман Иван Аргунов: приезжали де на Обдор к городку карачейская самоедь князец Пось Хулеев и сказывал он, Пось, самоедцкому толмачу Проньке Пустозерцу: слышал де он, Пось, от карачейсково ж самоедина, что розбило де коч на море за Руским заворотом, а на коче де были многие русские люди. А того де они, самоедь, подлинно не ведают, из Монгазеи ли тот коч шел с вашею государевою ясачною казною или в Монгазею с хлебными запасы. И тех де русских людей убила обдорская ясачная самоедь роду Адер Онтай с товарищи трех человек, а достальные де русские люди побиты ль или живы — того де он подлинно не ведает. А к нему де, Ивану, в Обдорский городок он, Пось, чтоб ево подлинно про то роспросить, сам не поехал и иной самоеди не прислал.

И я, холоп ваш, писал з Березова к нему, Ивану, на Обдор, а велел ему, Ивану, для подлинново ведома послать с Обдори в Надым к морю русских служилых людей и обдорских ясачных остяков, где тот коч розбило и какие люди на том коче были, и из Монгазеи ли они ехали с вашею государевою ясачною казною или в Монгазею с хлебными запасы, и есть ли хто тех русских людей живых или они все побиты. И декабря, государи, в 26 числе писал ко мне с Обдори атаман Иван Аргунов на Березов, что посылал де он, Иван, для проводыванья того коча в Надым к морю березовских служилых людей Федьку Пустозерца да Гришку Нестулцова. И приехав де они, Федька и Гришка, из Надыми ему, Ивану, сказали: приезжали де к ним в Надым два монгазейские самоедина и в роспросе де им, Федьке и Гришке, сказали: которой де коч в прошлом 164-м году отпущен был из Монгазеи с вашею государевою казною, а на том де коче был монгазейской сотник Дементей Тишков с служилыми людьми, и они де за большими ветрами за море не попали и воротились назад в Монгазею и до Монгазеи де доехали здорово. Да он же, Иван, писал ко мне: после де тово приезжала к Обдорскому городку на реку на Пулуй многая карачейская самоедь с ясачным платежем. И он де, Иван, к той самоеди посылал самоедцково толмача Проньку Пустозерца и служилых людей и обдорских остяков и велел их с вашим государевым ясаком призывать в городок, чтоб они ваш государев ясак платили в городке. И они де, самоедь, в городок с ясачным платежем не пошли и в том им отказали, что де им в городок идти нельзе для того, что де они заворовали и видели де они на море на кошке стоит коч, а в том де коче бочка с солью, а ино людей в нем ничево нет. И убили де они, самоедь роду Адеров, гуляючи околь моря, с тово коча русских людей два человека. И против де тово коча нашли срублену рускую избушку и край моря на дороге семь

нарт, только де они в той избе и у нарт русских людей не видали. И сказали де им те речи, ваш государев ясак пометали на реке на Пулуе на лед и сами де они, самоедь, и розъехались. А поймать де было ему, Ивану, их, самоедь, или иной какой промысел учинить было над ними немочно, потому что де их, самоеди, приехало людно и к городку де блиско не едут.

И то, государи, знатно, что тот коч послан был ис Тобольска в Монгазею с вашими государевыми хлебными и всякими запасы. И как, государи, на море тот коч розбило, и тех служилых людей та карачейская самоедь всех побила, а ваши государевы хлебные и всякие запасы по себе розвозила. А в зимнее, государи, время тое карачейские самоеди сыскать немочно, потому что они, самоедь, люди кочевные, в зимнее время живут, переходя на оленях с места на место, от Березовского уезду в дальних местех к морю и по сухим речкам и по тундрам. А естли вы, государи, изволите для сыску тое самоеди служилых людей послать, и тое самоедь в летнее время сыскать будет мочно, потому что та самоедь в летех выезжает для рыбных ловлей край моря и живет по островам. А преж, государи, сего та самоедь воровала ж: многие ваши государевы казны на Камени грабила и русских людей побивала ж. И по тое самоедь посылали сыскивать на море в кочах в летнее ж время. И о том ты, государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец и государь царевич и великий князь Алексей Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии мне, холопу своему, как укажете.

На л. 10 об. отметка о подаче: 165 г. февраля в 10 день подал березовский казак Васька Котельников.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 503. Ч. 1. Л. 10—13. Подлинник.

№ 19.

1657 г., марта 1.

Грамота из Москвы березовскому воеводе И. М. Милюкову о поимке карачейских самоедов, подозреваемых в нападении на коч.

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца в Сибирь на Березов воеводе нашему Ивану Матвеевичю Милюкову. Писал к нам из Сибири з Березова прежней наш воевода Сергей Малово: в нынешнем де во 165-м году ноября в 27 день писал к нему, Сергею, с Обдори обдорской ясачной зборщик березовской атаман

Иван Аргунов. Приезжали де на Обдор к городку карачейская самоедь князец Поско Хулеев и сказывал самоедцкому толмачю Проньке Пустозерцу: слышал де он, Поско, от карачейсково ж самоедина, что розбило на море за Руским заворотом коч, а на коче были многие русские люди. А того де они, самоедцы, подлинно не ведают, из Монгазеи ли тот коч шел с нашею ясачною казною или из Тобольска в Монгазею с нашими хлебными запасы. И тех де русских людей трех человек убила обдорская ясачная самоедь роду Адера Онтай с товарищи, а достальные де русские люди побиты ли или живы — того де он, Поско, подлинно не ведает. А сам де он, Поско, к нему, Ивану, в Обдорский городок для подлинного роспросу не пришел и самоеди никого не прислал.

И он де, Сергей, писал з Березова на Обдор к нему, Ивану, а велел для подлинново ведома послать с Обдори в Надым к морю русских служилых людей и обдорских ясачных остяков, где тот коч розбило и какие люди на том коче были, из Монгазеи ли они ехали с нашею ясачною казною или в Монгазею из Тобольска с нашими хлебными запасы, и есть ли хто тех русских людей живых или они все побиты. И Иван де Аргунов писал к нему, Сергею, на Березов с Обдори, что посылал де он к морю в Надым для проводыванья того коча березовских служилых людей Федьку Пустозерца, Гришку Нестулцова. А приехав они, Федька и Гришка, из Надыму ему, Ивану, сказали: приезжали де к ним в Надым два человека монгазейские самоеди, а в роспросе им, Федьке и Гришке, сказали: в прошлом де во 164-м году отпущен был из Мангазеи с нашею ясачною казною на коче мангазейской сотник стрелецкой Деметий Тишков с служилыми людьми. И за большими де ветрами за море они не прошли, воротились назад в Монгазею и до Мангазеи доехали здорово. А к Обдорскому де городку на реку на Пулуй приезжали многая карачейская самоедь с нашим ясаком, а в городок де Обдорской та самоедь не пошли, а сказали: видели де они на море на кошке стоит коч, а в том коче стоит бочка с солью, иного в нем нет ничево, избиили де самоедцы роду Адеров, гуляючи около моря, с того коча русских людей дву человек. Да против же того коча нашли они на край моря на дороге рускую избу да семь нарт, только де они в той избе и у нарт русских людей не видали. И для де того, что они заворовали, в городок Обдорской итти не смеют. А сказав де им про то, наш ясак пометали на реку на Пулуе на лед, а сами розъехались. А поимать де было их, самоедцов, некем, потому что их было много. И то де знатно, что тот коч послан был из Тобольска в Мангазею с нашими хлебными и со всякими запасы. А как де тот коч на море розбило, и тех служилых людей та карачейская самоедь всех побила, а наши хлебные и всякие запасы по себе розвозила.

И той де карачейской самоеди в зимнее время сыскать не мочно, потому что де они люди кочевные, живут зимою, переходя на оленях в дальних местех

к морю и по глухим местам и по тундрам. А в летнее де время тое самоедь на рыбных их ловлех на край моря сыскать будет мочно. И о том бы ему наш указ учинить.

И как к тебе ся наша грамота придет, а тое будет карачейские самоеди зимним временем сыскать их нельзя, и ты б летним временем, в которую пору тех воров мочно сыскать, послал з Березова из березовских служилых людей человека добра, кого пригож, кого б с то наше сыское дело стало, да с ним служилых же людей, сколько человек пригож добрых же. И велеть тех воров карачейскую самоедь роду Адер Отая с товарищи и иных, которые наших служилых людей побили и хлебные наши запасы с наших кочей розвезли по себе, сыскивать с великим раденьем на рыбных ловлях у моря или где им [фрагмент текста утрачен] А сыскав тое воровскую самоедь, привести к себе на Березов и на Березове про то их воровство роспросить подлинно: каким обычаем они тех наших людей побили и сколько хлебные наши запасы пограбили и розвезли. И в том их велеть пытать. Да что они, самоедцы, учнут в роспросе и с пытки говорить, и ты те их роспросные и пыточные речи, записав подлинно, прислал и о том отписал к нам к Москве. А их, самоедцов, велел вкинуть в тюрьму до нашего указа. А отписку и роспросные и пыточные речи велел подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Алексею Никитичю Трубецкому да дьяком нашим Григорью Протопопову да Федору Иванову.

Писан на Москве лета 7165 г. марта в 1 день.

Такова грамота послана за приписью дьяка Федора Иванова с тобольским сыном боярским Семеном Выходцовым.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 503. Ч. 1. Л. 14—18. Копия XVII в.

№ 20.

1662 г., не ранее ноября 20 — 1663 г., не ранее июля 2. ?

Розыскное дело о подготовке восстания остяками и самоедами Березовского уезда под руководством князя Обдорской волости Ермака Мамрукова.

1.

Отписка тобольского воеводы И. А. Хилкова березовскому воеводе А. П. Давыдову

Господину Алексею Петровичю Иван Хилков челом бьет. В нынешнем во 171-м году ноября в 20 день приехали в Тоболеск Собские и Обдорские заставы

письмянной голова Варфоломей Головин да съезжей избы подъячей Сава Тарков, а в Тобольску в съезжей избе мне и товарищам моим подали письмо за своими руками. А в том их письме написано: в прошлом де во 170-м году по указу великих государей были они, Варфоломей и Сава, на Собской и Обдорской заставе, и на заставе де сказывали им остяки, что к остяцкому князю Ермаку многие остяцкие князцы и остяки на думу съезжались по многие времена, а для чего съезжались, того де им не сказали. А чаем де от них шатости и измены, потому приезжал де к ним, Варфоломею и Саве, и не однажды тот остяцкой князец Ермак и говорил им, Варфоломею и Саве, что де березовские сборщики собирают с них на великих государей ясак и больши де того на себя, и им де от тех сборщиков чинитца налога большая. Да они же де, Варфоломей и Сава, отпускали в остяцкие юрты для рыбные покупки целовальника Федьку Негодяева, и он де, Федька, пришед сказывал им, Варфоломею и Саве, будто он для рыбные ловли [...] в юртах у остяка Кумбы, и у того де Кумбы в юртах видел остяка, а сказывали ему, что тот остяк из Перми Великой. А для чего де тот пермской остяк в юртах у Кумбы, про то де они не ведают, а чает де того, что тот остяк приходил в юрты для воровского их совету и ссылки. А ты ко мне ни о каких вестях не писывал, не чаять ли от березовских ясачных людей какого дурна и измены и всякие шатости?

И по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии и государя благоверного царевича и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии однолично б тебе на Березове от изменников, от волостных ясачных остяков и от иных воровских воинских людей, жить с великим береженьем, и в ясачных остяках всех волостей шатости и измены розведывать бы тебе всякими мерами накрепко, и по городу и по острогу держать караулы крепкие и самому б тебе караулов досматривать в день и в ночь, безпрестанно, и в проезжие станицы и в подъезды посылать б тебе березовских служилых людей почасту, чтоб те изменники, березовские воровские ясачные остяки, к Березову городу и в уезд безвестно не пришли и дурна какого над городом и над уезды не учинили. Да и в Березовской уезд во все ясачные волости послать бы тебе с Березова, для проведыванья ясачных остяков березовских детей боярских и служилых людей добрых, по скольку человек в волость пригоже, тотчас безо всякого мотчания, и в ясачных волостях велеть тем служилым людям березовских ясачных остяков пересмотреть всех на лицо; а про измену и про шатость в ясачных остяках однолично

* Здесь и далее отмеченные пропуски содержатся в первой публикации документов.

б велеть проводывать всякими мерами тайным обычаем, и все ли в ясачных волостях березовские ясачные остяки живут по домом своим; а будет, в которой волости кого ясачных остяков на лицо не объявитца, и тебе б велеть про тех ясачных людей тем березовским служилым людям в тех волостях спрашивать княздей и есаулов с большим подкреплением, где те ныне ясачные остяки, и куды они из волостей съехали, или розъехались на зверовые свои промыслы, и скоро ль те ясачные остяки в волости будут, и остались ли тех ясачных остяков в тех волостях после [...] жены их и дети?

И буде, которых ясачных людей в волостях не заедут и скажут, что они поехали неведомо куды, или великим государем изменили: и тех ясачных остяков имена и прозвища велеть переписать на роспись, и у которых ясачных остяков после их остались жены и дети, и братья, и племянники, и тех жен их, и детей, и братью, и племянников, у кого кто после их остался, велеть взять и привезть на Березов. И тех жен их и детей, и братью, и племянников спрашивать тебе накрепко, всякими мерами и с пристрастием, где те ясачные остяки, и куды из волостей поехали, и не изменили ль великим государем? И будет, которые ясачные остяки великим государем изменили, и к изменником отъехали и, езда, воруют вместе, и тех изменников жен их и детей, и братью, и племянников велеть бы тебе посадить в тюрьму. И будет тебе про то весть учинитца, что в которой волости от ясачных людей чает всякие шатости и измены: и тебе б разведасть подлинно накрепко, всякими мерами, от чего те остяки и от какой изгоны такое дурно и измену заводят, и сколь давно и в котором году и при котором воеводе такую шатость и измену почали те остяки заводить? А что в сыску детям боярским и служилым людям, которые от тебя посланы будут, Березовского уезду во всех ясачных волостях лутчие люди, князды и есаулы, которых они в волостях не заедут, про тех, которые березовские ясачные остяки из волостей отъехали и великим государем изменили, скажут, и что тебе в роспросе жены их, и дети, и братья, и племянники про тех же людей, которые из волостей и куды съехали, скажут, и что у тебя каких вестей ныне есть и вперед будет: и тебе б о том ко мне отписать тотчас, с нарочными гонцы, чтоб мне про то про все было ведомо, про шатость и про измену.

Да тебе ж бы, по указу великих государей и по прежней и по сей моим отпискам однолично в ясачные волости прежних сборщиков Семена Ланшака, [...] Аргунова, Ваську Попова с товарищи не посылать, потому что те прежние сборщики ясачным людям многим обиды и налоги чинили, и сверх государева ясаку собирали многую мягкую рухледь себе и на воевод, и по указу великих государей тех прежних ясачных сборщиков [...] Аргунова с товарищи в ясачные волости посылать отнюдь не велено; а посылать бы тебе в ясачные

волости для сбора государева ясаку иных детей боярских и служилых добрых людей, которые б к государеву делу были радетельны, а не воры, и приказывать бы тебе тем сборщикам с большим подкреплением, чтоб те сборщики собирали великих государей ясак в правду, а сверх государева ясаку на себя и на вас воевод ни у кого ничего не имали.

2.

Сыск воеводы А. П. Давыдова о подготовке восстания остяками Березовского уезда

171-го февраля в 13 день, пришед в съезжую избу перед воеводу перед Алексея Петровича Давыдова, извещал словесно коцкой ясачной остяк Анка Конжиков. В нынешнем же де во 171-м году ездил де он, Анка, с Березова в Ендырскую волость для розыведыванья воровских людей, которые де великим государем изменили пелымские остяки; и в Ендырской де волости нашол он, Анка, пелымских старых и увечных двух человек, а живут де они в Ендырской волости два годы. Да до его ж де Анкина приезду съехал пелымской остяк за пятнадцать дней в Пелымской уезд, для того, что приезжал де по него брат его родной и взял его на Пелым для великих государей ясачного платежа, а жена де и дети того пелымского остяка остались и ныне в Ендыре у ендырского остяка, у Елина Кажина, и он же, Анка, о том заказывал ендырскому остяку Анемки, чтоб де он, Анемко, тое пелымского остяка жены и детей до указа великих государей не отпускал в Пелымской уезд. И о том де он, Анка, заказывал ендырским всем осяткам накрепко: что которые де воры пелымские остяки появятца в Ендырской волости, и они б де, ендырские остяки, тех воров пелымских осятков имали и привозили на Березов; а про измену де и про шатость того Анемки в Березовском уезде ни в которой волости не слышал ничего. На подлинном извете коцкой остяк Анко Конжиков знамя приложил, а знамя на правой руке — скобель.

171-го февраля в 14 день послан был с Березова в Куновацкую волость березовской казак Митько Власов для ясачных осятков Умбы Панжиева да Какунчей Лемтохтыева, и тех осятков он, Митька, привез на Березов и поставил в съезжей избе. И того ж числа воевода Алексей Петрович Давыдов осятка Какунчей перед собою в съезжей избе допрашивал про шатость и про измену Березовского уезду про осятков. И в допросе куновацкой осяток Какунчей Лемтохтыев сказал: в прошлом де во 170-м году, летом, приезжал де из Чордыня чордынской осяток на низ к сосвинскому осятку к Умбе Панжиеву в юрты, а для какого дела, того де он, Какунчей, не ведает. Да в прошлом же де во 170-м году, весною, в Ляпинской волости у осятка у Айки Афонаина

в юртах был де чордынской остяк, и в те же де поры тут же де в юртах у Ай-ки был куновацкой остяк Кошель Пыгирчеев, и в те же де поры чордынской тот остяк говори Кошелю: купили де мы у Ивашка Лечманова, чордынские остяки десять человек, парня остяцкого для того, чтоб де убил его чордынской шайтан. И за то де его, чордынского остяка, ударил по щеке до руды, и Кошель де ему молвил: почто де ты такую речь в земле плодишь? И тот де чордынской остяк Кошелю молвил: за что де ты меня бьешь? Ты де, Кошель, сам того парня продал Ивашку Лечманову, а был де тут в то время ляпинской остяк Пырча Волюнкин, и иные де ляпинские и куновацкие остяки про то все знают; а ему де, Какунчею, говорили многие остяки: Вешняк Пырындыпов да Куля Нежачков, что поеде де к Ивашку и возми де за того парня цену, а про то де великим государям не объявляй, что де убили малого. И он де Какунчей им сказал, что цена де ему, Какунчею, за того малого не надо, а про то де он Какунчей известит великим государем, съездив в город.

Да он же де, Ивашко Лечманов, взял у брата своего у Адыля Лечманова парня самаяцкого и побег де за Камень к чордынским осяткам, и чордынские де остяки того парня убили с Ивашком вместе, а Адыль де Лечманов того парня купил у [...]рымского остяка, у Чюмея Ньюликова, а про то де ему, Какунчею, сказывал ляпинской остяк, что того парня Ивашко убил с ендырскими осятками, и то де ему, Какунчею, сказывал Замятня Телманов. А в прошлых де годах бывало у их братьи иноземцов, что похотят де великим государем изменить и заведетца какая шатость в них, что похотят де на город притти и людей государевых побить, и они де побивали по своей вере шайтану свою братью — осятков. А как де после того у их братьи, у иноземцев, измены и шатости не бывало, и они де людей шайтану не побивали, а побивали де шайтану по своей вере оленей и лошадей. И то де знатно, что в них шатость и измена, потому что де стали людей побивать и ходят де за Камень к чордынским осяткам; а больши де того он, Какунчей, ничего не ведает.

Того ж числа сосвинской остяк Умба Панжиев ставлен и допрашиван, а в допросе сказал: в прошлом де во 170-м году, летом, приезжал де из Чордыни к нему, к Умбе, чордынской остяк в юрты для рыбные ловли, а про шатость де и про измену он, Умба, от того чордынского остяка не слышал. Да он же, Умба, сказал: в нынешнем де во 171-м году были де в Куновацкой волости для сбора великих государей ясаку атаман Осип Федоров с товарищи, и куновацкой де остяк Какунчей при них, Осипе с товарищи, бранил куновацкого остяка Кошеля Пыгирчеева, что продал его Какунчеева малого Кошель Ивашку Лечманову, а он де, Ивашко, отдал чордынским осяткам того малого убить шайтану. Да Ивашко ж де Лечманов взял у брата своего, у Адыля, парня самаяцкого и отвез за Камень, и убил де вместе с чордын-

скими остяками; а иных речей про шатость и про измену ничего не знает же.

Февраля ж в 16 день куновацкой же остяк Какунчей Лемтохтыев сказал: в прошлом де во 169-м году сосвинские де остяки всею волостью купили у чордынских остяков остяцкого малого перед сосвинского шайтана убить, а для чего де его хотят перед шайтаном убить, про то де они сами ведают, а тот де малой купленной чердынской живет у сосвинского остяка в юртах у Васки Охтолманова. Да в нынешнем де во 171-м году куновацкой остяк Аслангей Ряхтин продавал парня самоецкого ясачного ляпинскому остяку Пырче Во-лынкину, а тот де самоецкой малой говорит Асланге Ряхтину: что де ты меня продаешь? Ляпинские де остяки продадут же меня за Камень убить перед шайтана, а задатку де за того самоецкого малого Пырча дал тому Асланге, сторговав два соболя да шапку соболью хвостовую. Да Какунчей же говорил сосвинскому остяку Вишняку Пырындыпову: был де ты на Березове и огнем сжон, а ведомой де ты вор, для чего де ты воровство свое не объявил, а кнут и огонь терпел, и на свою братью на остяков не сказал воровства? И Вешняк де ему, Какунчею, говорил: только б де я на себя и на свою братью на остяков какое воровство сказал, и мне б де быть повешену и иным многим остякам. Да в прошлых де годах при воеводе при Мелентье Квашнине завод де и шатость была в ляпинских остяках, и ляпинской де остяк Пака Коликов с двумя своими с детьми хотели де про их шатость в городе известить, и Ивашко де Лечманов да Калис да Ленко Вельцыны де за то де того остяка Паку Коликова с детьми убили, чтоб де про их шатость ведомо не было [...].

171-го февраля в 16 день сосвинской остяк Умба Панжиев привожен в за-стенки и к пытке и роспрашиван накрепко про шатость и про измену, и он, Умба, в том запирался. И уличал его, Умбу, в застенке куновацкой остяк Какунчейко Лемтохтыев, что де ты запираешься про шатость и про измену? Был де у тебя из Перми Великой остяк, шурин твой, для ссылки и для измены в прошлом во 170-м году, летом. И по уликам того Какунчейка тот сосвинской остяк Умба, не пытан и не сжон, винился, а сказал: что приходил де к нему тот остяк, шурин его, из Перми для ссылки и для измены и призывал де их Березовского уезду всех волостей с собою в измену; и они де, Березовского уезду остяки, сказали, что готовы де итти с ними на город и служилых людей побить, а притти было де им под город войною в прошлом во 170-м году, весною, по полой де воде, да за тем де они в прошлом во 170-м году под город войною не пришли, что де они с собою в измену на город не могли самоецкую призвать. А в нынешнем де они во 171-м году с тою самоецкою все остяки свестились и с чордынскими остяками и с пельымскими, и притти де им под город войною, всем свестися, в нынешнем во 171-м году, весною, по полой воде, город де взять и служилых людей побить. А где де им Березовско-

го уезду всех волостей остякам с чердынскими и с пельымскими остяками съехаться, и в какове месте, и в кою пору и под город прийти и город взять, и про то де ведают коцкой остяк Анка Конжиков да ляпинской Ивашко Лечманов. И того ж числа коцкой остяк Анка Конжиков в застенки роспрашиван накрепко, и во всем запирался. И куновацкой остяк Какунчей Лемтохтыев и сосвинской остяк Умба Панжиев его, Анку, уличали в измене и в шатости, что де он, Анка, ведает про всякую шатость во всех землях, а запирается. И по их уликам тот Анка в измене и в шатости пытан накрепко и огнем сжон, а с пытки говорил и винился, что у всех де у них Березовского уезду у остяков была дума и измена на город, город Березов взять и служилых людей побить. А зачалась де у них та шатость и измена во всех городках Тобольского разряду и Томского разряду ж в прошлом во 169-м году, и от царевича де от Кучюмова та ссылка о той измене с ними была в том же в прошлом 169-м году. А положили де они на том все и ссылались о том во все города, что в нынешнем во 171-м году, летом, придти подо все сибирские города и города взять, а служилых людей побить. А под Тоболеск де летом [...] придти царевич Кучюмов с калмаки и с татары и с башкирцы, и Тоболеск де хотят взять и служилых людей побить. И договорились на том, что быть де царевичу Кучюмову в Тобольску и владеть ему всею Сибирью и ясак де платить со всех городов сибирских тому царевичу Кучюмову. А приговорили де Березовского уезду всех волостей остяки, что быть де в Березове и владеть Березовым Обдорскому князю Ермаку Мамрукову и ясак де платить Березовским уездом всем ему же, Ермаку. А про ссылку де их сказывали, [...] от царевича Кучюмова тоболские татаровя, которые де ездят на Березов для рыбные ловли, а имян де он, Анка, тем татарам не упомнит. Да березовских же де служилых людей, которые пойдут по хлебные запасы в Тоболеск, хотят побить нынешнего 171-го году, зимнею порою, вверх идучи, да и казымские де остяки с ними ж тут вместе в Коцкой волости заодно хотят тех служилых людей побить вместе, а побив де тех служилых людей на дороге, ити им, всем волостям, не мешкая на город, зимою нынече.

Февраля ж в 17 день сосвинской остяк Вешняк Пырындыпов привезен на Березов, и в съезжей избе ставлен и допрашиван про шатость и про измену, а в допросе сказал: была де у них шатость и измена во всех волостях в Березовском уезде, [...] с самоедью и с чердынскими остяками и с пельымскими на город войною притти, и город взять, и служилых людей побить в прошлом во 170-м году, летом, да самоедь де они того лета не могли призвать. А в нынешнем де во 171-м году будет у них на город приход войною, летом, по полой воде, все Березовского уезду остяки, с чердынскими и с пельымскими остяками вместе, [...] город взять и служилых людей побить.

Того ж числа в съезжей избе сосвинской остяк Умба Панжиев говорил: в прошлом де во 169-м году, зимою, в Обдорском городке бил де челом он, Умба, на сосвинского остяка на Сомсу березовскому сыну боярскому Семену Лоншаку о лодке остяцкой, и в то де число пришел обдорской лутчей [...] Ермак Мамруков в избу к сыну боярскому, к Семену Лоншаку, и стал де он, Ермак, ему, Умбе, говорить: для чего де ты на моего холопа бьешь челом? И он де, Умба, ему, Ермаку, говорил: почему де ты, Ермак, Сомсу холопом своим называешь? Он де, Сомса, холоп великих государей, и Ермак де Умбу ударил за то по щеке. И он де, Умба, стал ему, Ермаку, говорить перед Семеном Лоншаком: почто де ты, вор, меня бьешь здесь? Ты де, Ермак, вор и изменник, с самоедью де хочешь город взять и служилых людей побить и с остяками. И Семен де Лоншак ему, Умбе, молвил: поди де ты вон, и бей челом в городе, а здесь де меня и тебя убьют. А в то де число были тут в избе и ту речь слышали служилые люди Ивашко Копкаров, Пронка Пустозерц, а про иных де служилых людей оне, Иван и Пронка, знают, кто тут был, да тут же де в избе был Никифорко Евтихийев.

171-го февраля в 25 день приехали на Березов из Кодские волости березовские служилые люди сын боярской Иван Кокаулин, казаки Якунко Курсин, Мишка Дружинин, а привезли с собою коцких и ендырских остяков Енгомлу Сухорукова, Торка Сатарина, Сопыка Робдугина брата. И воевода Алексей Петрович Давыдов велел тех остяков Енгомлу и Торка и Сопыка в измене и в шатости допросить. И те остяки спрашиваны в измене и в шатости, и не сказали ничего, что измены и шатости никакой не знают. И воевода Алексей Петрович Давыдов велел их в шатости и в измене пытать. И те остяки Енгомла Сухоруков и Тарко Сатарин и Сопыко Робдугин брат пытаны накрепко, а с пытки сказали и винулись, что шатость де и измена нынеча есть у них у всех во всех волостях в Березовском уезде, и [...] с пелымскими и с чордынскими и с кондинскими остяками и с самоедью вместе в нынешнем во 171-м году, летом, по полой воде, притти город Березов взять и служилых людей побить. Да и тех де служилых людей мыслят коцкие остяки побить на дороге, которые пойдут по хлебные запасы в Тоболеск, а побить де тех служилых людей на дороге вместе с казымскими остяками.

171-го февраля в 27 день приехали на Березов березовские казаки Ивашко Михайлов Яковлев, Елфимко Курсин, а привезли с собою карачейского лутчего самоедина Пося Хулеева. И воевода Алексей Петрович Давыдов велел того самоедина Пося про шатость и про измену допросить. И в допросе карачейской самоедин Пося Хулеев сказал: в прошлом де во 170-м году призывали де их, самоедь Пося и иную самоедь, на город войною, город взять Березов и служилых людей побить, куновацкой остяк Жданко Горин

присылал. И он де, Пося, такое дело его, Жданка, не послушал, и того лета в измене Пось отказал ему, Жданку. Да и Ермак де Мамруков его, Пося, в прошлом во 170-м году в измену призывал на город, и Сыкля де Таеров призывал же. Да и всех де волостей остяки были на совете о измене город взять Березов, а служилых людей побить. А съезд де о том изменном деле был, и съезжались те остяки в прошлом во 170-м году, зимою, на низу на Горине тундре, а имян де он, Пось, иным остякам не знает, только де он Анку Кощкого одного знает, тут же де был на совете с ними вместе. А в нынешнем де во 171-м году у всех де у них остяков Березовского уезду дума и шатость, измена, есть, хотят де город Березов взять и служилых людей побить, а он де, Пось, в измене и со своим родом самоедью отказал и с ними никакие думы не думает. И тот остяк Анка в съезжей избе для опознанки ставлен, и Пось Хулеев его, Анку, познал, что он, Анка, был тут с ними на совете в измене.

Февраля ж в 28 день обдорской остяк Смагин Щеголдаев пытан накрепко, а с пытки говорил и винился: есть де измена во всем Березовском уезде в осяках и в самоеди [...] город Березов взять и служилых людей побить в нынешнем во 171-м году, зимою, с пустозерскою самоедью вместе. А пустозерская де самоедь в нынешнем во 171-м году, зимою, Пустозерской острог взяв, сожгли, воеводу и всех служилых людей побили. Да и в Монгазее де ясачных сборщиков, которые были в зимовье для ясачного сбора служилые люди, самоедь всех побила, и промышленных людей на промыслах в Монгазее всех побили ж; а та де самоедь нынеча вся пустозерская и обдорская съезжаютца к Ярмаку Мамрукову, и хотят де нынеча зимним путем Березов город взять и служилых людей побить.

171-го марта в 4 день обдорской ясачной остяк Таки Асиков, пришед в съезжей избе перед воеводою, перед Алексеем Петровичем Давыдовым, говорил: шатость де и измена есть во всех волостях: в Березовском уезде в осяках и в самоеди, с чордынскими и с пелымскими осяками и с кондинскими и с пустозерскою самоедью вместе в нынешнем во 171-м году, летом, Березов город [...] взять и жечь и служилых людей побить всех. Да у пустозерской же у самоеди видел он, Таки, платье русское, зипуны и рубахи и сукна, а чаёт де он, Таки, что та пустозерская самоедь Пустозерской острог взяли и служилых людей побили.

171-го марта в 5 день подгородной остяк Ган Киримов ставлен в съезжей избе, про шатость и про измену спрашиван, а в допросе сказал: шатость де и измена стала у них во всех волостях в Березовском уезде в осяках в прошлом во 166-м году, при воеводе при Иване Милюкове, что город взять и служилых людей побить. А нынеча де у них во всех волостях в Березовском уезде в осяках и в самоеди с чордынскими и с пелымскими и с кондинскими осяками

и с обдорскою и с пустозерскою самоедью вместе свестились, в нынешнем во 171-м году зимою, по насту, Березов город взять и служилых людей побить всех. А на котором де месте у них сбор будет на город войною итти, и про то де они нынче не свестились меж собою, а свестятца де они меж собою в те поры, как им под город итти. Подгородной же остяк Сумка Киримов про шатость и про измену сказал: стала де у них шатость и измена в прошлом во 166-м году, при воеводе при Иване Милюкове, во всем в Березовском уезде в осяках и в самоеди, что город Березов взять и служилых людей побить всех. А нынече де у них у всех во всем Березовском уезде в осяках и в самоеди есть шатость и измена, с чордынскими и с пелымскими осяками и с самоедью вместе свестились в нынешнем во 171-м году зимою, по насту, Березов город взять и служилых людей побить всех. Да обдорской де лутчей человек Ермак Мамруков с прошлого 166-го году, при воеводе при Иване же Милюкове, почал он, Ермак, имать с обдорских осяков рухледь добрую себе, а великих государей в ясак велел де он, Ермак, обдорским осякам класть плохую рухледь, а говорил де он, Ермак, обдорским осякам, что тою де доброю рухледью он, Ермак, откупится от беды, как де на него, Ермака, беда придет. А слышал де он, Сумка, такую речь от коцкого осяка от Азидемата Еронова.

И нярыкарской остяк Вежакайн пытан накрепко, а с пытки винился: есть де шатость и измена во всем Березовском уезде в осяках и в самоеди, что в нынешнем во 171-м году зимою, по насту, Березов город взять и служилых людей всех побить; да и тех де служилых людей хотят побить котцкие осяки с казымскими осяками, в Большом Атлыме ждут, которые де пойдут в Тоболеск по хлебные запасы, а казымские де осяки с котцкими осяками ждут казенщиков побить в Большом Атлыме, и как де те казенщики с Березова в Тоболеск пойдут, и с Нярыкара де от них Вежакайну в Большой Атлым будет о том весть.

171-го году апреля в 10 день приехали из Обдорской волости на Березов березовские служилые люди сын боярской Родион Лихачов с товарищи, а с собою привезли обдорских осяков Ермака Мамрукова, Сыкля, Ермакова брата, Гынду Моликова, Сыка Ваембоева, Назарка Шилова, ляпинского осяка Яя Вынева. И воевода Алексей Петрович Давыдов тех осяков Ермака Мамрукова с товарищи про шатость и про измену велел перед собою в съезжей избе допросить. И в допросе обдорские осяки Ермак Мамруков, Гында Моликов, Сыкля Ермаков брат порознь сказали, что они шатости и измены никакие не ведают. Того же числа обдорские осяки Сыка Ваембоев про шатость и про измену в допросе сказал, что есть шатость и измена во всем Березовском уезде в осяках и в самоеди. В нынешнем во 171-м году, летом, хотят притти Березов город сжечь и служилых людей побить

всех. А призывал де их, остяков всех волостей и его, Сыку, в тое измену на город Ермак Мамруков. Обдорской же остяк Назарко Шилов про шатость и про измену сказал, что шатость и измена есть во всем Березовском уезде в остяках и в самоеди. В нынешнем во 171-м году, летом, хотят Березов город взять и служилых людей всех побить, а взяв де город, быть на Березове начальным человеком Ермаку Мамрукову и ясак де с них с остяков собирать ему ж, Ермаку. А призывал де их остяков в измену на город он же, Ермак.

Апреля в 12 день обдорские остяки Сыкля Ермаков брат, Гында Моликов сын к пытке приведены и роспрашиванны про шатость и про измену, а в допросе у пытки сказали, что шатость и измена есть во всем Березовском уезде в остяках и в самоеди, хотят город Березов взять и служилых людей побить в нынешнем во 171-м году зимою, по насту. И Ермака Мамрукова в шатости и измене уличали, и по их уликам Ермачко Мамруков про шатость и про измену пытан накрепко, а с пытки говорил и винился, что есть де шатость и измена во всем Березовском уезде в остяках и в самоеди, с чордынскими и с пелымскими и с кондинскими остяками в нынешнем во 171-м году зимою, по насту, хотят Березов город взять и служилых людей всех побить. Да он же де, Ермачко, в тое измену призвал с собою итти на город и Пустозерскую самоедь. Да и Пустозерского острогу в уезде побилa самоедь многих служилых людей на промыслах, да и Монгазейского де города в зимовьях многих же служилых людей побилa самоедь. А взяв де им, Ермаку с остяками и с самоедью Березов город и служилых людей побив, выбрали б де всеми волостями Березовским уездом остяки на Березове начальным человеком его, Ермачка, да с ним в товарищах обдорского остяка Ярлу Дуракова, да и со всех волостей с ним же, Ермаком, быть начальными людьми со всякой волости лутчим людем: с Ляпинские волости Ивашку Лечманову, Дружинке Келдышеву; котцким остякам Анке Конжикову, Торку Садарину, Азяхмату; Сосвинские волости сосвинским остякам Пехле Рахматову, Келиму Ярсыбову; с Казымские волости казымским остякам Лойде Елгозину, Чюмаку Коймосову, Ахмату Ухвертыкову; с Куновацкие волости куновацким остякам Сыкле Таерову, Жданку Горину. А ясак де платить Березовским уездом всем остякам ему ж, Ермачку, а ему де было, Ермачку, собирать ясак с лутчими людьми Березовского уезду с остяков и отсылать тот ясак в Тоболеск к царевичю Кучюмову.

И апреля же в 27 день тот остяк Жданко Горин про шатость и про измену допрашиван, а в допросе сказал: шатость де и измена есть во всем Березовском уезде в остяках и в самоеди, хотят де Березов город взять и служилых людей всех побить в нынешнем во 171-м году зимою, по насту, или летом по водополью; а призывал де в тое их измену Жданка и иных остяков об-

дорской остяк Ермачко Мамруков, а к нему де к Ермачку из Тобольска татары весть приносили, которые де ездят из Тобольска на Березов для рыбные ловли, о той же де измене, что де и у них у татар есть же измена и в Тобольску. А на отцове его на Горине тундре в прошлом во 170-м году был съезд, сведались де остяки всех волостей, Ермачко и иные, и о том де изменном деле советовали меж себя, что Березов город взять и служилых людей всех побить, а взяв де город и служилых людей побив, быть де на городе начальным человеком Ермачку Мамрукову, да Ивашку Лечманову, да Анке Конжикову, да ему де, Жданке Горину, и иным де с ними быть лутчим людем со всех волостей по два человека.

Коцкой же Телега Сеутов пытан накрепко, а с пытки говорил и винулся, а сказал, что шатость и измена есть во всем Березовском уезде в осяках и в самоеди, хотят Березов город взять и служилых людей всех побить в нынешнем во 171-м году зимою, по насту; да и тех де служилых людей хотели они, коцкие остяки с казымскими осяками и с самоедью, побить, дождався в Отлымах и в Канрымкаре, которым было ехать с Березова в нынешнем во 171-м году, зимнею порою, в Тоболеск по хлебные запасы и по соль; да в прошлом де во 170-м году, летом, ехали де с Иртыша из Карымшаковых юрт на Березов иртышские татары, демьянских татар Темир Петышев сын, Ромашки Карымшакова брат, и иные де татары с ним с Темирком ехали человека с четыре, и приносили де им, котцким осякам, от Ромашки Карымшакова о тобольской измене весть, а сказывали де им те иртышские татары Темир Петышев сын, Ромашки Карымшакова брат, Телеге и Большого ж Отлыма осяком Чежапу Оглемову, Лымыку Коледину про тое тобольскую измену весть от Ромашки Карымшакова, на низ едучи на Березов, в Большом Отлыме.

Того ж числа сосвинской остяк Пехля Рахматов у пытки в застенке говорил, а сказал, что шатость и измена есть в Березовском уезде во всех волостях в осяках и в самоеди, хотели Березов город взять и служилых людей всех побить в нынешнем во 171-м году зимою, по насту. А взяв де город и служивых людей побив, быть на Березове начальными людьми обдорскому осяку Ермаку Мамрукову, да ляпинскому осяку Ивашку Лечманову, да с ними из волостей лутчим людем быть на Березове. Да в прошлом де во 170-м году, летом, был на Березове с товаром тобольской юртовской бухаретин Аршин Бабачеев, и говорил де он, Аршин, ему, Пыхле, на Березове де в анбаре у березовского казака у Ивашка Чертова, что шатость де и измена у них у татар в Тобольске есть, что хотят Тоболеск взять и служилых людей всех побить, а вы де березовские остяки готовили [...] Березов город взять и служилых людей побить. И он де, Пехля, в Березовском уезде в осяках и стал сказывать тое тобольскую измену, слыша от него, Аршина,

и они де остяки на ту их татарскую тобольскую измену и надежны стали. А сказывал де им, Пехле, и переводил от него, Аршина, с татарского языка по их по остяцки тобольской же татарин, тут же с ним Аршинком был в амбаре, человек его Аршинков Ендыбачко Тарабердеев.

171-го году мая в 26 день воевода Алексей Петрович Давыдов, сего дела слушав, приговорил: в нынешнем во 171-м году в разных месяцах и числах Березовского уезду всех волостей многие остяки и вы, Ермачко, Ивашко, в роспросех говорили и с пыток винулись, а сказывали, что шатость и измена есть во всем Березовском уезде в вас в осятках и в самоеди, с чордынскими и с пелымскими и с кондинскими осятками хотели Березов город взять и служилых людей всех побить в нынешнем во 171-м году зимою, по насту, а призывали де в тое измену на город Березовского уезду всех волостей осятков и самоедь вы, Ермачко Мамруков да Ивашко Лечманов. А взяв де город и служилых людей побив, быть было на Березове начальными людьми тебе, Ермачку, да Ивашке Лечманову и иным лутчим осяткам со всех волостей человека по два. Да вы ж, Ермачко и Ивашко, с пыток винулись и сказывали, что ссылались де с вами тобольские татары и вести вам приносили от царевича Кучюмова внука Девлет Киреева, что ему притти под Тоболеск войною с колмаки и с татары и Тоболеск взять, и быть в Тобольску тому царевичу Девлет Кирееву, а вам, Ермачку и Ивашку, собирать было ясак с березовских осятков и самоеди на него, царевича, и с Березова отсылать тот ясак в Тобольск к нему, царевичу. И про то вы, Ермачко и Ивашко, сказывали и иные многие остяки на вас говорили, что в ту измену призывали вы осятков и самоедь. А вы, коцкие остяки, Азяхманко и Телега, и Колатнемко, и вы, казымские, Ахматко и Косарко, в Коцкой волости в Атлымских городках в нынешнем во 171-м году зимою дожидались березовских служилых людей с казымскою самоедью, которым было ехать с Березова в Тоболеск по хлебные запасы и по соль, и вы тех служилых людей в Отымских городках на дороге хотели всех побить.

А в государеве указе и в Соборном Уложении, в главе во 2, статьях в 1 и во 2, напечатано: будет кто каким умышлением учнет мыслить на государское здоровье злое дело, и про то его злое умышление сыщетца допряма, что он на царское величество злое дело мыслил и делать хотел, и такого по сыску казнити смертию; также будет кто при державе царского величества, хотя Московским государством завладеть и государем быть, и для того своего злого умышления начнет рать собирать, или кто царского величества с недруги учнет дружитца и советными грамотами ссылатца, и помочь им всячески чинить, чтобы тем государевым недругам по его ссылке Московским государством завладеть или какое дурно учинить, и про то на него кто известит, и по тому извету сыщетца про тое его измену допряма, и такого изменника

потому же казнити смертно. И по указу великих государей и Соборному Уложению за ту вашу шатость и за измену воевода Алексей Петрович Давыдов велел вас, обдорских остяков Ермачка Мамрукова, Смагинка Шеголдаева; ляпинских Ивашка Лечманова, Илюшку Казакова; коцких Азяхматка Еронова, Телегу Сеутова, Колатнемка Мулина; куновацких Секлю Таерова; казымских Ахматка Ужделтыкова, Косарка Шетышева; белогорских Петкачейка Байлакова; сосвинских Васку Колеванова; естильских Нюхрантойка Мондыкова, подгородных Аксуея Тонкова — повесить, чтоб, впредь на то смотря, иным вашей братьи остяком неповадно было так воровать, на государственное здоровье мыслить и шатость и измену заводить, и с изменники, с татары, воровскою мыслию ссылатца.

3.

Отписка тобольского воеводы И. А. Хилкова мангазейскому воеводе Р. М. Павлову.

Господину Родиону Михайловичу Иван Хилков челом бьет. В нынешнем во 171-м году марта в 6 день писал ко мне в Тобольск с Березова воевода Алексей Давыдов: в нынешнем же де во 171-м году по указу великих государей, по моей отписке посылал он, Алексей, с Березова в Березовской уезд в государевы ясачные волости для проводыванья в ясачных людех шатости и измены березовских служилых людей Микитку Аргунова да Митьку Власова и велел им, Микитке и Митьке, в изменном деле привести на Березов сосвинских и куноватцких остяков Умбу Панжиева, Вишняка Пырындыпова, Какунчейка Лемтохтыева, и те де служилые люди тех остяков к нему, Алексею, на Березов привезли. А в роспросе де ему те остяки сказали, что во всех ясачных волостях в ясачных людях шатость и измена и ссылка есть, и хотят де они, остяки, и с самоедью, с чердынскими и с пелымскими остяками, идти под Березов войною, и город взять и служилых людей побить в нынешнем во 171-м году, летом, и ныне де те березовские остяки с самоедью и с чердынскими и с пелымскими ясачными остяки сослалися и хотят итти под Березов войною, а в которое де время приходиться им под Березов войною, и про то де ведают обдорской князец Ермак Мамруков да ясачные березовские лутчие остяки Анка Конжиков да Ивашко Лечманов.

А из тех остяков привезен к нему, Алексею, на Березов Кодцкие волости остяк Анка Конжиков, и он де, Алексей, того Анку про измену спрашивал и пытал, а в роспросе и с пытки остяк Анка ему, Алексею, сказал, что у них остяков и у самоеды с чердынскими и с пелымскими остяки ссылка и дума была, что им изменить, и Березов город взять, и служилых людей в городе

и которые березовские служилые люди посланы будут в Тобольск по соль и по хлебные запасы, дождався в Кодцкой волости, побить всех; да он же де, Анка, с пытки говорил, что нынешнего лета будет под Тобольск войною царевич Кучюмов внук с калмыки и с татары и с башкирцы, и тобольские де татаровя и бухарцы меж себя договорились, чтоб тому царевичю быть в Тобольску и ясак ему платить со всех сибирских городов, а сказывали де ему, Анке, и иным его братье березовским остяком про измену тобольские татаровя, которые ездят на Березов для рыбные ловли, а кто имяны тобольские татаровя такие речи Анке и товарищам его сказывали, того де он не ведает; а Березовской де город взяв, быть на Березове обдорскому князю Ермаку Мамрукову, а в иных де во всех сибирских городех быть иноземцам лутчим людем.

И по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии, и государя благоверного царевича и великого князя Федора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии, от изменников, от мангазейских и от березовских и от сургутских ясачных остяков и от самоеди, жить бы тебе в Мангазее и на Турухане с великим береженьем, по городу и по острогу держать караулы крепкие, и самому б тебе караулов в Мангазее досматривать в день и в ночь, безпрестани, чтоб мангазейские ясачные остяки и самоедь, сослався с воровскими с березовскими и с сургутскими ясачными остяки, к Мангазейскому городу и к Турухану безвестно не пришли, и над городом и над государевою казною и над служилыми людьми дурна какого не учинили. Да и в Мангазейской уезд во все ясачные волости послать бы тебе из Мангазеи мангазейских служилых людей добрых, а не ясачных сборщиков, по сколько человек в волость пригоже, тотчас безо всякого мотчанья, и велеть о том посылщикам мангазейским служилым людем, которых пошлешь ты в волости, в ясачных остяках и в самоеди проведывать измены и шатости всякими мерами, тайным обычаем; а что те посылщики, которых ты пошлешь в ясачные волости, приехав, в Мангазее в роспросе тебе про измену ясачных людей и про ссылку их скажут, и тебе б о том для ведома ко мне отписать тотчас с нарочным гонцом.

4.

Отписка енисейского воеводы И. И. Ржевского красноярскому воеводе А. В. Веригину

Господину Ондрею Васильевичу Иван Ржевской челом бьет. В нынешнем во 171-м году июня в 8 день писали из Тобольска боярин и воевода князь Иван

Ондреевич Хилков с товарищи ко мне в Енисейской острог, а в отписке их написано: писал де в Тоболеск из Березова воевода Алексей Давыдов. По указу де великих государей посылал он, Алексей, с Березова в Березовской уезд великих государей в ясачные волости для проводыванья в ясачных людях шатости и измены березовских служилых людей Микитку Аргунова да Митьку Власова, и велел им в изменном деле привезть на Березов сосвинских и куноватцких остяков Унбу Панжиева с товарищи трех человек, и они де, служилые люди, тех остяков к нему, Алексею, на Березов привезли. А в роспросе де те остяки ему сказали, что де во всех ясачных волостях в ясачных людях шатость и измена всякая есть, хотят де они остяки с самоедью и с чердынскими, и с пелымскими остяками итти под Березов войною, и город взять, и служилых людей побить в нынешнем во 171-м году летом, и ныне де те березовские остяки с самоедью и с чердынскими, и с пелымскими остяками сослалися и хотят итти под Березов войною, а в которую де пору приходиться им под Березов войною, и про то де ведают обдорской князец Ермак Мамруков да березовские ясачные люди Анка Конжиков да Ивашко Лечманов.

И из тех остяков привезен к нему, Алексею, на Березов Котцкие волости остяк Анка Конжиков, и он де, Алексей, того Анку про измену расспрашивал и пытал, а в роспросе и с пытки остяк Анка ему, Алексею, сказал, что де у них, остяков, и у самоеды с чердынскими и с пелымскими остяками ссылка и дума была, что им изменить и Березов город взять и служилых людей в городе и которые березовские служилые люди посланы будут в Тоболеск по соль и по хлебные запасы, дождався в Котцкой волости, побить всех без остатку. Да он же де, Анка, с пытки говорил, что нынешнего де лета будет под Тоболеск войною царевич Кучюмов внук с калмыки и с татары и с башкирцы, и тобольские де татарова и бухарцы меж себя договорились, чтоб тому царевичу быть в Тобольску и ясак ему платить со всех сибирских городов, а сказывали де ему, Анке, и иным ясачным людям березовским остяком про измену тобольские татарова, которые ездят на Березов для рыбные ловли; а Березовской де город взяв, быть на Березове обдорскому князю Ермаку Мамрукову, а в иных де во всех сибирских городах от иноземцев лутчим людям. И тебе бы, господине, те вести были ведомы.

И по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии, и государя благоверного царевича и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии велеть тебе в ясачных людех Красноярского уезду шатости и измены проводывать всякими мерами, тайным обычаем, накрепко, и что впредь каких вестей про калмыцкие приходы

или ясачных людей про измену будет, и тебе б о том ко мне для ведома отписать, чтоб калмыцкие воинские люди безвестно Красноярской и Енисейской уезды не повоевали и дурна б какого не учинили. Да в нынешнем же во 171-м году июня того ж числа сказывал мне в Енисейском в съезжей избе енисейской пятидесятник казачей Игнатей Федоров: слышал де он от красноярского казака от Первушки Шарыгина: ездил де с Красного Яру в Мунгалскую землю красноярской сын боярской Иван Анкин и, приехав из Мугал, сказывал ему, Первушке: посылал де из Мунгалской земли царевич Лозан своих людей в Киргизы просить у киргиз в помощь себе в полк воинских людей, человек ста самых лутчих браных и оружейных людей, и многих запасов [...] коней к воинскому подъему. И они де, киргизы, ему, Лозану, людей и коней и никаких запасов не дали, и за то де чают они, киргизы, от него, Лозана, себе под Красноярской острог приходу с воинскими людьми.

И тебе б, господине, по указу великих государей велеть в Красноярском остроге сына боярского Ивана Анкина и служилого Первушку Шарыгина сыскать, а сыскав, про то распросить; да что по допросу по их сказкам про приход мунгалского царевича Лозана объявитца, или вперед каких вестей про приход к Красноярскому острогу или на ясачных людей чаять, или будет в ясачных людех объявитца шатость и измена, и с мунгалским царевичем или с иными землями ссыла, и тебе б, господине, о том ко мне для ведома отписать с нарочным гонцом. А с сею, господине, отпискою отпущены к тебе служилые люди Пронка Мазур, Ивашко Карпов Москвитинов июня в [...] день.

5.

Отписка тобольского воеводы И. А. Хилкова в Березов с выговором А. П. Давыдову за казнь остяков

Господину Алексею Петровичю Иван Хилков челом бьет. В нынешнем во 171-м году марта в 29 день по указу великих государей послан был из Тобольска к тебе на Березов нарочно тобольской сын боярской Гаврило Костелецкой, и писал я к тебе многожды, а велено тебе прислать с Березова в Тоболеск с ним, Гаврилом, березовских остяков, князца Ермака Мамрукова, да Ивашка Лечманова, Умбу Панжиева, Анку Конжикова, Вешняка Пырындыпова, да Какунчейка Лемтохтыева и иных березовских остяков лутчих людей десяти человек, которые в изменном деле объявились и взяты из волостей на Березов, по первой полой воды, с провожатыми, с тобольскими и с березовскими казаки. А на Березове тому князцу Ермаку Мамрукову и иным остякам, которых велено прислать в Тобольск и которые останутся у тебя на Березове, никакого дурна им не учинить. И ты тех березовских

остяков князца Ермака Мамрукова, Анку Конжикова, Умбу Панжиева, Вешняка Пырындыпова, Ивашка Лечманова, Какунчейка Лемтохтыева с товарищи десяти человек в Тоболеск с сыном боярским с Гаврилом Костелецким и с провожатыми с Березова не присылывал неведомо для чего и ничего об них ко мне не писывал. И в нынешнем же во 171-м году июня в 25 день приходили в Тоболеск Березовского уезду Белогорские, Коцкие, Ендырские волости ясачные остяки шесть человек и били челом великим государем, а в Тобольску в съезжей избе мне и товарищем моим во всех березовских ясачных остяков место трех волостей за своими знаменами подали челобитную.

А в челобитной их написано: в нынешнем де во 171-м году, как оне, ясачные остяки, заплатили на Березове государев ясак, и после де того имал ты на Березов из ясачных волостей ясачных остяков в изменном деле из волости человек по десяти и по двадцати и больши, и их пытал и огнем жег, и лутчих людей розных всех волостей ясачных остяков семнадцати человек велел перевешать без вины, без указу великих государей, не отписався со мною. А которых де ясачных остяков пытал ты и огнем жег, и те де остяки с пыток тебе ни в чем не винулись, и ты де трех остяков после пыток с Березова отпустил в ясачные их волости, а животы их пограбя, поймал себе. А после того посылал ты с Березова в ясачные ж три волости — в Белогорскую, в Коцкую, и в Ендырскую — березовских же служилых людей ясачных сборщиков, а велел из тех ясачных волостей собрать лутчих ясачных людей двести двадцать человек и велел их привести на Березов неведомо для чего.

И в нынешнем же во 171-м году июля во 2 день писал ты ко мне в Тоболеск, что Березовского уезду остяки Ермачко Мамруков, Ивашко Лечманов, Анка Конжиков и иные многие остяки всех волостей про измену тебе в роспросе и с пыток винулись, а иные многие ж остяки великим государем вину свою приносили и, не пытаны, в измене винулись. И ты де тех березовских остяков князца Ермачка Мамрукова да Ивашка Лечманова с товарищи, которые были в той измене заводчики, шестнадцать человек на Березове велел перевешать. А в Тоболеск их и роспросных и пыточных речей князца Ермака Мамрукова с товарищи, за что их велел перевешать, в Тоболеск ты не прислал. А тех лутчих людей вместо прислал ты в Тоболеск с тобольским сыном боярским с Гаврилом Костелецким березовских остяков Анку Конжикова, Пехлю Рахматова, да Какунчейка Лемтохтыева. А в Тобольску в съезжей избе мне с товарищи тобольской сын боярской Гаврило Костелецкой сказал, что ты березовских ясачных остяков князца Ермачка Мамрукова с товарищи лутчих людей перевешал при нем, Гавриле, а в Тоболеск их не послал неведомо для чего.

И то ты учинил не по государеву указу, что березовских ясачных лутчих остяков перевешал без вины, для своей бездельной корысти, норовя воров, березовским ясачным сборщиком, и ясачных же остяков, которых ты пытал, пограбя животы их себе, распустил по волостям, а иных ясачных остяков в ясачные волости для своей бездельной корысти послал. А по указу великих государей велено было тебе розведывать на Березове в ясачных остяках шатости, измены всякими мерами накрепко, и которые ясачные остяки объявлята в изменном деле, велено тебе их для подлинного сыску прислать ко мне в Тоболеск, а без указу великих государей тех березовских остяков казнить тебе не велено. А ты великих государей указу не послушал и того князца Ермака Мамрукова и лутчих ясачных людей шестнадцать человек перевешал. И многих березовских ясачных остяков пытал и огнем жог, и от того твоего такого дурна от березовских остяков чаять всякого дурна и измены.

Да ты ж писал ко мне в другой своей отписке против извету и роспросных речей березовского ясачного остяка Пехли Рахманова на тобольского юртовского бухаретина на Аршинка Бабачеева, который бухаретин прислан из Тобольска на Березов для государева дела в таможду в целовальники. И по указу великих государей по того тобольского бухаретина по Аршинка Бабачеева послан из Тобольска нарочной тобольской пеший казак Абрамко Гарасимов, а велено ему того тобольского бухаретина Аршинка Бабачеева на Березове у тебя взять и привезть для роспросу в Тоболеск. А на его Аршинково место на Березов в таможду в целовальники послан из Тобольска тобольской бухаретин Ишметко Тиналеев. И как тобольской пеший казак Абрамко Гарасимов и бухаретин Ишметко Тиналеев на Березов приедут, и тебе б тобольского бухаретина Аршинка Бабачеева отдать тобольскому казаку Абрамку Гарасимову и послать за бухаретином в провожатых до Тобольска березовского казака, и дав им по тобольской подорожной подводки, с Березова отпустить, и о том отписать ко мне в Тоболеск тотчас не замотчав. А на Аршинкове месте у государева таможенного сбора велеть быть на Березове в целовальниках тобольскому бухаретину Ишметку Тиналееву.

А вперед бы тебе однолично без указу великих государей на Березов к себе ясачных остяков для своей бездельной корысти не имать и их на Березове не пытать, и без указу великих государей, не описався со мною, остяков не казнить.

№ 21.

1668 г., не ранее февраля 13 — не позднее октября 7.
Отписка пустоозерского воеводы И. Неелова в Березов
воеводе кн. П.А. Гагарину о грабительских действиях
обдорского князя Гынды Моликова и карачейских самоедов.

Господину князю Петру Афанасьевичу Иван Неелов челом бьет. В нынешнем во 176-м году по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца и по грамоте велено с Колмогор послать в Пустоозерский острог голову стрелецкого, а с ним пятьсот человек стрельцов со всем строем, для приходу войною карачейской самоеды и остяков на Пустоозерский острог. А как голова стрелецкой с стрельцами в Пустоозерский острог придут, и мне в Пустоозерском остроге от воровской самоеды жить бережно и про приход проводывати и промысл над ними чинить по рассмотрению, чтоб их до Пустоозерского острога не допустить. А что учинится, и о том мне к великому государю отписать тотчас наскоро, и на Колмогоры и на Мезень к воеводам писать же. И наперед головы стрелецкого и пятисот стрельцов с иноземцом с Михайлом Колосовским прислано с Колмогор в Пустоозерской острог пятьдесят человек стрельцов.

И в нынешнем же во 176-м году по осени, по зимнему пути, пустоозерской данной самоедин Вычко Елинин роду Тысяня подал мне в съезжей избе письмо березовских казаков, Сеньки Андреева с товарищи, о посылке на службу на пустоозерскую самоедь по челобитью остяков и о поимке самоедина Елины с детьми и с товарищи, и извещал словесно: пришли де на них они, березовские служилые, в ночи 22 человека, да с ними роду Ванюта да Пурьяга 100 человек, да карачейская самоедь и остяки Гындычко Моликов с товарищи, и побрали и перевязали пустоозерской самоеды 30 человек, Елиню с товарищи, больших и малых, и самоедок, со всеми их животами и с оленьми. А самоедина Тамзедейка Укова да мать его и сестру убили до смерти, а животы их пограбили, оленьего и песцового промыслу и морского взяли на пятьдесят рублей да сто оленей. И его де, Вычка, отпустили служилые с письмом в Пустоозерский острог, ограбя всего. Да с ними же де были карачейская самоедь Поско с детьми.

Да били челом великому государю пустоозерская ж самоедь, роду Лохей Хаска Гисев, да роду Тысяня Топка Лисов, Хаска Палчевого, Пизечко Хынин, Гавлица Ердин со всеми своими родниками: в прошлых де годах пустоозерская данная самоедь роду Пурьяга да роду Ванюта своровали, ушли за Югорский Камень, а в Пустоозерском остроге дани не платят, а их де побивают и грабят и приходят на них войною, сложася с карачейскою самоедью

и с остяками. В прошлом де во 174-м году у него, Топки, самоедь с остяками сына его Тальки убили до смерти, наругаясь над ним, пересекли его натрое, и жену и сына его, и животы, две кости мамантовы, тридцать песцов рослых и юк ровдужной, два волка, пятнадцать постель, десять кровель, два чума, пятьдесят оленей, два невода да две однорядки взяли себе. А у Гизейка в том же году убили та ж самоедь с остяками сына Сюрчюйка и животы его и олени все пограбили, а другого сына Ядка с женою и с детьми взяли жива, и он, Ядка, у них ушел один, а жена и сын его и ныне у них, а животов его взяли двадцать оленей. А у Хаски Гисева остяк Гында убил родника его Аркадка самоедина до смерти, а тринадцать самоединов родников его держал у себя в работе и всех их приморил с голоду. А самоедина Сазуйка Холкина убили до смерти ж. Да роду Волей самоедина Ломдека остяки ограбили, взяли у него двадцать оленей, и посадили его в [...] в амбар и заморили до смерти, а брата его Поспелка взяли и ныне держат у себя в работе. И от того де их насильства и разорения они, пустоозерская самоедь, обедняли и осиротели, и промышлять на тундре не смеют, и дани платить им нечем.

Да в нынешнем же во 176-м году февраля в 20 день пришли под Пустоозерский острог с Оби Обдорского городка те ж остяки Гындычко Моликов, Ярлычко Дураков с обскими остяками, с ними ж карачейская самоедь Поско самоедин с розными родами, изгоном, со многими людьми, и русских людей нагнали на озере на рыбной ловли и пограбили неводы, и пешни, и топоры, и кожи, и рыбу, что в улове было, все пограбили, и ухватили у самого посаду у дворов пустоозерского самоедина Хаску Палчевого и били, а после [...] сына его и жену, и животы и олени все побрали себе, а его, Хаску, отпустили и стали на озере. И я посылал к ним самоедского данного целовальника Гараска Павлова да Стеньку Безумова и велел их уговаривать и призывать. И они в Пустоозерский острог призвали и, приехав, остяки Гындычко Моликов, Ярлычко Дураков подали мне от тебя отписку великого государя за печатью Березова города. И я уговаривал их всяко, чтоб они стояли смирно и руским людям пакости никакой не чинили. А руские люди, боясь от них по их изгонному и грабежному приезду на рыбные ловли русских людей, ни на какие промыслы из Пустоозерского острогу ходить не смели, сидели в осаде. А в отписке твоей писано: велети б мне пустоозерскую воровскую самоедь Паля Гусева с товарищи сыскать и выслать к Обдорскому городку, для миру с ними, обдорскими остяками. И к тебе о том велеть отписать с тем же, кто ко мне твою отписку привезет.

И того самоедина Паля Гусева в Пустоозерском остроге по данным книгам не сыскалось, а к иной самоеди сыскивать и опознавать отпущал я в Пустоозерский

* Здесь и далее отмеченные пропуски содержатся в первой публикации документов.

уезд в тундру с пустоозерским посадским человеком с Лучкою Марковым, по выбору и излюбю остяков Гындычка Моликова, Ярлычка Дуракова, обско-го остяка, имя его остяково они, Гындычко и Ярлычко, ведают, а от Пустоозерского острогу безвестно без моей к тебе отписки бежать ныне не велел. И они, дождався остяка из Пустоозерского уезду с тундры, не взяв у меня к тебе отписки, уехали безвестно, а куды поехали, про то мне неведомо, и Поско самоедин с розными родами с ними ж. И по промыслам звериныя ловли кулемник и юрки у русских людей ломали и с [...] песцы брали и повозили с собою.

И о том я их изгонном с твоею отпискою приезде и русских людей грабеже, и о безвестном без отписки отъезде и песцовом грабеже, по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца и по грамоте, к великому государю к Москве писал, и на Колмогоры к думному дворянину и воеводе к Ивану Ивановичу Чаадаеву да к дьяку к Тимофею Савлукову, и на Мезень к воеводе к Василью Самарину писал же. И в том для остяцкого и карачейской самоеди войною изгонном приходу в Пустоозерский уезд, в подъеме и в прогонах колмогорских стрельцов, и в Пустоозерском остроге во всяких денежных доходах в недоборе, от остяцкого и карачейской самоеди осадного сиденья, великого государя казне учинилась поруха и убыль великая. А как они, остяки Гындычко Моликов, Ярлычко Дураков да карачейской самоедин Поско с розными родами от Пустоозерского острогу поехал безвестно, не взяв к тебе от меня отписки, пустоозерского самоедина Адерка Лисова с женою и с детьми и со всеми животы и с оленями, поймав, повели с собою. И впредь в Пустоозеро похвалялись приходить воровски войною.

Публикуется по: ДАИ. СПб., 1855. Т. 5. № 68—I. С. 375—377.

Датируется по этому и следующему документу (ДАИ. Т. 5. № 68—III. С. 378).

№ 22.

1679 г., июня 24.

**Грамота из Москвы березовскому воеводе
кн. В. М. Гагарину с изложением нападения
тундровых самоедов на Обдорский городок.**

От царя и великого князя Федора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца в Сибирь на Березов стольнику нашему и воеводе князю Василью Михайловичю Гагарину. В нынешнем во 187-м году апреля

в 12 день писал ты к нам, великому государю, что Березовского де уезду из Обдорского городка писал к тебе ясачной сборщик Ивашко Шахов про воровскую самуюдь про Маулку да про Игонку Посевых: что нам, великому государю, они изменили и с собою подозвали иных городов воровскую самуюдь, многих людей, больше четырех сот человек, и пришли в Обдорский городок войною, и Обдорской городок осадили, стояли шесть дней и никого из Обдорского городка не выпускали. И в Обдорской городок стреляли и многих остяков и самуюдь ранили и ясачных остяков, которые были в юртах и на промыслах и у рыбной ловли, убили дватцать три человека да дву человек самоединов, и над ними наругались, носы и у рук персты резали, а жон их грабили и нагих оставили, а детей имали к себе в полон. Да Маулка ж говорил: пришли де они для того, что наших государевых ясачных людей князца Гынду Моликова с товарищи убить и всех обдорских остяков разорить. И запасы и платье и топоры и ножи и котлы и что готовили в наш государев ясак — у них рухлядь отняли. А которые де ясачные люди под городком остались, и те де для нашего государева ясаку на промыслы идти не смеют, бояся от тех воров убойства. А которая самуюдь приехали с Каменной стороны с ясаком, и они де потому ж ехать не смеют, бояся от тех воров убойства ж, потому что самуюдь Маулка с товарищи, которые к их воровству не пристали, ясачных людей вяжут и с собой возят, а иных бьют насмерть. И говорит де тот вор Маулка с товарищи: которые де остяки и самуюдь к их воровству не пристанут, и они де их всех побьют и пойдут Березовского уезду в иные верхние городки ясачных людей разорять, а разоря де и пограбя, пойдут в Мангазею и побьют русских людей.

И послал ты, выбрав березовских служилых людей, сына боярского да с ним двадцать человек казаков в Обдорской городок на выручку. И тот де вор Маулка и Игонка с товарищи, послыша посылку с Березова служилых людей, побежали на прежние свои жилища, откуда пришли, с Мангазейской стороны из Надыма. И велел ты сыну боярскому и ясачному сборщику, собрався со всеми рускими и ясачными остяки, за теми ворами идти и поиск чинить. И обдорские де ясачные люди били челом нам, великому государю, что де им служилых людей за теми ворами поднять не на чом: которые де были у них в Обдорской волости олени, и те де олени вор Маулка с товарищи, пограбя, увели с собою без остатку. И за теми де ворами руским людем и остяком без оленей пешим идти нельзя, потому что де те воры живут в дальних местах, к морю, по рекам и по озерам.

И обдорского князя Гынду Моликова, да с ним дву человек ясачных людей и челобитную их прислал к Москве, а в челобитной их написано: в прошлых годех деды и отцы тех изменников воровали, нашу государеву казну

громили и служилых людей побивали, и на Пустеозере русских людей много поморили и побили и животы их разграбили, и ясачных людей, сургуцких и казымских остяков, побивали, и по вся годы их грабили и олени отгоняли. А в нынешнем де во 187-м году, которая самаядь шла с нашим, великого государя, ясаком в Обдорской городок, и оне де, Маулка с товарищи, поймав их на дороге, вязали и с собою возили и нашего де, великого государя, ясаку платить не велели. А что де у них какова живота взяли и оленей отогнали, и тому под челобитною ропись, а в росписи их написано: взято у них, князя Гынды и у ясачных людей, денег и рухляди и оленей и всяких их животных по цене на четыре тысячи на семьсот на тридцать на семь рублей на тридцать на один алтын на две деньги.

Да в нынешнем де во 187-м году били челом нам, великому государю, Обдорского городка князь Гында ж Моликов и ясашные люди: служат де они нам, великому государю, и ясак платят изстари по вся годы на Березов, а в прошлых де годах до 185-го, до приезде в Тобольск боярина нашего и воевод Петра Васильевича Шереметева с товарищи, имали их с Березова в Тоболеск и спрашивают у них в Тобольске про ясачной и про ясачных сборщиков, а у них де в Тобольску дел и никакого челобитья не бывало, и от тобольской де им волокиты чинились убытки большие. И чтоб нам, великому государю, пожаловати, не велети их с Березова имати в Тоболеск. А будет де какие у них дела небольшие будут, и по тем делам велети бы им наш, великого государя, указ учинить на Березове, а для больших дел отпустить их к нам, великому государю, к Москве с Березова, чтоб им от того убытков и волокиты, а нашему, великого государя, ясачному сбору недобору не было. И от воровской самаяди их оборонить, а в побитых остяках и в пограбленных оленях и животах наш, великого государя, указ им учинить.

И ныне мы, великий государь, указали:

Про тое воровскую самуюдь розведать подлинно, в которых местех они кочуют, а розведав, послать к ним служилых людей, сколько человек пристойно, и велеть их уговаривать, чтобы они от измены своей отстали и в винах своих нам, великому государю, добили челом, и грабежные остяцкие животы и олени Березовского уезду Обдорского городка князцом и ясачным остяком отдали, и нам, великому государю, служили и прямили и во всем добра хотели, и жили и ясак нам, великому государю, платили по прежнему. А мы, великий государь, пожалуем: велим вины их им отдать. А будет тое воровские самаяди уговорить никоними мерами не мочно, или для уговору за чем послать к ним нельзя, и про них потому ж розведать всякими мерами подлинно, нет ли у них, воровской самаяди, с иными какими иноземцы ссылки, а розведав, посылать на них с Березова березовских всяких чинов служилых

людей да с ними обдорских городков остяков, по сколько человек пристойно, высматривая и розведывая времени накрепко, чтоб на них прийти вовремя и безвестно, и их смирить и под нашу, великого государя, царскую высокую руку в ясашной платеж привести, а себя от них уберечь. И остяцкие грабежные животы и олени сыскав, отдать обдорским князем и ясачным остяком, у кого те животы и олени та воровская самоедь взяли. А как с Березова на воровскую самоедь березовским служилым людям посылки будут, а за посылками достальных березовских служилых людей на Березове будет мало, и на Березов в прибавку служилых людей и пушек и пороху и свинцу и хлебные запасы и соль посылать в то время с тобольскими служилыми людьми из Тобольска, сколько доведетца, смотря по тамошнему делу, чтоб от малолюдства на Березове и в Мангазее и на старом Мангазейском городище и в уездах от иноземцов поруки какие не учинилось. А для тех посылок березовских служилых людей с Березова в Красноярской для обереганья от воинских людей не посылать из Томского.

А Березовского уезду обдорского князя Гынду Моликова с товарищи и ясачных людей, будет до них дел и их челобитья о чем не будет, с Березова в Тоболеск не иметь, а наш, великого государя, указ не в больших делах учинить им по нашему, великого государя, указу на Березове. А для больших дел, будет они похотят, по их челобитью отпустить их к нам, великому государю, к Москве, вместо провожатых березовских служилых людей за нашею, великого государя, казною с Березова. И о том к нам, великому государю, писати, чтоб им, иноземцом, от тобольской волокиты убытков, а нашему, великого государя, ясачному сбору недобору не было.

И как к тебе ся наша, великого государя, грамота придет, и ты б учинил о том на Березове по сему нашему, великого государя, указу и по тобольским отпискам, и о том к нам, великому государю, писал, а отписку велел подать в Сибирском приказе боярину нашему Родиону Матвеевичю Стрешневу да думному нашему дворянину Богдану Федоровичю Полибину, да дьяком нашим Льву Ермолаеву, Саве Таркову.

Писан на Москве лета 7187 июня в 24 день.

Публикуется по: ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. № 44—X. С. 166—168.

РАЗДЕЛ II.
МАНГАЗЕЙСКИЙ
МОРСКОЙ ХОД

№ 23

1600 г., январь.

**Жалованная грамота царя Бориса
Годунова жителям Двинского уезда о разрешении ходить
на Таз и Енисей для добычи пушнины
и свободной торговли с самоедами**

Божиею милостию мы, великий государь и великий князь Борис Федорович всеа Руси самодержец, и наш сын царевич князь Федор Борисович всеа Руси пожаловали есмя Двинского уезда пенежан и мезенцов Угримка Иванова да Федулка Наумова и всех промышленных людей, пенежан и мезенцов. Били они нам челом, чтоб нам их пожаловати: велети им ездити промышляти и торговати в Мунгазею морем и Обью рекою, на Таз и на Пур, и на Енисею, и с самоедами, которые живут на тех реках, торговати повольню.

И мы, великий государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси самодержец, и наш сын царевич князь Федор Борисович всеа Руси пенежан и мезенцов Угримка Иванова да Федулка Наумова и всех промышленных людей, пенежан и мезенцов, пожаловали: в Мунгазею морем и Обью рекою, на Таз и на Пур, и на Енисей им ходити и с самоедами, которые живут на тех реках, на Тазу и на Пуре и на Енисее, им торговати велели повольню. А нашу десятую пошлину, от девяти десятое, из соболей лутчей соболя, а из куниц лутчая куница, а из лисиц лутчая лисица, а из бобров лутчей бобр, а из песцов лутчей песец и изо всякие мяхкие рухляди и изо всякого товару десятое тем торговым людям, пенежаном и мезенцом Угримку Иванову да Федулку Наумову с товарищи, велели есмя давати на Мезени в Окладникове слободке приказным людям и старостам и целовальником, а опричь Окладниковы слободки, что на Мезени, нигде десятого давати есмя им не велели. А у кого какие рухляди будет больши десяти или меньше, и с того им десятую пошлину давати по росчету, в правду, по нашему крестному целованью, лутчее. И лешим промыслом велели есмя им промышляти.

А возити им с собою там наших государств русские товары незаповедные да съестные всякие запасы. А про свою нужу имати им с собою по топору человеку или по два, да ножей по два или по три ножи человеку, да по саадаку, да по рогатине человеку, для того, что они там для своих промыслов живут года по два и по три и им без того быти нельзе. А больши того им с собою оружия и топоров, и ножей не имати и того им ничего не продавати. А заповедных им товаров, пищалей и зелья пищального, и саадаков, и сабель, и луков и стрел, и железец стрельных, и доспехов, и копей, и рогатин, и иного никакого оружия на продажу, и топоров, и ножей, и всяких заповедных

товаров не возити. И лутчих им соболей и куниц, и песцов, и лисиц, и всякие мягкие рухляди и товаров для нашия десятины не таити. А пустоозерцам с них десятины не имати и ни в чем обид и насильства никоторого им не чинити. А учнут Угримко и Федулко с товарищи какую мяхкую рухлядь и товары, лутчее, для нашия десятины таити, и им от нас быти в опале.

Дана ся наша царская грамота в нашем царствующем граде Москве лета 7108 генваря...

Публикуется по: АИ. СПб., 1841. Т. 2. № 30. С. 27—28.

№ 24

**Отписки тобольского воеводы кн. И. С. Куракина в Москву
и грамоты из приказа Казанского дворца в Тобольск
о целесообразности использования водного пути
(Мангазейского морского хода)
из Поморья через волоки полуострова Ямал
в Обскую губу и Мангазею**

1.

1616 г., февраля 6.

**Отписка воеводы кн. И. С. Куракина
в Москву о возможности прохода морем от Архангельска
в Обскую губу и к устью Енисея**

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всяя Русии холопи твои Ивашко Куракин, Гришка Гагарин, Ивашко Булыгин, челом бьют. Сказывал нам, холопом твоим, приезжей торговый человек двинянин Кондрашка Куркин: в прошлом де, государь, во 118-м году были они в Мангазее и из Мангазеи пришли по Енисею к Николе на Турухан, и поговоря с товарищи своими с торговыми людьми с двиняны же с Осипком Щипуновым с товарищи, сделав кочи, пошли на промысл в Пясиду реку и шли вниз по Енисее до Енисейского устья четыре недели, и пришли на Енисейское устье о Петрове заговенье, и устье Енисейское занесло из моря льдом, а лед давной, ни о которую пору не изводитца, в толщину сажень тридцети и больше. А падет де Енисея в морскую губу, а губа морская того же студеного [моря], которым ходят немцы из своих земель караблями к Архангельскому городу, и проезд с моря к Енисейскому устью есть. И стояли они на Енисейском устье недель с пять, потому что из реки в губу за льдом проехать немочно, был безпрестани ветер с сиверу, и хотели были назад воротитца; да как потянул

полуденной ветер, и тем ветром лед из устья отнесло в море, и в те поры де и большими караблями из моря в Енисею пройти мочно; а Енисея де глубока, караблями ходить по ней мочно ж, и река угодна, боры и черной лес и пашенные места есть, и рыба в той реке всякая такова ж, что в Волге, и твои государевы сошные и промышленные люди на той реке живут многие. И отнесло де, государь, лед от устья в море полуденным ветром одним днем. А как, государь, река и море прочистилось, лед отнесло в море, и они де выехали из Енисея и поворотили вправо и шли подле берег губою два дни, да выехали в реку в Пясиду, а Пясида в море падет своим устьем. А как де, государь, лед был в Енисее, и в те поры лед был и в Пясиде, а как из Енисеи лед в море унесло, и в те поры лед и из Песиды вынесло.

Да нам же, холопом твоим, сказывал немчин, которой по твоему государеву указу прислан в прошлом во 122-м году, Сава Француженин: тому де лет с семь ходили галанские немцы караблями морем к Мангазее, а хотели пройти в Енисею, и пришли де того же лета к себе назад, а сказывали, что де лето было сиверно, льдом их в Енисею не пропустило, а только де дождались полуденного ветру, и им бы де в Енисею пройти было мочно. Да нам же, холопом твоим, сказывали тот же торговый человек, которой сказывал про енисейскую дорогу, Кондрашка Куркин да тобольской стрелец Кондрашко Корела, что деи от Архангельского города в Мангазею по вся годы ходят кочами многие торговые и промышленные люди со всякими немецкими товары и с хлебом, а поспевают морем в Карскую губу от города в две недели, а из Карские губы в Мутную реку вверх до волоку ходят пять ден, а волоком итти и кочи таскать версты с полторы, а переволокшися волок, спуститца кочами в Зеленую реку и итти на низ четыре днища, а из Зеленые реки в реку в Таз, а Тазом в Мангазею ходу две недели. Да стрелец же Кондрашка сказывал: видел де он в прошлых годах на Оби, едучи в Монгазею, до завороту, корабельную доску, а чаёт, што розбило корабль; а устья де, государь, Обсково никто не знает, разлилась на многие места, и острова частые, и мелко добре, не токмо большим судном, кораблем или кочами, ходити, и мелкими судами ходить не мочно.

Да мне, холопу твоему, Ивашку Куракину сказывал, встретясь со мною на дороге, Степан Забелин: сказывали де ему в Монгазее промышленные люди, что де их у Архангельского города немцы наимовали в вожи, чтоб их провезти в Монгазею, и они де без указу вести их не смели. И мы, холопи твои, по той их сказке в Монгазею и в Енисею проходу чаем немецких торговых людей, потому что река Енисея угодна, рыбы в ней много, а живут по ней пашенные татаровя, и зверь по ней дорогой, а река Енисея от сибирских городов отдалела, а им ходить с немецкими товары податно; а поспеть де от Архангельского города

в Монгазею недели в полпятны мочно. И по тем, государь, роспросным речам послали мы, холопи твои, в Монгазею наскоро тобольского стрельца Гришку Богданова, пожаловав его твоим государевым жалованьем, а велели ему итти на лыжах в Сургут, а из Сургута в Монгазею. А к Воину, государь, Новокщенову в Монгазею мы, холопи твои, писали: как, аже даст Бог, лед вскроетца и реки пройдут, и он бы послал на Енисейское устье служилых и промышленных людей, сколько человек пригоже, а велел Енисейского устья розсмотреть, льдом его не занесло ли; будет занесло, и он бы велел подождать, полуденным ветром лед из Енисеи вычистить ли или нет. А промышленных и торговых всяких людей, которые часто живут на Енисее, роспросити накрепко: по вся ли годы лед из Енисейского устья ветром розносит или не всегды, и проходить в Енисею с моря караблями и иными судами мочно ли? А про то б торговым и промышленным всяким людем заказал накрепко, чтоб немцом в Монгазею дорог не указывали ни на которые места. А будет немцы с торги и придут на Енисею или в Монгазею, и им с ними торговать не велел; а будет мочно их которыми [мерами] взяти в город, и мы их держать велели в городе в Монгазее до твоего государева указа. А буде, государь, те оба ходы проведает немцы и учнут приходить в Монгазею многими кочами и корабли, и о том вели нам, холопям своим, свой государев указ учинить: велеть ли им торговать, и от Архангельского города торговым и всяким промышленным людем на те дороги в Мангазею, а из Мангазеи к Архангельскому городу с товары и со всяким промыслом ходить ли? Да буде, государь, твой государев указ будет, что торговым людем ходити от Архангельского города с товары и с запасы в Монгазею, ино, государь, мочно и твои государевы запасы в Монгазею посылати от Соли Вычеготцкие и с Устюга реками Вычегодою и Двиною, а из Двины морем на Карскую губу и на Мутную реку, потому: волоки, по сказке Кондрашки Курочкина да Кондрашки Корелы, всего полторы версты, а то все водяной ход и близок от Архангельского города, поспевают в Монгазею в полпятны недели.

А послана такова отписка ко государю к Москве с Федором Яновым во 124-м году февраля в 6 день.

2.

1616 г., марта 22.

Отписка воеводы кн. И. С. Куракина в Москву о попытках европейских судов пройти к сибирским берегам

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси холопи твои Ивашко Куракин, Ивашко Булыгин челом бьют. Писали мы, холопи твои, к тебе к государю наперед сего с тобольским литвином Федором Яновым

про дороги с моря в Монгазею по сказке Степана Забелина да колмогорца Кондрашки Курочкина, да стрельца Кондрашки Корелы, что ходят от Архангельского города в Монгазею кочами торговые и промышленные люди на Карскую губу да на волок, а другая дорога с моря в Енисейское устье большими судами, и что немцы наимовали вожей русских людей, чтоб их от Архангельского города провели в Монгазею. И после, государь, того сказывал нам, холопом твоим, колмогорец Еремка Савин: тому де лет с семь, видели они у Карские губы копаны ямы, а сказывали им самоедь, что приходили де того году на Карскую губу из своих земель на кораблях немцы, не занимая Архангельского города, и имали землю в корабли; я для чего та земля надобна, того они не ведают. А наперед де, государь, того годы за два были у Карские же губы немцы, два корабля, а ни с кем никакими товары не торговали, а для чего приезжают, того не ведают, а они чают того, что они для торговли мест проводят, а подлинно не ведают. Да тому де, государь, годы с четыре нашли промышленные люди, идучи из Мангазеи к Архангельскому городу, вправе на половине дороги на Колгуеве острове розбит льдом корабль, а чают, что было им итти на Карскую ж губу, а на нем де были две пушки, и они де те пушки привезли к Архангельскому городу; да чает де, государь, он, что и по сию пору и по вся годы немцы к Карской губе приезжают.

Да нам же, холопом твоим, сказывал Кондрашка Курочкин, что немцы из своих земель по вся годы ходят многими караблями для промыслу на острова на Новую Землю, а Новая Земля стоит против Енисейского устья. И по тем, государь, по прежним и по нынешним речам чаем мы, холопи твои, в Монгазею и в Енисею проходу торговых немецких людей; и будет, государь, те оба ходы проводят немцы и учнут приходить в Мангазею многими кочами и кораблями, и о том вели нам, холопом своим, свой государев указ учинить: велеть ли им торговать? А по здешнему, государь, по сибирскому смотря делу, некоторыми обычаями немцом в Монгазею торговати ездить поволить не можно. Да не токмо им ездити, ино б, государь, и руским людям морем в Монгазею от Архангельского города для немец ездить не велеть же, чтоб, на них смотря, немцы дорог не узнали, и приехав бы воинские многие люди сибирским городом какие поруки не учинили. А в Мангазее и в иных сибирских городех люди немногие, стоять против многих людей нечем, да и потому: только придут вскоре какие воинские люди, и из Тобольска и из иных сибирских городов помощи вскоре не можно, потому что Мангазея от Тобольска и от иных сибирских городов отдалела, большим погодьем поспевать из Тобольска недель в восемь, а коли погодья живет мало, и ходу живет недель тринадцать и больше. А от Архангельского города ход к Мангазее близко, поспевают в полпятницы недели. А можно, государь, немцом пройти

в Монгазею из своих земель, не заимую Архангельского города, а у города Архангельского сведать будет про них не мочно.

А послана такова отписка ко государю с тобольским конным казаком с Семейкою Неустроевым 124-го году марта в 22 день.

3.

1616 г., июня 25.

**Грамота из Москвы тобольским воеводам о запрещении
использования Мангазейского морского хода
и возможности основания государевых острогов
в устье Енисея и вблизи Карской губы**

...наимывали* вожей русских людей, чтоб их от Архангельского города провели в Монгазею. Да после того сказывал вам колмогорец Еремка Савин: тому де лет семь видели они у Карские губы копаны ямы, а сказывали им самоед, что приходили того году на Карскую губу из своих земель немцы, не заимую Архангельского города, да имали землю в корабли, а для чего им та земля надобна, того де они не ведают. Да Еремка же Савин сказывал вам: тому де года с четыре, нашли промышленные люди, идучи из Мангазеи к Архангельскому городу, вправе, на половине дороги на Колгуеве острове, розбит льдом корабль, а чают, что было им итти на Карскую ж губу, а на нем де были две пушечки, и они те пушечки привезли к Архангельскому городу, а чают де они, что они приезжают по вся годы к Карской губе. Да вам же сказывал двинянин Кондрашко Курочкин, что немцы из своих земель по вся годы ходят многими корабли для промыслов на остров на Новую Землю, а Новая Земля стоит против Енисейского устья. И по тем речам чаете вы в Монгазею и в Енисею проходу немецких людей, и нам бы вам велети о том указ свой учинити.

И как к вам ся наша грамота придет, и ты бы, боярин наш князь Иван Семенович, отписал от себя в Монгазею к воеводе к Ивану Биркину да к Воину Новокщенову, а велел тотчас послати на Енисейское устье, а в другую сторону на Карскую губу служилых и промышленных людей, по скольку человек пригоже, а велел им на Енисейском устье и на Карской губе досмотрити мест, мочно ли в котором месте близко устья остроги поставити, чтоб к острогам жилецким людям пашнею и санными покосы и леса было угодно, и про то б есте велели спросити, какие люди по Енисейскому устью и сколь близко от Енисейского устья и Карские губы живут, и которые сибирские города к тому Енисейскому устью и к Карской губе ближе подошли, и сколько до которого города днищ водянова ходу или сухим путем верст, и будет

* Начало документа отсутствует.

водою, и какими суды большими или кочами. Да где присмотрят остроги поставити, и они б сметили накрепко, сколько к тем острогом под пашню будет земли и лесу и сенных покосов, и много ль в те остроги людей надобет. Да им же велели бы есте около тех мет версты по две, и по три, и по пяти, и по шти, и по десяти, и по пятнадцати, и по двадцати, и по тридцати, и по сороку, и по пятидесяти, и по сту, и больши переписать всяких людей по имяном, чей кто сын и с прозвищи, и какие они люди, и чем промышляют, и к которому городу ясак дают, и по чему ясаку дают или безьясачно живут, да то б есте велели им написать в книги подлинно порознь. Да тех же людей велели бы есте им о всем роспросити накрепко: немецкие люди с моря на Енисею кораблями или кочами наперед сего прихаживали ль торговати? И будет прихаживали, и с какими товары, и многие ль люди приезжали? Да кто что про то про все скажет, и они бы о том подлинно отписали и переписные те книги прислали в Тоболеск, а из Тобольска те отписки и переписные книги прислали бы есте к нам к Москве, а велели отдать в Казанском дворце дьяком нашим, думному Петру Третьякову да Петру Микулину с товарищи.

И о том бы есте торговым и промышленным людям всех городов и ясачным самоеди и татаром велели учинити заказ крепкой, чтоб немецких людей на Енисею и в Монгазею отнюдь никого некоторыми мерами не пропускали и с ними не торговали, и дорог им ни на которые месте не указывали, и торговых и промышленных и всяких людей из Монгазеи на волок и на Карскую губу на Пустоозеро, и к Архангельскому городу пропускати не велели, а велели их отпускати из Монгазеи на Березов и на Тоболеск. А будет кто учнет с немецкими людьми торговати или дороги указывати, или торговые люди учнут вперед ходити из Монгазеи на волок на Новую Землю, и на Карскую губу на Пустоозеро, и к Архангельскому городу, или, не заимую Архангельского, морем, а не на Березов, мимо нашего указа, и тем людям быти от нас в великой опале и в казни. А в Монгазейской город к воеводе к Ивану Биркину да к Воину Новокщенову о том от нас писано ж.

Писан в Москве лета 7124-го июня в 25 день.

А подлинная государева грамота за приписью дьяка Петра Микулина прислана в Тоболеск во 125-м году октября в 19 день с Ондрюшкою Шарыкиным.

4.

1616 г., ноября 17.

Отписка воеводы кн. И. С. Куракина в Москву о загадочном народе няромва, живущем на острове в устье р. Пясины

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Ивашко Куракин, Ивашко Булыгин челом бьют. Сказывают,

государь, нам, приезжая из Монгазеи, служилые и торговые люди, которые бывали в Песиде, колмогорец Пятой Максимов с товарищи, что против Песицкого устья на море остров, от устья верстах в пятнадцать, а проехать к тому острову, выехав из Енисейского устья, коли живет полуденной ветр, мочно. А люди де на нем живут ростом невелики, называют их няромзою. А которые де русские люди наперед их на том острову мимоездом бывали, и те де людишка, для своей худобы, от людей бегают. А только де их поискать нароком, и их де сыскать и под твою государеву руку привести мочно. И мы, холопи твои, писали в Монгазею к Ивану Бир[ки]ну да к Воину Новокщенову, чтоб они про тот остров и про людей спросили в Мангазее всяких людей: какие люди на том острову живут и чем промышляют, и какой у них зверь? А спрося, как, аже даст Бог, лед вскроетца, послали б на тот остров служивых и промышленных людей, сколько человек пригоже, а велели им до того острова доехать. А как приедут, и им бы, изыскав тем людям толмача, и спрося, велели их приводить под твою государеву царскую высокую руку всякими мерами; а чем они промышляют и какой у них зверь или иные какие товары, и что на том острову угодей, и то им велели описать, а описав, будет мочно, взять б у них в Мангазею к твоему государеву жалованью и для закладу лутчих людей, сколько человек пригоже. А как к ним из той посылки служилые и промышленные люди в Монгазею придут и что в той посылке сделаетца, и они о том отписали б к нам в Тоболеск. А как Иван и Воин к нам о том отпишут, и мы, холопи твои, о том отпишем к тебе к государю.

А послана такова отписка ко государю с Григорьем Шанским в 125-м году ноября в 17 день.

5.

1618 г., февраля 16.

***Грамота из Москвы тобольским воеводам с разрешением
торговым и промышленным людям снова использовать
Мангазейский морской ход и запрещением им показывать
пути в Сибирь иностранцам***

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Сибирь в Тобольской город боярину нашему и воеводе князю Ивану Семеновичу Куракину да дьяку нашему Ивану Булыгину. В прошлом во 124-м году мая в 30 день писали вы к нам про дороги с моря в Монгазею, что ходят от Архангильского города в Монгазею кочами торговые и промышленные люди на Карскую губу на волок, а другая дорога с моря в Енисейское устье большими

судами, и что немцы наимывали вожей русских людей, чтоб их от Архангельского города провели в Монгазею...*

И в нынешнем во 126-м году декабря в 9 день писали к нам из Монгазеи воевода Иван Биркин да Воин Новокшенов: в прошлом де во 124 году весною, как лед скрылся, посылали они из Монгазейского города на Енисейское устье проводывати морского ходу тобольского стрельца Мишку с товарищи. И Мишка де с товарищи, с Енисейского устья приехав в Монгазею, в роспросе им сказывали: смотрели де они на море и не могли досмотрити, где бы за льдом вода объявилась, и юртов никаких не видали, и лес никакой подле моря не растет; и как де потянул ветер с моря, и на них пришла стужа и обмороки великие, свету не видели, и они де, подняв парус, побежали назад вверх по Енисеи и бежали до Туруханского зимовья парусом днем и ночью, две недели, а людей никаких у Енисейского устья и на Карской губе не видали. А как съехались в Монгазею с промыслов торговые и промышленные всякие люди, и они де, Иван Биркин да Воин Новокшенов, про тот морской ход тех торговых и промышленных людей спрашивали. А в роспросе розных городов торговых и промышленных и всяких людей сто семьдесят человек сказали по нашему крестному целованью: от Архангельского де города, из Колмогор и с Пенеге ходят они в Мангазею на Кулуйское устье и на Канин нос, и мимо Колгуев остров, и мимо Руской и Меденской завороты, и Югорским шаром мимо местной остров, и на Карскую губу в Мутную реку, через сухой волок на Зеленую реку и в Обь, да в тазовское устье, а ходят в малых кочах; а чрез сухой волок суды волочат на себе. А в Енисейское устье малыми или большими кочами морем из Двинского устья сами не бывали и из начала про ходоков, русских и никаких иных людей, не слышали. А в прежние де годы, блаженные памяти при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руси, ходил москвитин Лука гость с товарищи проводывати Обского устья тремя кочи, и те де люди с великие нужи примерли, а осталось тех людей всего четыре человека. И то де они слышали, что от Мутные реки и до Обского устья и к Енисейскому устью морем непроходимые злые места от великих льдов и всякие нужы. А кого де русских людей от Архангельского города немцы в вожах наимывали, и про то они не слышали, и у Карские губы кораблей немецких не видали. А то де все они подлинно ведают, что у Архангельского города немцы в корабли землю и камень кладут для грузу. А что де промышленные люди на Колгуев остров нашли льдом розбит корабль, и про то они слышали; и две пушечки с того корабля мезенец Шестачко Иванов да сын его Ортюшка привезли к Архангельскому городу. А тот Колгуев остров стоит на море, ходу до Архангельского городу два дни водяным путем, а с мангазейским устьем розошлось

* Опущен фрагмент текста, идентичный тексту в документе № 24—3.

далече. А от Двины до Мутные реки ходу в Монгазею с Петрова заговенья, да к устью Мутные реки приходят на Успеньев день и на Семен день, а коли де Бог не даст пособных ветров и время опаздает, и тогда все кочи ворочаются в Пустоозеро. А коли захватит на Мутной или на Зеленой реке позднее время, и на тех реках замерзают, а животишка свои и запасы мечут на пусте, а сами ходят на лыжах в Березовской уезд на Обдор, а с Обдора на Березов. А большими де судами ходити не мочно от великих непроходимых льдов; а Мутною рекою и чрез сухой волоки на Зеленую реку суды волочат они на себе, и от того де места ходят они от великие нужные мелкие воды теми реками недель шесть и семь. Да в роспросе же торговых людей три человека сказали: ходят де они на Новую Землю из кулуйского устья на Канин нос, на Глубник, и с Канина носа к Новой Земле ход между севером и полунощником, и караблей де на Новой Земле не видали; а та де Новая Земля лежит против Мурманские стороны, а не к Мангазейской земли и не к Енисейскому устью. А по Новой Земле ходят до Максимкова, а приходят к тому месту на Успеньев день и на Семен день, а дале де того по Новой Земле нельзя бывати, великих ради непроходимых льдов, а та де Новая Земля неведома остров, неведома матерая земля. А с монгазейскою сторону от Енисейского устья ходаков с моря изначалу не бывало, от великих льдов проходу нет. А немецких людей с моря на Енисею кораблями и кочами про проход не слышали.

А Еремка Савин, которой про морской ход сказывал вам в Тобольску, в роспросе в Мангазеи сказал: с моря де приходу в Обское и в Енисейское и в Песидское устье не знает, а слышал де он от многих людей, что в Енисейское и в Песидское и в Обское устье кораблями и кочами ходить с моря не мочно, потому что льды стоят вековые, и острова против Песидского устья на море и приходу немецких людей в Монгазею и в Енисею не ведает и ни от кого не слышал. А тебе, боярину нашему князю Ивану Семеновичю, сказывал про Карскую губу, что слышал он от самоеди: были де немецкие люди в Карской губе и с берегу де возили землю на карабли, а грузили тою землею карабли; а того де он, Еремка, тебе, боярину нашему князю Ивану Семеновичю, не сказывал, что чает он по вся годы немецких людей приходу в Карскую губу.

Да Иван же Биркин да Воин Новокшенов писали к нам и прислали торговых и промышленных людей всех городов, которые ходят для торгов своих и промыслов в Монгазею, челобитную, за отцов их духовных и за их руками, а в челобитной их написано, чтоб нам их пожаловать: велети им из Монгазеи к Руси и в Монгазею с Руси ходити позволить большим морем и через Камень по прежнему, чтобы им вперед без промыслов не быть, а нашей бы соболиной казне в их безторжище и безпромыслу в десятой пошлине убытку не было. И мы торговых и промышленных людей всех городов,

которые ходят для торгов своих и промыслов в Монгазею, пожаловали, велели им ходити с Руси в Монгазею, а из Монгазеи на Русь большим морем и через Камень по прежнему, потому что в сыску в Монгазеи многих городов торговые и промышленные люди сказали, что из Двинского устья морем в Енисейское устье большими и малыми кочами сами не бывали и изначала про ходоков русских и никаких иных людей не слыхали; а то де они слыхали, что от Мутные реки и до Обского устья и к Енисейскому устью морем непроходимые злые места от великих льдов и всякие нужи, а у Карские де губы караблей немецких не видали и с моря на Енисею кораблями или кочами про проход немецких людей не слыхали, и на Карскую губу за большим льдом ездити не мочно.

И как к вам ся наша грамота придет, и ты бы, боярин наш князь Иван Семенович, отписал от себя в Монгазею к воеводе к Петру Волинскому, а велел ему из Монгазеи торговых и промышленных всяких людей всех городов, которые ныне в Монгазеи, отпущати к Руси большим морем и через Камень, а с Руси в Монгазею велел ходити торговым и промышленным людям со всякими товары потому ж большим морем и через Камень по прежнему, как наперед того ходили. А то велел ему беречи накрепко и торговым и промышленным всяким людям велел приказывати, чтобы они с немецкими людьми в Монгазею не ходили и их не пропускали и с ними, опричь Архангельского города, не торговали, и дорог им ни на которые места в Монгазею не указывали, и жили в Монгазее с великим береженьем неоплошно. А будет которых городов торговые и промышленные люди учнут с немецкими людьми в Монгазею ездити или с ними торговати, или в Монгазею кто Немецким людям кто дорогу укажет, и тем людям от нас быть в великой опале и в смертной казни. А однолично б тебе о том велети учинить заказ крепкой. А во всем мы в том монгазейском ходу положили то дело на тебя, боярина нашего на князя Ивана Семеновича. И ты бы всякое наше дело делал в Сибири, смотря по тамошнему делу, как бы нашему делу было прибыльнее и поруки никоторые в нашем деле не было.

А что колмогорец Еремка Савин сказывал тебе про немецких людей, что чает он по вся годы немецких людей приходу в Карскую губу, а в Монгазеи воеводе Ивану Биркину да Воину Новокшенову тот же Еремка говорил: того де он тебе не сказывал, что чает он по вся годы немецких людей в Карскую губу, и ты б того Еремку велел за то бити батоги нещадно, чтобы, на то смотря, иным было неповадно воровством смуту затевать, и вперед бы еси таким вором ни в чем не верил, а делал всякие наши дела, смотря по тамошнему делу, колько милосердный Бог помочи подаст. Да что в сибирских городах какие дела учнутца вперед делати, или будет что вперед про морской

ход объявитца, и вы о всем писали [бы] к нам к Москве, а отписки велели отдавати в Казанском дворце боярину нашему князю Олексею Юрьевичю Ситцкому да дияком нашим, Федору Опраксину да Богдану Губину, да Ивану Шевыреву, чтоб нам про то было ведомо.

Писан на Москве лета 7126-го февраля в 16 день.

А подлинная государева грамота за приписью диака Богдана Губина при-слана в Тоболеск во 126-м году июля в 30 день с Иваном Дурынею.

6.

1618 г., декабря 10.

Грамота из Москвы тобольскому воеводе кн. И. С. Куракину с указанием самому решить вопрос о путях в Сибирь через Северный Урал и Ямал

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Сибирь в Тобольской город боярину нашему и воеводе князю Ивану Семеновичу Куракину да дияку нашему Ивану Булыгину. В прошлом во 126-м году февраля в 27 день послана к вам наша грамота и из Монгазеи сыскные и рос-просные речи сибирских городов служилых и торговых и приезжих торговых и промышленных людей про дорогу с моря в Монгазею, что ходят торговые люди от Архангильского города в Монгазею на Карскую губу на волок, с то-больскими служилыми людьми с Павлином Выходцовым да с Богдашком Аршинским. А велено тебе, боярину нашему и воеводе князю Ивану Семеновичу, отписать от себя в Монгазею к воеводе к Петру Волинскому...*

И в нынешнем во 127-м году октября в 25 день писали есте к нам, что тор-говые люди с товары своими ездят в сибирские города все мимо Тоболеск, большой де их проезд с Выми через Камень на Березов, а с Березова, не зай-мая Тобольска, в Сургут, в Томск, а воеводы к вам из тех городов о том не пи-шут, а только бы писали, и вы чаете сверх их прежних сметных списков нам ве-ликие прибыли, и нам бы о том велети указ свой учинити. А на Москве в Ка-занском дворце боярину нашему князю Олексею Юрьевичю Ситцкому да ди-яком нашим Федору Опраксину да Богдану Губину князь Петр Горчаков в рос-просе сказал: был де он в Сибири в Березове городе блаженные памяти при го-сударе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руси тому с двадцать с пять лет, а шел он в Сибирь на Березов город, на займая Верхотурья и Тоболь-ска, от Соли от Вычегодской на Еринской городок, а с Еринского на Вымь, с Выми на Турью, а с Турьи на Печеру, а с Печеры через Камень на Березов. А как де он был на Березове, и до него, и при нем торговые всякие люди со

* Опущен фрагмент текста, идентичный тексту в документе № 24—5.

всякими товарами зимним путем ходили на Березов с Выми через Камень на собаках, а через Тобольской де города на Березов зимним путем ход далече, а летним де водяным путем из Сибири торговые люди ходят с Березова и на Тобольской, и нашу березовскую соболиную казну отпускали при нем на Тобольской; а коли для поспешенья, ино через Камень, не займуж Тобольска. А про монгазейский ход сказал: как де он был на Березове, и то де от торговых людей слышал, что в Монгазею хаживали торговые люди на Пустоозеро; от Архангельского города в Монгазею про ход и про немец не ведает и ни у кого не слышал.

И как к вам ся наша грамота придет, и ты бы всякое наше дело делал в Сибири, смотря по тамошнему делу, и от себя в сибирские и в поморские города писал, как бы нашему делу было прибыльнее и поруки некоторые в нашем деле не было. А положили мы в том морском монгазейском ходу и всякие наши дела на тебя, боярина нашего и воеводу на князя Ивана Семеновича, чтобы немецкие люди на Енисею и в Монгазею дороги не проищкали, да что в сибирских городех какие дел учнутца делати, или будет что вперед про морской ход или про немецких людей объявитца, и вы бы о всем о том писали к нам к Москве, а отписку велели отдавати в Казанском дворце боярину нашему князю Алексею Юрьевичу Ситцкому да дьяком нашим Федору Опраксину да Богдану Губину.

Писан на Москве лета 7127 декабря в 10 день.

А подлинная государева грамота за приписью дьяка Федора Опраксина прислана в Тоболеск во 127-м году февраля в 27 день с Михайлом Ушаковым.

7.

1619 г., июля 11.

Отписка воеводы кн. И.С. Куракина в Москву с сообщением о том, что он запретиł использовать Мангазейский морской ход

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Ивашко Куракин, Ивашко Булыгин челом бьют. В твоих государевых грамотах писано к нам, холопом твоим, велено мне, холопу твоему, отписати в Монгазею к воеводе к Петру Волынскому, чтоб он из Монгазеи торговых и промышленных всяких людей всех городов, которые в Монгазее, отпускал к Руси большим морем и через Камень, а с Руси в Монгазею велено ходити торговым и промышленным людем со всякими товарами потому ж большим морем и через Камень по прежнему, а того велено беречи накрепко и торговым и промышленным всяким людем велено приказывать, чтоб с немецкими людьми в Монгазею не ходили и их не пропускали и с ними, опричь Архангельского города, не торговали, и дорог им в Монгазею не указывали,

а жить бы в Монгазее с великим береженьем неоплошно. А во всем в том морском монгазейском морском ходу положил ты, государь, на мне холопе своем, и мне б всякое твое государево дело делать и в сибирские и в поморские города о монгазейском ходу писать, смотря по здешнему делу, как бы твоему государеву делу было прибыльнее и поруки некоторые в твоем государеве деле не было, чтоб немецкие люди на Енисею и в Монгазею дороги не проискали.

И в прошлом, государь, во 126-м году и в нынешнем во 127-м году от Архангельского города в Мангазею, по твоему государеву указу, торговые и промышленные люди на кочах с товары и с запасы пришли большим морем многие люди. И я, холоп твой, писал в Монгазею к Петру Вольнскому, чтоб из Монгазеи торговых и промышленных людей, как исторгуютца и с промыслов придут, назад большим морем не отпускал, а отпускал бы их на Березов через Камень и в Тоболеск, для того, чтоб твоей государеве казне в пошлинах истери не было: только пойдут большим морем и учнут торговать с немцы или с рускими людьми, утаясь на Угорском шару, на Тресковом и на двух островах, что у Варендеевых мелей, на Колгуеве, на Моржевице, на Канине носу, и твоей государеве казне в пошлинах истеря будет, а сыскать будет про то нечем, потому: городов и приказных людей в тех местах нет, у Архангельского города и на Коломогорах, грамот монгазейских для тайного торгу не объявя, розъедутца по своим местом. А хотя, государь, учнут торговать с немцы и объявляя, и твоей государеве пошлине прибыль будет обышная ж; а только едут на сибирские и на русские города, и твоей государеве пошлине прибыль будет вдвое, потому: ехать им доведетца по городом и товары их по проезжим грамотам будут явны, а иные многие люди, не доехав Архангельского города, товары свои испродают и розменяются с рускими людьми, и в том твоей государеве казне будет прибыль в перекупной пошлине. А что, государь, в твоей государеве грамоте написано: положил ты государь в морском монгазейском ходу на мне, холопе твоём, и в сибирские и в поморские города о том велел ты государь писать, смотря по здешнему делу, как бы твоему государеву делу было прибыльнее и поруки некоторые в твоем государевом деле не было, чтоб немецкие люди в Монгазею и на Енисею дороги не проискали, — и я, холоп твой, против твоего государева указу, в сибирские и в поморские города к воеводам о заказе писал, а укрепитца ль тот заказ или нет, и мне, холопу твоему, того неведомо, потому: места дальные, а поморские города присуд не сибирской, и моих, холопа твоего, отписок не слушают. И буде, государь, которыми мерами каравельной ход морем в Монгазею проищетца, и мне бы в том от тебя, государя, в опале не быть.

А такова отписка послана ко государю к Москве с Ивашком Петлиным во 127-м году июля в 11 день.

8.

1619 г., ноябрь 29.

**Грамота из Москвы тобольскому воеводе кн. И. С. Куракину
с указом об окончательном запрещении
Мангазейского морского хода из Поморья в Сибирь**

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Сибирь в Тобольской боярину нашему и воеводе князю Ивану Семеновичу Куракину да дияку нашему Ивану Булагину. В нынешнем во 128-м году сентября в 23 день писали есте к нам с томским казаком с Ивашком Петлиным: в прошлом в 126-м и во 127-м году от Архангельского городу в Мангазею торговые и промышленные люди на кочах с товары и с запасы пришли большим морем многие люди ...*

И по нашему указу велено вперед торговым и промышленным всяким людям ездити в Мангазею из Пустозера и от Архангельского города и ото всех поморских городов в сибирские города на Березов город через Камень и на Тоболеск, а назад велено ездити из Мангазеи теми же дорогами, а опричь тех дорог иными местами от Архангельского города большим морем на Карскую губу и в Мутную реку, да на волок, и в Зеленую, и в Таз реку в Мангазею, а из Мангазеи назад теми же местами ходить не велено.

И как к вам ся наша грамота придет, и ты бы, боярин наш князь Иван Семенович, велел отписать от себя в Мангазею к воеводе к Петру Волынскому, а велел из Мангазеи торговым и промышленным людям ходити на Русь на сибирские города на Березов через Камень да на Тоболеск, чтоб с торговых и с промышленных людей с их товаров в нашей десятинной пошине перед прежним было прибыльнее, а нашу бы пошлину с тех торговых и с промышленных людей в сибирских городех со всяких товаров велел имати по прежнему нашему указу, по проезжим грамотам, а лишних бы пошлин с их товаров по сибирским городом наши воеводы и приказные и служилые люди не имали, и продажи б и насильства и обид тем торговым и промышленным людям по городом не чинили и ни за чем их не задерживали ни часу, чтобы тех торговых и промышленных людей от сибирского ходу не отогнати, а в десятинной бы пошине перед прежним убыли не было. А старую бы дорогою из Мангазеи Тазом рекою на Зеленую реку, да на волок, да на Мутную реку, да на Карскую губу и большим морем к Архангельскому городу и на Пустозеро торговым и промышленным людям ходити не велел, чтобы на те места немецкие люди от Пустозера и от Архангельского города в Мангазею дороги не узнали и в Мангазею не ездили. А во всем том в морском в мангазейском ходу положили мы

* Опущен фрагмент текста, идентичный тексту в документе № 24—7.

то дело на тебе, боярине нашем на князе Иване Семеновиче, и ты бы всякие наши дела делал в Сибири, смотря по тамошнему делу, как бы нашему делу было прибыльнее и поруки некоторые ни в чем не было, чтобы немецкие люди в Монгазею отнюдь дороги не проискали. И промышленным бы людям, которые хаживали наперед сего в Сибирь в Монгазею большим морем и через Камень, велел учинити заказ крепкой, чтоб они с немецкими людьми не ездили в Монгазею, дороги им не указывали и про Мангазею с ними не разговаривали; а будет кто с немецкими людьми учнет ездить или в Монгазею дорогу учнет указывать, и тем людям быти от нас в великой опале и в смертной казни. А в поморские во все города посланы наши грамоты из Новгородские четверти к воеводам и к приказным людям, а велено учинити заказ крепкой, чтобы изо всех поморских городов торговые и промышленные всякие люди в Монгазею со всякими товарами ездили на сибирские города на Березов через Камень и на Тоболеск, а из Монгазеи на те же сибирские города, а старую дорогою в Мангазею от Пустозера и от Архангельского города большим морем на Карскую губу да Мутную рекою и на волок Зеленою рекою, и в Таз, и в Монгазею ходити и немецким людям дороги в Монгазею указывать и торговать с немецкими людьми, опричь указных мест, не велено. А в Мангазею к воеводе к Петру Вольнскому от нас писано ж, а велено ему впредь из Монгазеи торговых и промышленных людей отпускати на сибирские города на Березов город через Камень и на Тоболеск, а старую дорогою из Мангазеи Тазом рекою на Зеленую реку, да на волок, да на Мутную реку, да на Карскую губу и большим морем к Архангельскому городу и на Пустозеро торговых и промышленных людей отпускати не велено.

Писан в Москве лета 7128 ноября в 29 день.

А подлинная государева грамота за приписью дьяка Федора Опраксина прислана в Тоболеск в 128-м году февраля в 12 день с Третьяком Юрловым.

Публикуется по: Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 1049—1075.

№ 25

1620 г., апреля 24.

Грамота из Москвы тобольским воеводам об учреждении застав служилых людей на р. Сось и полуострове Ямал

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Сибирь в Тобольской город боярину нашему и воеводам Матвею Михайловичю Годунову да князю Ивану Федоровичю Волконскому, да дьяку нашему Ивану

Шевыреву. В нынешнем во 128-м году ноября в 29 день послана наша грамота в Сибирь в Тобольской город к боярину нашему и воеводе ко князю Ивану Семеновичу Куракину да к дияку к Ивану Булыгину с тобольским атаманом с Третьяком Юрловым, а велено боярину князю Ивану Семеновичу отписать от себя в Монгазею к воеводе к Петру Волинскому...*

А будет которые русские люди пойдут в Монгазею большим морем и учнут с немцы торговати мимо нашего указа, а тем их непослушаньем и воровством и изменою немцы или иные какие иноземцы в Сибирь дорогу отыщут, и тем людям за то их воровство и за измену быти каженным злыми смертми и дома их велим разорити до основания. А указали есмя поморских городов торговым и промышленным людям в Монгазею ходити через сибирские городы с Руси в устье Усу реку, а по Усе реке вверх до устья Соби реки, а из Соби реки в Ель реку до Камени до волоку, а через волок через Камень в Собь в другую реку, а Собью рекою вниз до Оби великой и где стоял на том Собском устье острожек наперед сего блаженные памяти при царе и великом князе Федоре Ивановиче все Руси и при царе Борисе, для проезжих торговых людей и для десятинные пошлыны. И заставу ныне на том месте велели поставити березовских служилых людей, сколько человек пригоже, для береженья от немецких людей. А в Соби на Березов, а из Березова в Монгазею, а из Монгазеи на Русь на те же места. А меж Мутные и Зеленые реки для береженья проходу немецких и торговых людей указали есмя поставити острожек и заставу служилых людей.

И как к вам ся наша грамота придет, и вы бы послали в Березов, кого пригоже, и от себя отписали к воеводам к Ивану Писемскому да к Якову Демьянову, а велели им поставити заставу на Собском устье березовских служилых людей, сколько человек пригоже, по прежнему, весною, до Семеня дни или до Покрова, для береженья от немецких людей и для десятинные пошлыны, и выбрав целовальника, кому бы мочно в нашей казне верити, и велели им: которые торговые и промышленные люди пойдут с Руси на Собское устье, или из сибирских городов поедут к Руси, и они бы с тех торговых и с промышленных людей с их товаров имали на нас десятую пошлыну, а беспошлинно не торговали и нашей пошлыны не крали; да что сколько нашей десятинной пошлыны возьмут, и они бы тое пошлыну писали в книги подлинно, да те книги и десятую пошлыну присылали к вам в Тоболеск, а вы бы тое пошлыну и книги присылали к нам к Москве и велели отдавати в Казанском дворце боярину нашему князю Ивану Михайловичу Воротынскому да дияком нашим Федору Опраксину, да Офонасью Истомину.

* Опущен фрагмент текста, идентичный тексту в документе № 24—8.

Да из Тобольска же или из Монгазеи велели бы есте послати служилых людей человек с пятьдесят или колько пригоже на заставу на Мутную реку и на Зеленую реку, и велели меж тех рек на волоку рассмотреть места, где пригоже, чтобы было крепко и близко наших ясачных людей, а розсмотря, велели на том месте поставити острожек и крепости всякие поделати, и велели им из того острожку посылати от себя человек по пяти и по шти по переменам к морю, а велели им проведывати про немецких людей всякими мерами и беречи накрепко, чтобы отнюдь в Сибирь в Монгазею немецкие люди с моря водяным путем и сухими дорогами ходу не проискали, и русских торговых и промышленных людей с моря и из поморских городов Кулуем и на Канин нос, и на Тресковую, и на два острова, что у Варендеевских мелей, и на Моржевик малыми речками и большим морем на Югорской шар, и на Карскую губу, и на Мутную, и на Зеленую реку, и в Монгазею, а из Монгазеи на те же места пропускати не велели. Да и вперед бы есте ежегод посылати в тот острожек служилых людей на весну, как учнет лед вскрыватца, и велели в том острожке быти до Семеня дни или до Покрова, и велели им назад приезжати в Тоболеск или в Монгазею. А сколько служилых людей на Собскую заставу и между Мутные и Зеленые реки в острожек отпустите, и кого именем, и с которого числа, и по которое число пошлете, и в котором месте и урочище меж Мутные и Зеленые реки поставят, и к которым сибирским городом ближе, и сколь далече от моря и от поморских городов, и что те наши сибирские служилые люди из острожку учнут вам про немецких людей писати и в роспросе сказывати, и вы бы о том писали к нам к Москве, а отписки велели отдавати в Казанском же дворце боярину нашему князю Ивану Михайловичю Воротынскому да дьяком нашим Федору Опраксину да Офонасью Истомину.

Писан на Москве лета 7128 апреля в 24 день.

А подлинная государева грамота за приписью диака Федора Опраксина прислана в Тоболеск во 128 году июля в 7 день с тарским атаманом с Олешю Романовым.

Публикуется по: Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 1075—1079.

№ 26

1623 г., не ранее мая 15 — не позднее августа 31.

Отписка тобольского воеводы М. М. Годунова в Москву с известием о том, что в Обскую губу и устье Енисея пройти вокруг полуострова Ямал нельзя, а также с описанием экспедиций по Мангазейскому морскому ходу до его запрещения

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии холопи твои Матюшко Годунов, Ивашко Волконской, Ивашко Шевырев челом бьют. В прошлом, государь, во 128-м году июля в 7 день в твоей государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за приписью твоего государева дьяка Федора Опраксина писано к нам, холопом твоим, с тарским атаманом с Олешею Романовым...*

Да в нынешнем, государь, во 131-м году генваря в 14 день в твоей же государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за приписью твоего государева дьяка Федора Опраксина писано к нам, холопом твоим, с тобольским дворским с Неустройком Чичером, что в прошлом во 128-м году апреля в 24 день послана к нам, холопом твоим, твоя государева грамота, а велено нам, холопом твоим, послати [из Тоболска] или из Мангазеи служилых людей человек с пятьдесят или сколько пригоже на заставу на Мутную реку и Зеленую реку, а велети меж тех рек на волоку рассмотреть места, где пригоже, чтобы было крепко и близко ясашных людей, а рассмотря на том месте велено поставить острожек и крепости всякие поделати, а велено, государь, из того острожку по пяти и по шти человек по переменам посылати к морю проведывати про немецких людей и беречь накрепко, чтоб отнюдь в Монгазею немецкие люди с моря водяным путем и сухими дорогами ходу не проискали и русских торговых и промышленных людей с моря и с поморских городов Кулуем и на Канин нос, и на Тресковую, и на два острова, что у Варендеевских мелей, и на Моржевик малыми речками и большим морем на Югорский шар и на Карскую губу, и на Мутную, и на Зеленую реку, и в Монгазею, а из Монгазеи на те места пропускати не велено. Да и впредь ежегодно велено нам посылати в тот острожек служилых людей на весну, как учнет лед вскрыватца, а велети б в том острожке быти им до Семеня дни или до Покрова, а назад им из того острожку велети приезжати в Тоболеск или в Могазею. И мы, холопи твои, на ту заставу из Тоболска или из Монгазеи служилых на Мутную реку и на Зеленую реку послали ль твоих государевых служилых людей и острожек меж тех рек поставили ль, и из того острожку служилые люди к морю по переменам проведывати

* Опущен фрагмент текста, идентичный тексту в документе № 24—9.

про немецких людей ходили ль, и назад в Тоболеск или в Монгазею пришли ль, и что нам, холопом твоим, в роспросу сказывали ль про немецких людей, и мы, холопи твои, о том к тебе, государю, к Москве нынешнего 131-го году сентября по 18 число не писывали, и то делаетца нашим, холопей твоих, не-раденьем и оплошкою. И как к нам, холопом твоим, твоя государева грамота придет, и нам бы, холопом твоим, отписать к тебе, государю, к Москве: во прошлом во 128-м году на заставу на Мутную реку и на Зеленую реку твоих государевых служилых людей посылали ли и сколько человек посыла-ли, и те твои государевы служилые люди на тех местех острожек поставили ль, и крепости всякие поделали ли, и к морю проведывати про немецких лю-дей ходили ль, и что проведали, и нам бы, холопом твоим, про немецких лю-дей сказали. А будет не посылали, и нам бы, холопом твоим, потому ж к те-бе, государю, отписать, для чего не посылали.

И в прошлом, государь, во 128-м году из Тобольска твоих государевых служилых людей в Мангазею меж Мутные и Зеленые реки на волок для ос-трожного ставленья не посылали и в Мангазею к воеводам не писали, пото-му: сыскали мы, холопи твои, в столпу 126-го году: писали в Тоболеск к тво-ему государеву боярину ко князю Ивану Семеновичю Куракину из Манга-зеи воеводы Иван Биркин да Воин Новокшенов: в прошлом де во 124-м го-ду писал к ним из Тобольска боярин князь Иван Куракин, к Ивану Бирки-ну весною в Березов в тое пору, как ему по государеву указу велено быть на воеводстве в Монгазее, а к Воину Новокшенову зимним путем в Монгазею, чтоб им послать из Монгазейского города на Енисейское устье служилых и торговых, и промышленных людей и велети на Енисейском устье досмот-рители: Енисейского устья льдом не заносит ли? И будет заносит, и им подо-ждати полуденных ветров и досмотрити, лед из Енисейского устья выносит ли; а торговых бы и промышленных людей, которые часто живут на Енисее, роспросити подлинно, по вся ли годы из Енисейского устья льды выносит, и проходить ли с моря в Енисею кораблями или иными какими судами моч-но ль. Да про то б де им всякими мерами проведывать подлинно, нет ли с мо-ря в Обское устье, в Пясиду и в Енисею, и в иные реки в Монгазейской уезд кораблями и кочами проходу, и немцы или иные какие люди в тех местех по-сю пору не объявлялися ли, а проведав подлинно, отписать в Тоболеск.

И в прошлом же де, государь, во 124-м году, как лед вскрылся, послал Воин Новокшенов из Монгазейского города на Енисейское устье тобольско-го стрельца Мишку Иванова, а с ним выбрав лутчих торговых и промышлен-ных людей десяти человек да толмача, и тот де Михалко с товарищи до Ени-сейского устья ходили на коче и, приехав, в роспросе нам сказали: стояли де они на устье Енисея девять дней, и против де Енисейского устья льды стоят

высокие, проходу в море из Енисейского устья нет, а люди де на Енисейском устье никакие не живут и признак юртовых не видали, а лесу никакова на Енисейском устье и подле моря нет же, все места пришли мокры, озера и болота, а по низким местам снега и льда лежат высокие.

Да они ж, Иван Биркин да Воин Новокшонов, в прошлом во 125-м году про морской ход спрашивали торговых и промышленных людей всех городов, которые в том году съехались в Монгазейский город с Енисея, из Нижние, из Верхние Тунгуски и из Пясиды, по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси крестному целованью, а монгазейскую и енисейскую самоедь, которая была у них в аманатех, спрашивали ж по их вере, по шерти: с моря в Монгазею от Архангельского города кочами торговые и промышленные люди на Карскую губу на волок, а другая половина с моря в Енисейское устье большими судами ходят ли, и немцы вожей русских людей, чтоб их от Архангельского города провели в Монгазею, наймовали ли? И торговые де и промышленные люди сказали по твоему государеву крестному целованью, а монгазейская и енисейская самоедь сказали по своей вере, по шерти: ходят де они, торговые и промышленные, люди с Пинеги и с Мезени, и с Двины морем, которого лета льды пропустят, в Монгазею для промыслов своих лет по двадцати и по тридцати и больше на Пустоозеро и на Карскую губу, на волок, а в Енисейское устье морем не хаживали, и то де подлинно они, русские люди и самоедь, знают, что из Енисейского устья и из Обской губы в море проходу нет, никто никакими судами не бывали, и немецких людей и кораблей на море и на Енисейском устье не видали, и немецкие люди в Монгазею не бывали, и впредь де они все торговые и промышленные люди и самоедь немецких людей в Монгазею кораблями и иными никакими судами приходу не чают же, потому что от Карские губы в Обское устье и в Енисею, и в Пясиду с моря от великих и непроходимых льдов проходу нет, да и жилых людей на Карской губе и на Енисейском устье не бывает же, только лише де к Карской губе твоя государева пуштозерская ясашная самоедь временем подъезжает для морского вымету. А до Енисейского де устья из Монгазейского города водяным путем вниз по Енисею своею силою хода два месяца, а до Карские губы из Монгазейского же города ходу в русской конец Тазовскую губою и через Обь, и на Зеленую реку, и через волок на Мутную реку, и до Карские губы в легких судах, только ветры не задержат, ходу недель пять и шесть. А иных твоих государевых сибирских городов к тем местом ближе нет Монгазейского города. А сухого пути к Енисейскому устью и к Карской губе нет же, все тундра да болота. А немецких людей с моря на Енисею кораблями и кочами про проход не слышали же.

И по той, государь, монгазейской отписке, какову прислали в Тоболеск Иван Биркин да Воин Новокщенов и торговых и промышленных людей, и монгазейской и енисейской самоеды по роспросным речам, никоими мерами немецких людей в Монгазею проходу не чаяти. А торговые, государь, и промышленные люди без твоего государева указа с тех мест, как посланы твои государевы грамоты в поморские города и в Сибирь к нам, холопям твоим, на те места из поморских городов Кулуем и на Канин нос, и на Тресковую, и на два острова, что у Варендеевских мелей, и на Моржевик малыми речками и большим морем на Югорский шар, и на Карскую губу, и на Мутную, и на Зеленую реку в Монгазею для промыслов не ходят.

Да и потому, государь, на Мутную и на Зеленую реку для осторожного постановления не посылавали: в нынешнем, государь, во 131-м году генваря в 15 день сказывали нам, холопом твоим, в роспросе про морской ход и про Мутную, и про Зеленую реку, и про сухой волок промышленные люди пеняжени Левка Иванов Шубин, прозвище Плехан, да Фомка Борисов; а что нам, холопом твоим, в роспросе Левка Плехан да Фомка Борисов сказывали, и мы те их роспросные речи, запечатав в столпце твоею государевою печатью царства Сибирского, послали к тебе, государю, к Москве с тобольским с пешим казаком с Ваською Мокеевым.

А как в нынешнем во 131-м году пришла твоя государева грамота к нам, холопом твоим, в Тоболеск, и мы, холопи твои, писали в Монгазею к воеводе к Ивану Тонееву генваря в 27 день с тобольскими служилыми людьми, с стрельцом с Ортюшкою Онофреевым да с пешим казаком с Ваською Елизарьевым, чтоб он по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу послал из Монгазеи служилых людей человек с пятьдесят или сколько пригоже на заставу на Мутную реку и на Зеленую реку и велел меж тех рек на волоку рассмотреть места, где пригоже, чтоб было крепко и близко твоих государевых ясашных людей, а рассмотря, велели на том месте поставить острожек и крепостями всякими укрепить, и велел бы им из того острожку посылать от себя человек по пяти и по шти по переменах к морю, а велел бы проводить про немецких людей всякими мерами и беречи накрепко, чтобы отнюдь в Сибирь в Монгазею немецкие люди с моря водяным путем и сухими дорогами ходу не проискали, и русских торговых и промышленных людей с моря и из поморских городов Кулуем и на Канин нос, и на Тресковую, и на два острова, что у Варендеевских мелей, и на Моржевик малыми речками и большим морем на Югорский шар, и на Карскую губу, и на Мутную, и на Зеленую реку, и Монгазею, а из Монгазеи на те места пропускать не велел. Да и впредь бы ежегод посылал в тот острожек служилых людей весною, как лед учнет вскрыватца, и велел бы

в том острожке быти до Семена дни или до Покрова, а к зиме велел бы приехать назад в Монгазею. Да что у них в острожке на заставе и у моря про проезд немецких и торговых и промышленных людей учнетца делати и в котором месте и в урочище острожек поставят, и о том бы велел отписати к себе в Монгазею, а однолично б того себе в оплошку не поставил, служилых людей на заставу послал. А которого числа и сколько, и кого имяны служилых людей пошлет, и в котором месте и урочище меж Мутные и Зеленые реки острожек поставят, и к которым сибирским городом ближе, и сколь далече от моря и поморских городов, и что те служилые люди из острожку учнут к нему, Ивану, про немецких людей писати и в роспросе сказывати, и о том бы он писал к нам, холопом твоим, в Тоболеск, чтоб про то в Тобольску было ведомо, как писать к тебе к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси к Москве. А что, государь, из Монгазеи воевода Иван Тонеев в Тоболеск к нам, холопом твоим, отпишет, и мы, холопи твои, к тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси, к Москве отпишем тотчас.

Лета 7131-го генваря в 15 день боярину и воеводам Матвею Михайловичу Годунову, князю Ивану Федоровичу Волконскому, дияку Ивану Шевыреву сказывал в роспросе промышленной человек пенезенин Левка Иванов Шубин, прозвище Плехан: в прошлом во 109-м году, блаженные памяти при государе царе и великом князе Борисе Федоровиче всеа Руси, пошли они, Левка с товарищи, собрався, на четырех кочах, с Колмогор в Монгазею, а был в те поры на Колмогорах приказной человек Рахманин Воронов, а были с ними на тех кочах торговые люди хозяева, колмогорской жилец Молчан Ростовец, Меньшик Панфилов Вондокурец, Агей Роспопов Матигорец, Иван Мелентиев Прозвииков с товарищи, человек с сорок, и шли от Колмогор Двиною вниз до урочища до Березовского устья день, а от Березовского устья большим морем окияном подле берег и чрез губу пособным ветром с Запада на Восток по левой стороне берегу, влеве море, а вправо земля, и шли до устья Печеры реки, а в Монгазею того лета не пошли, для того что опоздали, шли до устья Печоры реки мешкотно, потому что были ветры встрешные и льды великие; а как живут пособные ветры, а встречного ветру и льдов не живет, и от Березовского устья поспевают парусным ходом до устья Печеры реки ден в десять. От устья Печеры реки шли вверх по реке Печере до Пустоозера парусным погодьем два дни и в Пустеозери зимовали; а приказной человек был в Пустеозери Микифор Вельяминов Воронцов. А во 110-м году из Пустоозера о Петрове дни пошли в Монгазею на четырех кочах москвитин Первой Тарутин да пустоозерец Семен Исаков Серебряник,

да волочанин Михайло Дурасов, пустоозерец Архип Баженик, а с ними торговых и промышленных людей человек с сорок; а он, Левка, с ними же был. А вышел на устье Печеры реки, и пошли в Монгазею большим же морем окияном на урочище на Югорской шар, и бежали парусом до Угорского шару два дни да две ночи, а шли напрямую большим морем, переимаясь через губы морские, а на губах местами глубоко, а в иных местех мелко в сажень, а инде и меньши, а в иных местех и суды ставають. А Югорской шар остров великой каменной, местами тундра, а местами камень голой, а леса никакого нет, а называют тот остров Вайгач, а около его русские люди в Монгазею не ходят, потому что отшел далеко в море, да и льды великие стоят; а подле Югорской шар подле остров Вайгач ходу гребью день, проезд из моря окияна в урочище в Нярзомское море, а тот проезд промеж Вайгача острова да промеж берегов, а по берегу лежит грядою камень, а поперек проезду верст с пять, а инде и меньши, а проезд местами глубоко, а инде мелко; а на острову Вайгач место пустое, людей нет. А от Югорского шару Нярзомским морем через Карскую губу резвого ходу до устья Мутной реки день да ночь. А как займут льды большие, ино обходят около льдов парусом и гребью недель с шесть, а иногда и обойти льдов немочно, и от тех мест ворочаютца назад в Пустоозеро. А Мутная река устьем пала в Нярзомское море с полуденные стороны, а река Мутная невелика, через мощно перебросить камнем, а река мелка, в грузу кочи не проходят, а дожидаютца с моря прибыльные воды; а грузу у них было в кочах четвертей по сту и больши, в четыре пуда четверть. И тою Мутною рекою шли в кочах прибылою водою, тянулись бечевою двадцать ден и дошли до озер, из коих вышла Мутная река; а вышла Мутная река из трех озер невеликих, по смете версты по две озеро; вверх по Мутной реке по обе стороны пустое место, тундра и растет мелкой лес в вышину с четверть аршина и с поларшина, а зовут тот лес ярник, а ино-го лесу никакого нет и дрова они завозят с собою на кочах, собирая наносной лес по берегу, что выносит в море сверх Печеры реки и из иных рек. А по обе стороны Мутные реки временем кочует самоедь Карачея и иные роды, а дают те самоедь ясак в Пустоозеро.

И дошед они до озера до вершины Мутные реки, учили меж озерцами волочить запасы в павозках, а в павозок клали четвертей по десяти и больши, в четыре пуда четверть, а провадили павозки от озера до озера паточинами, тянули по воде бродячи, один павозок тянут два человека, а те межу озерцами паточины тож в дву местех от озера до озера по версте и меньши, а кочи тянули канаты после запасов порозжие по тем поточинам всеми людьми; а от третьего озера шли на волок до большого озера, из которого вышла Зеленая река, а сухого волоку от озера до озера с полверсты и больше, а место ровное,

земля песчана, и тем волоком запасы носили на себе на плечах и павозки волочили канаты, а кочи тянули через волок канатами же, делаячи ворота, для того, что людей было мало, а носили через волок запасы и павозки волочили, и кочи тянули ден с пять. А большое озеро, из которого идет Зеленая река, в длину по смете верст с десять, а поперек версты с три и больше; и шли они по тому озеру в длину от сухого волоку до Зеленые реки с половину дни, а Зеленая река пошла из того озера с западу и пала устьем в губу, а иные называют Обью рекою, а Зеленая река меньше Мутные реки да и мельче. И шли они на низ Зеленою рекою, повозили запас в павозках, а кочи тянули порожние всеми людьми ден с десять; а от устья Зеленой реки губою бежали парусным погодьем до завороту день, а от завороту Тазовскую губою до устья Тазу реки парусным же погодьем бежали два дни да две ночи, а обе те губы, что от устья Зеленые реки, по обе стороны береги видеть, а вода в тех в обеих губах пресна, а не морская. А от устья Тазовского вверх Тазом рекою до Тазовского города бежали парусным погодьем двое сутки, а своею силою без парусного погодьа идти ден с десять. А пришли они в Монгазею перед Покровом; а воеводы были в Монгазее князь Василей Масальской да Савлук Пушкин.

Да в роспросе же промышленной же человек сказывал Фомка Борисов Пенеженин: был в Монгазее при Степане Забелине, а шли большим морем окияном из Кулойского устья на Чесской волок, а пошли от устья Кулоского о Петрове заговенье, а шли до реки Чижи день пособным ветром, а река Чижа пала устьем в большое море окиян с востока на запад; а Чижа река невелика, поперек сажени с три; и шли они тою рекою вверх до Чесского волоку день да ночь, а по речке Чиже по обе стороны тундра, а лес мелкой ярник, а большого лесу нет, а кочует по той речке Каменская самоедь, а ясак дают на Мезень в слободу, а кочуют невеликие люди. А через Чесской волок кочи их перевозила самоедь на оленях наймующись, а волоку Чесского сажень с двадцать, место тундряное, а в большую воду тот волок поимает водою. А перешед Чесской волок, прошли на речку Чошу, а речка Чоша невелика, ходят ею прибылою водою, как приходит вода с моря, а речкою Чошою прибылою водою вверх до Чесские губы версты с три, а Чесская губа с севера на полдень, а от Чесские губы на Тиунской берег, а через Чесскую губу бежали парусом до Тиунского берегу день да ночь и вышли на большое море, а подле Тиунской берег большим морем бежали парусом день до Бурлова берегу, и под Бурловым берегом заняли великие льды, и они сквозь льды пробивались в том месте четыре недели, и как льды отнесло в большое море, и они пришли к Югорскому шару, и шли большим морем гребью до Карские губы, а Карскую губу через бежали парусом день да ночь, и пришли на устье Мутные ре-

ки, а Мутною рекою вверх шли до озера до Мутного восемь дней, а из того озера вышла Мутная река, а с Мутного озера через сухой волок потому же порозжие кочи по кадкам волочили канатами, поделав ворота, и шли от Оби и до Монгазеи тем же местом, на которые места сказывал Левка Иванов Плехан. А было де промышленных людей на штинадцати кочах сто шестьдесят человек, москвичи Стенко Петров Бараш, колмогорцы, пеняжени Володимер Пахотин, Яким Щепеткин с товарищи; а пришли в Монгазею за пять ден до Покрова. А про немецкие люди сказали Левка Плехан и Фомка Борисов, что никоими мерами немецких людей в Монгазею проходу не чаяти. А острогу меж Мутные и Зеленые реки поставить негде и не в чем, места песчаные да и тундра, и лесу никакого нет.

А послана такова отписка и роспросные речи посланы ко государю во 131-м году мая в 15 день с тобольским с пешим казаком с Васьюкою Мокеевым.

Публикуется по: Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 1079—1092.

№ 27

1624 г., не ранее июня 7 — не позднее августа 31.

Отписка тобольского воеводы кн. Ю. Я. Сулешева в Москву о посылке сына боярского Я. Шульгина на полуостров Ямал для основания острожка

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси холопи твои Юшко Сулешев, Федька Плещеев, Гарасимко Мартемьянов, Никитка Левонтьев челом бьют. В нынешнем, государь, во 132-м году декабря в 30 день в твоей государеве грамоте за подписью твоего государева дьяка Ивана Болотникова писано к нам, к холопом твоим, велено послати из Тобольска или из Мангазеи служилых людей человек с пятьдесят или сколко пригоже на заставу на Мутную реку и на Зеленую реку, а велети б им меж тех рек на волоку рассмотреть места, где пригоже, чтоб было крепко и близко твоих государевых ясашных людей; а россмотря, велети поставити на том месте острожек и крепости всякие поделати, и велети им из того острожку посылати от себя человек по пяти и по шти по переменам к морю проводить про немецких людей, чтоб отнюдь в Сибирь в Монгазею немецкие люди водяным путем и сухими дорогами ходу не проискали, и русских торговых и промышленных людей с моря и из поморских городов Кулуем и на Канин

нос, и на Тресковую, и на два острова, что у Варендеевских мелей, и на Моржевик малыми речками и большим морем на Югорской шар, и на Карскую губу, и на Мутную, и на Зеленую реку в Мангазею, а из Монгазеи на те же места пропускати не велеть. Да и вперед бы нам, холопом твоим, ежегод посылать в тот острожек служилых людей на весну, как учнет лед вскрыватца, и велети в том острожке быти до Семеня дни или до Покрова, и велети им назад приезжати в Тоболеск или в Монгазею.

И по твоему государеву указу в нынешнем во 132-м году июня в 7 день послали мы, холопи твои, из Тобольска на заставу на Мутную и на Зеленую реку тобольского сына боярского Якова Шульгина да тобольских служилых людей двадцать человек. Да писал я, холоп твой, Юшко на Березов к воеводам ко князю Федору Козловскому да к Ондрею Ширину, а велел послати с Березова на заставу с Яковым Шульгиным в прибавку к тем тобольским служилым людям березовских служилых людей двадцать же человек, и велели мы, холопи твои, Якову Шульгину, пришед на заставу на Мутную и на Зеленую реку с тобольскими и с березовскими служилыми людьми на волок, рассмотреть места, где пригоже, чтоб было близко твоих государевых ясашных людей, а рассмотря, велели на том месте поставить острожек и крепости всякие поделать, и велели ему из того острожку посылати от себя человек по пяти и по шти по переменам к морю проведывать про немецких людей, чтоб отнюдь в Сибирь в Монгазею немецкие люди водяным путем и сухими дорогами ходу не проискали и русских торговых и промышленных людей с моря и с поморских городов Кулуем и на Канин нос, и на Тресковую, и на два острова, что у Варендеевских мелей, и на Моржевик малыми речками и большим морем на Карскую губу, и на Мутную, и на Зеленую реку в Монгазею, а из Монгазеи на те же места на Русь пропускати не велели, а велели, государь, Якову Шульгину быти на заставе с тобольскими и с березовскими служилыми людьми до Семеня дня или до Покрова, и смотря по тамошнему делу, чтоб им перед самыми заморозы выйти на Березов. А что, государь, в острожку у Якова Шульгина про немецких людей каких вестей объявитца, и мы, холопи твои, велели Якову и Федору писати про вести в Тоболеск наскоро. А как, государь, Яков Шульгин с заставы с Мутные и с Зеленые реки с служилыми людьми в Тоболеск придет и что у него каких вестей объявитца, и мы, холопи твои, о том к тебе, государю, отпишем.

Публикуется по: Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 1093—1095.

№ 28

**Отписки тобольского воеводы кн. А. А. Хованского
в Москву о посылке в 1626 и 1627 г. служилых людей
для основания острога и заставы на полуострове Ямал**

1.

1626 г., мая 31*

...казак** Васька Пустоозерец, что в нынешнем во 134-м году был он на Обдори с атаманом с Иваном Бабарыкиным в толмачех, для ясачного сбору; и слышал на Обдори у пустозерского самоедина у Левы роду Лохиянина, что в прошлом 133-м году приезжали с большого моря в Карскую губу в дву кораблях люди, а быв в Карской губе, отъехали в море. А в Карскую, государь, губу пала Мутная река, которою преж сего ездили в Мангазею торговые люди от Архангельского города с большого моря малыми кочами.

И мы, холопи твои, по прежнему твоему государеву указу, послали из Тобольска меж Мутные и Зеленые реки на волоки на заставу тобольских служивых людей 20 человек, да с Березова воеводам князю Льву Волконскому да Илье Зубову велели послати Березова города атамана Ивана Бабарыкина, да с ним березовских служивых людей 24 человека, да в вожах того березовского казака Ваську Пустоозерца. И наказную память к Ивану Бабарыкину послали мы, холопи твои, из Тобольска, а велели ему с тобольскими и с березовскими служивыми людьми итти с Березова на твою государеву службу меж Мутные и Зеленые реки на волок на заставу, наспех днем и ночью, и пришед в Зеленую реку, велели досмотрити прежних заставщиков, сына боярского Федора Игнатьева с товарищи, признак. А досмотря и пришед на волок, рассмотреть места, чтоб было у воды и у крепости и близко твоих государевых ясачных людей; а рассмотря места и приготова лес, поставить острожек и всякие крепости поделати не мешкав, и велели ему в том острожке быти до Семеня дни или до Покрова, и смотря по тамошнему делу, как им мочно до заморозов вытти на Березов, и велели им в том острожке жити с великим береженьем, и в день и в ночь на воротех и по острогу караулы ставити крепкие, чтоб немецкие люди или самоядь на тот острожек на них безвестно не пришли и дурна никакова не учинили. И велели из того острожку посылати служивых человек по пяти и по шти, по переменам, к морю водяным путем и сухими дорогами, откуда чаять приходу, проводывать про немецких людей накрепко, чтоб однолично в Сибирь в Мангазею немецкие

* Датируется по содержанию документа № 28—2.

** Начало документа отсутствует.

люди водяным путем и сухими дорогами ходу не проискали, и русских торговых и промышленных людей с моря ис поморских городов Кулуем и на Канин Нос, и на Тресковую, и на два острова, что Варандеевских мелей, и на Моржевик малыми речками и большим морем на Югорской шар и на Карскую губу, и на Мутную, и на Зеленую реку в Мангазею, а из Мангазеи на те же места на Русь пропущати не велели. А кто будет от Архангельского города с большого моря тою старою дорогою в Мангазею, а из Мангазеи на те де места на Русь поедет, и тех людей велели мы, холопи твои, на заставах имати и приводя в острожек спрашивать накрепко: для чего они тою мангазейскою старою заповедную дороною мимо твою государеву указную дорогу ездят, или с кем умышляючи и не по ссылке ль с немецкими людьми; а спрашивая тех людей и речи их написав на список, велели присылати в Тоболеск. Да и того велели, мы холопи твои, проведывати: в прошлом во 133-м году с большого моря в Карской губе прямо ль корабли были, и сколько кораблей было, и какие люди, и для чего приходили, и до коих мест доходили; и по Зеленой и по Мутной реке и на волоку и у Карские губы велели рассматривати: не поставлены ль какие признаки, и те признаки велели, мы холопи, твои сжечь, чтоб однолично в Сибирь в Мангазею немецкие люди водяным путем и сухими дорогами ходу не проискали. А перед заморозы, как пойдут с заставы, острожек велели разломати и острожные бревна устроить для переду, где пригоже, а на том месте, где был острожек, велели учинити, для переду, признаки какие буде пригоже, почему б вперед твоим государевым людям, которые будут посланы на заставу, то место знать. А как, государь, тобольские и березовские служивые люди Иван Бабарыкин с товарищи с твоей государевы службы с заставы назад придут и что про немецких людей проведуют, и мы, холопи твои, о том к тебе ко государю отпишем тотчас.

На обороте помета: 134 г. июля в 16 день подал тоб[ольский пятидесятник] Осташка Онтонов.

2.

1626 г., не ранее августа 13 — не позднее ноября 15.

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси холопи твои Ондрюшка Хованской, Мирошко Вельяминов, Ивашко Федоров, Степашко Уготцкой челом бьют. В нынешнем, государь, во 134-м году июля в 1 день в твоей государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте за приписью твоего государева дьяка Ивана Болотникова в Тоболеск к нам, холопом твоим, писано, что немецкие люди от Архангельского города и, не занимая Архангельского города, из своих земель и не по первой

полой воде хотят отыскивать ходу, чтоб им пройти водяным или сухим путем в Мангазею. И по твоему государеву указу, велено нам, холопом твоим, в Тобольску распросити всяких людей, которые водяной путь, старую дорогу из Мангазеи, реку Таз и Зеленую, и Мутную реку, и Карскую губу, и большое море окиян к Архангельскому городу ход и на Пустоозеро знают или которые люди про тот ход слышали, в котором месте на Мутной и на Зеленой реке на волоку и в иных местех мочно поставить острог, и в том остроге поставить от немецких людей заставу служивых людей, и много ли служивых людей надобно на тое заставу послати, и в одном ли месте застава надобна поставить или не в одном, и в кольких местех, и в которых урочищах, и по скольку человек служивых людей надобно поставить, чтоб немецких людей в Мангазею не пропустить. Да и про то всяких людей велено распросити: в тех местех, в которых мочно поставить заставу и остроги от проходу немецких людей, лес на острожное ставленье есть ли или нет? Да будет нам, холопом твоим, скажут, что такие места под остроги на Мутной и на Зеленой реке и в иных местех есть, а лес на острожное ставленье в тех местех добыть будет не мочно, велено на то острожное ставленье лес в Тобольску приготовить тотчас; а приготовля лес на то острожное ставленье, и распрося про тот ход, велено, выбрав из детей боярских и из служивых людей, сколько человек пригож, добрых, которым бы такой ход и острожное ставленье было б в обычей, и послати из Тобольска тех детей боярских и служивых людей водяным путем в судех, дав им твое государево жалованье и на острожное ставленье лес, и велено итти наспех, днем и ночью до урочищ, в которых местех ставити остроги. И пришед на те места, поставить остроги и крепости всякие поделати и жити с великим береженьем. Да из тех острогов велено посылати, по скольку человек пригож, по переменам, водяным путем и сухими дорогами к морю, откуда чаять приходу немецких людей, и велено про немецких людей проведывати, чтоб отнюдь в Сибирь в Мангазею немецкие люди водяным путем и сухими дорогами ходу не проискали, и русских торговых и промышленных людей с моря и из поморских городов водяным путем Кулуем и на Канин Нос, и на Тресковую, и на два острова, что у Варендеевских мелей, и на Моржевик, малыми реками и большим морем на Югорской шар и на Карскую губу, и на Мутную и на Зеленую реку, и в Мангазею, а из Мангазеи на те же места пропускати не велено. А кто поедет русских людей тою заповедною дорогою к Архангельскому городу из Мангазеи или в Мангазею, велено со всеми товары и с запасы присылати в Тоболеск, а в Тобольску тех людей спрашивать, для чего они мимо твоей государевы указные дороги ходят и собою ль или с кем умышляючи, и не по ссылке ль с немецкими людьми? Да о том велено писати к тебе ко государю к Москве. А детям боярским и служивым людям, которых

на заставу пошлют, велено приказати накрепко: буде они до Мутные и до Зеленые реки не дойдут и острогов от приходу немецких людей не поставят и воротятца назад в Тоболеск, а немецкие люди в Мангазею пройдут и дорогу прознают, или хотя и русские люди тою заповедною дорогою в Мангазею пройдут, и им за то быти казненым смертью, и животы их велишь ты, государь, взяти на себя, государя; и они б, дети боярские и служивые люди, однолично тем тебе, государю, послужили, от приходу немецких людей на заставе острожок поставили. Да и о том велено приказати: как остроги поставят, и они б прислали в Тоболеск до тех мест, в которых остроги поставят, шли водяным путем, и вверх ли или вниз сухим путем волоками, и которые тем волокам урочища, и сколь велики те волоки, и летом и зимою в тех острогах служивым людям быть мочно ль, или в тех острогах служивым людям доведетца быть одним летом, а зимою в тех острогах служивым людям быти не мочно, и за чем не мочно; и только в тех острогах зимою служивым людям быти не мочно, и тем острогом, которые они поставят, стоять мочно ль, и каких людей близко тех острогов нет ли, и приходу откуды каких воинских людей в те остроги не чаять ли, или, как из тех острогов служивые люди пойдут, острожные бревна доведутца ломати. Да что на заставах учнет делатца, и о том велено из Тобольска писати к тебе ко государю к Москве.

И в нынешнем же, государь, во 134-м году мая в 14 день писали к нам, холопом твоим, в Тоболеск с Березова воеводы князь Лев Волконской да Илья Зубов: в нынешнем де, государь, во 134-м году апреля в 3 день сказывал им в съезжей избе березовской казак Васька Пустозерец, что слышал он на Обдори у пустоозерского самоядина у Левы роду Лохиянина...^{*} Да о том мы, холопи твои, к тебе, ко государю, писали наперед сего в нынешнем же во 134-м году мая в 31 день с тобольским пеших казаков пятидесятником с Остахом Онтоновым.

А по нынешней твоей государеве грамоте, меж Мутные и Зеленые реки на волок на заставу служивых людей не послали, потому что твоя государева грамота пришла к нам, холопом твоим, позно, к морскому ходу не поспела. А писали мы, холопи твои, по твоей государеве грамоте, из Тобольска на Березов к воеводам, ко князю Льву Волконскому да к Илье Зубову, чтоб оне про немецких людей всякими мерами вестей проводывали, и твои государевы люди на Мутную и на Зеленую реку дошли здорово ль и острог поставили ль. Да и березовским служивым людям, которых пошлют они на Обдор для твоего государева ясачного сбора, велели приказати проводывати накрепко у самояди тайно разговором: в прошлом в 133-м году прямо ль в Карской губе корабли были и до которых мест доходили, и какие были люди,

^{*} Опущен фрагмент, идентичный тексту в документе № 28—1.

и для чего приходили? И в нынешнем во 134-м году с большого моря в Карской губе не были ли ль корабли, да будет были, и многие ль люди, и до коих мест доходили? Да что у них каких вестей про твоих государевых людей и про немецких людей объявитца, и о том я, холоп твой, Ондрюшка велел им отписать в Тоболеск тотчас. И из Березова, государь, воеводы и с заставы тобольские и березовские служивые люди в Тоболеск нынешнего 134-го году августа по 13 число не писывали. А как, государь, с Березова воеводы или с заставы тобольские или березовские служивые люди к нам, холопом твоим, отпишут, и мы, холопы твои, о том к тебе, государю, отпишем тотчас.

На обороте помета: 135 г. ноября в 15 день подал отписку тобольской сын боярской Данило Булычев.

3.

1627 г., не позднее июля 12.

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси холопы твои Ондрюшка Хованской, Мирошко Вельяминов, Ивашко Федоров, Степашко Уготцкой челом бьют. В прошлом, государь, во 134-м году июля в 8 день в твоей государеве царе и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте писано к нам холопом твоим, что немецкие люди от Арханьилского города и не займюя Арханьилского города из своих земель, 134-го году, по первой полой воде, хотели отыскивать ходу водяным или сухим путем в Мангазею. И по твоему государеву указу велено в Тобольску распросити всяких людей, которые водяной путь, старую дорогу из Мангазеи, реку Таз и Зеленую и Мутную реку, и Карскую губу, и большое море окиян к Арханьильскому городу ходу и на Пустоозеро знают, или которые люди про тот ход слышали, в которых местех мочно поставить острог, и много ль в тот острог на заставу надобно послать служивых людей, и лес в тех местех на острожное ставленье есть ли. А будет в тех местех лесу на острожное ставленье добыть не мошно, велено нам, холопом твоим, лес приготовить в Тобольску тотчас, а приготова лес и распрося про тот ход, велено послати из детей боярских и из служивых людей, сколько человек пригоже, и с ними лес на острожное ставленье, и велено на Мутной и на Зеленой реке поставить острожок, хотя буде и не один, для приходу немецких людей и для проезду в Мангазею и из Мангазеи на Русь торговых и промышленных людей.

И в прошлом, государь, во 134-м году, по прежнему твоему государеву указу, до той твоей государевы грамоты, меж Мутные и Зеленые реки, на волок на заставу и для острожного ставленья, посылали мы холопы твои березовского атамана Ивана Бабарыкина да с ним тобольских и березовских

служивых людей 43 человека, да дву человек вожей. А велели ему, Ивану, с служивыми людьми, пришед на Зеленую и на Мутную реку, острог поставить где пригоже, и про немецких людей велели проводывати накрепко, чтоб немецкие люди водяным путем и сухими дорогами в Мангазею ходу не про-искали и торговых и промышленных людей с моря и из поморских городов в Мангазею и из Мангазеи на Русь пропускати не велели. Да и того велели проводывати накрепко, всякими мерами: в прошлом во 133-м году с большо-го моря в Карской губе прямо ль карабли были, и сколько караблей было, и какие люди, и для чего приходили, и до коих мест доходили. Да и в про-шлом во 134-м году не были ль с большого моря в Карской губе и в Мутной реке, и на волоку, и в Зеленой реке для проводыванья ходу в Мангазею не-мецкие люди. И по Мутной и по Зеленой реке, и на волоку, и у Карские гу-бы велели рассматривать, не поставлены ль какие признаки; да буде найдут какие признаки, и те признаки велели мы, холопи твои, сжечь.

И Березова, государь, города атаман Иван Бабарыкин с тобольскими слу-живыми людьми приехали назад в Тоболеск в нынешнем во 135-м году сентя-бря в 20 день. А в роспросе нам, холопом твоим, сказали: как пошли они с Бе-резова на твою государеву службу, и шли до островов гребью 3 недели, пото-му что ветры де им были встрешные. А из островов вышед, бежали Мангазей-ским морем по левой стороне, на которой стороне Зеленая река, парусным по-годьем двои сутки до Руского завороту; пришла на них туча с дождем, и ветер встречной с сиверу, и парус на коче изодрало, и сапец у коча выломало, и па-возок розбило, и коч с якорей сбило, и прибило за кошку; и стояли де они за ветры 6 недель, дожидались пособных ветров. И до Оспожина дни пособных ветров не дождались, а без пособных де, государь, ветров до Зеленые реки гребью дойти было не мочно; а не дошли де, государь, они до Зеленые реки за 3 дни да за 2 ночи парусным ходом. А с Оспожина дни он, Иван Бабары-кин, с тобольскими, с березовскими служивыми людьми воротился назад, а на Зеленую и на Мутную реку не пошли, потому что стало позно, море стало мерзнуть, и льдов стало много, и земля мерзла, а лесу никакова нет. А идучи де, государь, они с Березова, как проехали Обдорь, и до тех мест, где их море било, и назад идучи до Обдори людей никаких не видали и вестей никаких про немецких людей не слыхали. И за то, государь, Ивану Бабарыкину и служи-вым людем, что они до Зеленой и до Мутной реки и до Карские губы не до-шли, в Тобольску было наказанье.

А в нынешнем, государь, во 135-м году, за льдом, послали мы, холопи твои, на тое заставу тобольских служивых людей 20 человек да с Березова воеводам князю Льву Волконскому да Илье Зубову велели послать Ивана же Бабарыкина, да березовских служивых людей 23 человека, да дву человек

вожей, и наказную память к Ивану Бабарыкину послали мы, холопи твои, из Тобольска с великим укреплением, велели им однолично с Березова итти наспех, днем и ночью, и пришед на волок поставити острожки, где пригоже, и велели им про немецких людей проведывать накрепко, чтоб отнюдь в Сибирь в Мангазею немецкие люди ходу не проискали, и русских торговых и промышленных людей с моря и из поморских городов в Мангазею и из Мангазеи на Русь пропускати не велели, и про все статьи, по твоему государеву указу, велели рассмотреть и разведать подлинно, чтоб вперед тамошние меры, как твоих государевых служивых людей на ту заставу посылать, в Тобольску ведать, потому что в Тобольску знатцов, кто б водяной путь старой дороги из Мангазеи рекою Тазом на Зеленую и на Мутную реку да на Карскую губу и болшим морем к Архангилскому городу и на Пустоозеро подлинно знал, нет, спросить некого; и лесу послати из Тобольска и с Березова не уметь, потому что тамошние места неведомы. А только, государь, острожной лес послати из Тобольска, или с Березова, и твоим государевым служивым людям, которые посланы будут на ту заставу, в морском ходу и досталь будет мешкота, а лесу не довести ж, потому что бывают им встречные ветры и кочи море бьет, и в те поры из кочей и хлебные запасы мечют в море. А как атаман Иван Бабарыкин с служивыми людьми с заставы придут, и что нам, холопом твоим, про немецких людей и про тамошние меры в роспрос скажут, и о том мы, холопи твои, к тебе, ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, отпишем тотчас.

На обороте помета: 135-го июля в 12 день с тобольским стрельцом с Тренкою Кириловым.

Публикуется по: Русская историческая библиотека. СПб., 1884. т. 8. Стб. 363—376.

№ 29

1627 г., не ранее сентября 1 — не позднее декабря 24.

**Отписка тобольских воевод А. А. Хованского
и И. В. Волынского о снаряжении 10 кочей для отправки
в Мангазею хлеба для казенной торговли**

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Ондрышка Хованской... [фрагмент текста утрачен] Волынской, Ивашко Федоров, [Степашко] Уготский челом бьют. В прошлом, государь, в 135-м году... [фрагмент текста утрачен] в твоей государеве царе и великого

князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте к нам, холопом твоим, в Тоболеск писано, а велено, государь, послати ис Тобольска в Мангазею из остаточных хлебных запасов, что останетца от 135-го во 136-й год, на кочех для соболиново промыслу пять тысяч чети муки ржаной и круп и толокна или и больши, смотря по здешнему делу. И велено на те хлебные запасы меняти и покупати на тебя, государя, соболи и бобры черные. А будет на мену хлебных запасов всех на соболи и на бобры избыть вскоре в один год не мочно, и те хлебные запасы велено продавати на деньги по тамошней по мангазейской по прямой цене, да на те деньги потому ж велено покупати соболи и бобры добрые.

...[фрагмент текста утрачен] в Мангазею для соболиново промыслу мы, холопи твои, послать не успели, потому что твоя государева грамота прислана к нам, холопом твоим, в Тоболеск позно и твоих государевых хлебных запасов к мангазейскому отпуску изготовить и под них кочей делать было некому. А готовых, государь, хлебных запасов в Тобольску и в иных сибирских городех и кочей и судовых снастей — парусов и шеем и бечев — в тот отпуск не было ж. А которые, государь, твои государевы готовые хлебные запасы были, и те твои государевы хлебные запасы вышли все в расход твоим государевым служилым людям на жалованье, которые служилые люди посланы на твою государеву службу в Качинскую землицу для острожново ставленья и для обереганья торговых и промышленных людей от иноземцев в Мангазее. А дано, государь, им твоего государева хлебново жалованья... [фрагмент текста утрачен] и крупами и толокном... [нрзб] А суды [и всякие] судовые запасы, парусы и шеймы и бечевы, отпущены все под теми ж служилыми людьми, которые розосланы по твоим государевым службам.

И только ты, государь, укажешь свои государевы хлебные запасы в Мангазею для соболиново промыслу послати по-прежнему своему государеву указу в нынешнем во 136-м году, и под те хлебные запасы надобно самых больших десять кочей. А от дела и за скобы давать от коча по сороку рублей, итого четыреста рублей. Да на парусы надобно на всякой коч по штисот аршин холсту, а на десять кочей шесть тысяч аршин, по тобольской цене по алтыну за аршин — итого сто восемьдесят рублей. Да по два якоря на коч по полчетверта пуда в якорь; а купят в деле пуд железа по полутора рубли — итого сто пятьдесят рублей. Да судовых запасов... [нрзб] всяких варовых веревок толстых... [нрзб] воеводские кочи, которые... [нрзб] отпущены в Мангазею... [нрзб] по сороку по пяти сажень... [нрзб] А по тобольской цене и по роспросу торговых людей за те... [нрзб] что надобно на один коч дать... [нрзб] А на десять кочей шестьсот семьдесят рублей. Да ко всякому кочу по два павоски по два рубля с полтиною павозок, итого пятьдесят рублей.

И всего, государь, надобно на кочи и на парусы и на варовые веревки и на якори тысяча четыреста пять рублей. И будет ты, государь, укажешь те судовые всякие запасы и... [нрзб] деньги послати по нынешнему зимнему пути в Тоболеск из городов, ис которых ты, государь, укажешь, и с теми запасы в Тоболеск к отпуску поспети мочно. А на кочевое дело охотников за год до весны добыти будет мочно ж. А только, государь, дожидатца денег на судовые запасы в Тоболеск из городов, ис которых ты, государь, укажешь, а дождався денег для тое покупки, посылати ис Тобольска, и тем судовым запасом к отпуску в Тоболеск будет... [нрзб]

А по отписке, государь, из Мангазеи твоих воевод князя Ефима Мышечного да Андрея Волохова твоих государевых хлебных запасов ныне в Мангазее, что взято у торговых людей с кочей твоей государевы десятыя пошлины прошлого 134-го году за роздачею у служилых людей и за соболиною меною осталось на Тазу и на Турухане тысяча сорок чети четверопудных муки ржаные, да во 135-м году велено взять в Мангазее по тобольскому отпуску хлебными запасы десятыя пошлины шестьсот тридцать семь чети в большую четь розных верховых сибирских городов, только торговые и промышленные люди дойдут в Мангазею здорово. И ис тех, государь, хлебных запасов велено отдати в Мангазее воеводам по мангазейскому пометному списку служилым людям на жалованье и на неокладные расходы на 135-й год и вперед на запас на 136-й год ржаные муки пятьсот сорок четыре чети, в пять пуд четь. А за тем, государь, твоего государева выдельново... [нрзб] для соболиные мены сколько... [нрзб] Которые, государь, торговые и промышленные люди приехали... [нрзб] в нынешнем во 135-м году... [нрзб] Кипреянко Фоняков с товарищи и нам, холопом твоим, сказывали, что в Мангазее хлебные запасы добре дешевы, купят четверопудную четь муки по дватцати алтын, а на Турухане де по дватцати по три алтына по две деньги четь. А твоих де государевых хлебных запасов в Мангазее и старых, что имано десятыя пошлины, не распродано много. И вперед, государь, в Мангазею для соболиново промыслу твои государевы хлебные запасы посылать ли и сколько посылать, и на судовое дело о деньгах и о судовых запасах о том нам, холопом своим, как ты, государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси, укажешь.

На л. 201 об. отметка о подаче: 136 г. декабря в 24 день подал сибирской казак Богдашко Мокринской с товарищи.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 13. Л. 201—207. Подлинник.

№ 30

1628 г., не ранее сентября 1. — 1629 г., не позднее февраля 7.

**Отписка тобольских воевод кн. А. Н. Трубецкого
и И. В. Волынского в Москву о посылке служилых людей
во главе с Д. Низовцевым на Ямал для построения острога**

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Олешка Трубецкой, Ивашко Волынской, Сенька Сабакин, Емельяanko Евсевьев челом бьют.

По прежнему твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу в прошлом во 136-м году мая в 28 день послали мы, холопи твои, ис Тобольска меж Мутные и Зеленые реки на волок на заставу тобольсково сына боярсково Данила Низовцова да с ним тобольских служивых людей 20 человек, да березовских служивых людей 23 человека, да вожя. А велели им меж Мутные и Зеленые реки на волоку, россмотря места, поставити острожек и крепостьми всякими укрепити, и велели ис тово острошку посылати человек по пяти и по шти по переменам к морю проводить про немецких людей.

И Данило Низовец с тобольскими служивыми людьми приехали назад в Тоболеск в нынешнем во 137-м году, а в роспросе нам, холопом твоим, сказали, что пошел он, Данило, с товарищи з Березова на твою государеву службу на заставу августа в 30 день и шол до Зеленые реки семь недель, а Зеленою рекою шли на те места, где ходили прежние заставщики Иван Бабарыкин с товарищи 7 дней, павоски волочили на себе, потому что Зеленая де, государь, река добре мелка, в ыных местех воды в одну пядь. И дошед до тех мест, где [объявился] Иван Бабарыкин, и взяв прежнюю признаку печать, воротились назад, потому что прежние де, государь, посыльщики Иван Бабарыкин с товарищи ходили не тою дорогою, которою наперед сево хаживали торговые и промышленные люди с Руси в Мангазею, а из Мангазеи на Русь, потому что вож опознался. И он де, взяв прежнюю признаку Ивана Бабарыкина печать, хотел итти на прямую дорогу, куды хаживали наперед сево торговые и промышленные люди, и их де, государь, взял замороз, и они де воротились назад. А только де, государь, не воротитца им было назад, и им было помереть, потому что по Зеленой реке все тундра, лесу нет. И вперед посылать ли нам, холопом твоим, меж Мутные и Зеленые реки на волок на заставу, о том нам, холопом своим, вели, государь, свой государев указ учинить.

Отметка о подаче: 137-го февраля в 7 день подал сотник стрелецкой Володимер Клепиков.

Помета: Писать, велеть посылать по прежнему государеву указу вове-
мя не спуская, смотря по тамошнему делу.

*Публикуется по: Открытия русских землепроходцев и полярных мо-
реходов XVII века. Сб. док. М., 1951. С. 75—76.*

№ 31

1633 г., не позднее июня 23.

**Донос мангазейского воеводы А. Ф. Палицына на товарища
по воеводству Г. И. Кокорева о том, что тот пытался найти
запрещенный Мангазейский морской ход**

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси и ве-
ликому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю московскому
и всеа Руси бьет челом безпомощной холоп ваш Андрюшка Палицын...

И ныне, государи, сказывал мне, холопу вашему, священник Еустафей,
прозвище Арзамас, что де тот мезенец, морской ходок Табанка Кулпин, ему,
священнику Еустафью, сын духовной. И в прошлом де, государи, во 139-м
году сказывал ему, попу Еустафью на Турухане сын ево духовной Табанка
Кулпин, что зовет де ево Григорей Кокорев с собою на Большое окянское
море и дает де ему от того Григорей Кокорев деньги и платье и что ему на-
добно, а Мотька де Кирилов идет с ним же, Григорьем. И он де, государи,
священник, запретил ему, Табанке, о том с великим запрещеньем, чтоб он на
такое воровство не дерзал. И он де, Табанка, послушав ево, отца духовного,
да к Григорью Кокореву и не пошел, остался в Мангазее.

Да в нынешнем, государи, во 141-м году сказывал братишку моему Иг-
нашку в Тобольску отец ево духовной березовской поп Василей, которой ево
при смерти в Мангазее понавливал изсечена от Григорья Кокорева, что Гри-
горей Кокорев в прошлом во 140-м году, как пошел из Мангазеи, и велел
у себя на коче быть в кормишкех своему воровскому назывателю Мотьке
Кирилову. И ходил де он, Григорей, по Мангазейскому морю, а водил ево тот
ево воровской называтель Мотька неугожею дорогою, перебежал на другую
сторону Мангазейского моря, ниже Зеленой реки был, и не пропустили де
ево, Григорья, мели. И то, государи, знатно, что он, Григорей, по своему во-
ровскому умыслу пробивался к Нярземскому морю и х Карской губе, и боль-
шой окянской проливе, да не пропустили ево мели большие и не попустило
ваше, государское, крестное целованье, послепило ево воровского называте-
ля, что в такой безмерной широкой пучине не узнал свое воровские дороги.

А другой, государи, морской знатец Табанка Кулпин, тот с ним не пошел по запрещенью отца своего духовного.

А которым, государи, морским путем по Мангазейскому морю и за море к большому окияну ходил, и та, государи, дорога по вашему государскому указу от давних лет в крепкой заповеди с смертною казнью належит, чтоб никакой человек тем заповедным путем ни з Большова моря окияна в Мангазейское море, ни из Мангазейского моря в большой окиян ниhto не ходил. И для, государи, тое заповеди по вашему государскому указу велено было на Карской губе город или острог поставить, чтоб отнюдь не дать немецким людем тово морсково пути ведать. И посылают, государи, ис Тобольска за море на тое Зеленую реку по 50 человек служивых людей, пожалованных вашим государским жалованием для тово, чтоб однолично никаких человек теми места отнюдь не проходил. И ваши государевы служивые тобольские люди за море до тое Зеленые реки мало и доходят, для великово дальнево разстояния и свирепости моря

А как, государи, тот березовский поп Василей сказывал в Тобольску братишку моему Игнашку, что Григорей Кокорев был ниже Зеленые реки, и те, государи его речи слышал мангазейской стрелец Янка Гиря, и ныне, государи, тот Янка здесь на Москве.

Милосердый государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси и великий государь, святейший патриарх Филарет Никитич московский и всеа Руси, пожалуй меня, беспомощного холопа своего, велите, государи, тово попа Еустафья про то распросить, а тот, государи, поп Еустафей ныне здесь на Москве, и березовсково попа Василья взять ис Тобольска к Москве. А тово мангазейсково стрельца Янку Гирю велите, государи, про то здесь распросить. А тот, государи, березовский поп Василей Григорьеве жене Кокорева отец духовной.

Государи, смилуйтесь, пожалуйста.

На обороте помета: Государь и святейший государь патриарх указали того попа Еустафья, сыскав, поставить перед собою, государем святейшим патриархом, и про то допросит того попа сам государь святейший патриарх. 141-го июня в 23 день.

Публикуется по: Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. Сб. док. М., 1951. С. 76—78.

№ 32

1643 г., не ранее ноября 26.

**Отписка тобольских воевод в Москву о строительстве кочей
в Тюмени и условиях плавания по Обской губе**

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всяя Руси холопи твои Гришка Куракин, Михайло Гогарин, Ивашко Переносов, Гришка Лукин челом бьют. В нынешнем, государь, во 152-м году ноября в 22 день в твоей государеве цареve и великого князя Михаила Федоровича всяя Руси грамоте за приписью дьяка Григорья Протопопова к нам, холопом твоим, писано. Писал де к тебе ко государю из Мангазеи воевода князь Петр Ухтомской, что в прошлом де во 150-м году августа в 18 день на море под Черными горами твои государевы кочи и его, князь Петров, и торговых и промышленных людей кочи ж погодою розбило, и твои государевы хлебные запасы, которые посланы были в Мангазею на твое государево жалованье служилым людям и ружником и оброчником, морскою водою розмыло, и его, князь Петровы, запасы и торговых людей товары потонули.

Да про те ж твои государевы мангазейские хлебные запасы и про кочи и про воеводцкой и торговых и промышленных людей товары в Сибирском приказе мангазейский стрелец Васька Петров сказывал в роспросе: в прошлом де во 150-м году на Мангазейском море у Черных гор розбило твоих государевых два коча с хлебными запасы да воеводцкой коч да торговых людей четыре коча, потому что на твоих де государевых кочах кормищиков и знатцов, служилых людей, в морском ходу не было. А они де, служилые люди, того морского ходу никто не знали, а как бы де кормищики, которые море знали, были, и твои де государевы кочи мочно было уберечь и розбой бы морской не был, для того — где де те кочи розбило, и ниже того была река Столбовая. И в тое де было реку, только б хто знал, уйти от погоды было мочно. А они де, не знаючи тое реки, пробежали версты с три, а розвели де они тое реку после того морского розбою. А которых де твоих государевых хлебных запасов, что и осталось — сыскали мехов с полтора ста, и те де все водою розмыло, а иные песком занесло, потому что мешки с мукою все были гнилые, а иные мешки мыши перепортили, и в те де мешки водою муку песком наволокло. А находили де те мешки не в одном месте по кошкам на трех верстах. И те де достальные мешки воровская юрадцкая и пуровская, и надымская самаодь себе розвозили. А только б де твои государевы запасы с мукою были в новых мехах, и который бы де запас морем и выкинуло, и те б де хлебные запасы собрать было мочно и истери б тем достальным запасом не было.

Потому де, государь, те твои государевы хлебные запасы в кочах и пропадают и на море их розбивает, что их из Тобольска позно отпускают. А задерж-ка и мешкота тем хлебным запасам учала быть, потому что на Тюмени де кочи учили делать позно. В прошлом де во 150-м году отпущены с твоею государевою рожью кочи с Тюмени после Троицына дни, а в Тоболеск пришли до Петрова дни за два или за три. Да ис тех де кочей в Тобольску рожь выгружали ден десять, а как выгрузили, и те де кочи им отдали и велели им на те кочи отдавать хлебные запасы [нрзб] то ж ден десять и больши. И той де мешкоты в Тобольску в выгруске и опять в нагруживанье простою было недели с три. А кочи де перед старыми кочами учили делать больши двумя саженьми, а людей живет на кочах не по многу, человек по десяти и по пятнадцати, а больши де того не живет, а гулящих людей для грузу принимать не велют, а только б де те кочи на Тюмени делали зимою ранее и делали б ис сухо-во лесу и поспевали те кочи к полой воде и отпускали их в те ж поры, как с Верхотурья и ис Туринсково и с Тюмени отпускают лодьи с хлебные запасы по первой полой воде, и те б кочи приходили в Тоболеск ранее и отпускать их учили тож ранее. А как де твои государевы хлебные запасы ис Тобольска воеводы князь Петр Пронской с товарищи учили с ними за море в Мангазею отпускать, и они де, служилые люди, воеводам князю Петру Пронскому с товарищи в те поры били челом, что ход учал быть позной и для б тово дали им знатцов и кормщиков, чтоб хто знал море, в погоду розбойные места, кошки и каменье обходить или где от погоды в реку уходить. И в Тобольску де воеводы князь Петр Пронской с товарищи в том им отказали и кормщиков и знатцов не дали, а сказали, что де им таких людей не наимывать. И за тем де твоим государевым хлебным запасом и кочам на Мангазейском море пого-дою и розбой, а твоей государевой казне поруха учинилася.

А прежде того с такими твоими государевыми хлебными запасы ис Тобольска отпускавали того ранее до Петрова дни и кончае с Петрова дни, и кормщиков и карбасы и якори и шеймы и всякие судовые снасти давали добрые. И на море теми якори в погодые отстаивались и тем морем, как отпускавали ранним ходом, летним тишином до Мангазеи дохаживали здорово, и в той твоей государевой казне была прибыль и им, служилым людям, нужи и скудости и голоду не было. И ныне де в Мангазее за хлебными запасы их братья, многие служилые люди, и жены их и дети помрут з голоду, потому что в Мангазее де в твоей государевой казне хлебных запасов нет ни одной чети, а взять и купить негде, потому что торговых и промышленных людей кочи з запасы морем розбило ж. И только де по твоему государеву указу учнут вперед с Тюмени в кочах твои государевы хлебные запасы отпускати в Тоболеск по первой полой воде за льдом вскоре, и в Тобольску б верхних

городов хлебных запасов не перевешивали и не выгруживали и за тем же весом из Тобольска в Мангазею без задержки отпускали, и в том бы де твоей государевой казне порухи и убыли, служилым людям нужи и скудости, и голоду не было. А что де у тех хлебных запасов в Мангазее сверх той твоей государевой меры хотя и привес будет, и тот де привес в тех хлебных запасах будет в твоей государевой казне, а убыли в том твоей государевой казне никакой не будет же.

А делают де на Тюмени по вся годы только коча по два, и те ис сыровому лесу, а в иной год и по три, а больши де того не делывали. И у тех бы де кочей быть у плотников в приставах им, мангазейским служилым людям, которых отпускают с твоими государевыми хлебными запасы в Мангазею, и те де служилые люди те кочи и утуги и седелки и всякие крепости учнут делать для себя крепче и тверже.

И мне б, холопу твоему, Гришке велеть отписать на Тюмень к воеводе, а велети б на Тюмени на кочевое дело лес готовить с осени после Семена дни вскоре, и те кочи велети б делать в Великой пост в добром и в сухом лесу и подъемом прежних больши и крепче, и отпускати б те кочи с Тюмени в Тоболеск на весне по первой полои воде не замешкав, за льдом вскоре, а ис Тобольска б те кочи с хлебными запасы отпускати в Мангазею также не испустя летного морского раннего доброго ходу, в кое время бывают на море тихие погоды, чтоб тех кочей с хлебными запасы для того раннего из Тобольска отпуску на море не розбивало и твоим бы государевым хлебным запасом порухи, а в Мангазее служилым людям и ружником и оброчником в хлебном жалованье скудости и твоей государеве всякой мяхкой рухледи и ясачному и десятинному збору недобору не было. А кормщиков, государь, и знатцов на море за теми твоими государевыми хлебными запасы посылать ли и перед прежним в прибавку якорей и шейм и всяких судовых снастей, и в прибавку ж людей давать ли, и где тех кормщиков и знатцов имать, и перед прежним по кольку человек, и якорей и шеем и всяких варовых веревок в прибавку давать — и о том нам, холопом твоим, в твоей государеве грамоте твоего государева указу не написано.

А в нынешнем, государь, в 152-м году до твоей государевой грамоты писал я, холоп твой, Гришка на Тюмень к воеводе к Якову Колтовскому и после Якова Колтовского к письменному голове к Григорию Семичеву, а велел им на Тюмени для мангазейского отпуску под твои государевы хлебные запасы к весне сделать четыре коча. А как твоя государева грамота пришла, и я, холоп твой, Гришка той же час на Тюмень к письменному голове к Григорию Семичеву писал же, а велел я, холоп твой, Гришка на то на все кочевое дело лес готовить с осени вскоре и те кочи велел делати в Великой пост

в добром и сухом лесу и подъемом прежних больши. И с Тюмени те кочи отпустить в Тоболеск на весне по первой полой воде, не замешкав вскоре, и у плотников в приставех у того кочевого дела велел быть мангазейским служилым людем, чтоб они те кочи и утуги и седелки и вские кочевые крепости делали крепче и тверже.

И в нынешнем же, государь, во 152-м году ноября ж в 26 день, да и наперед того многожда писал к нам, холопам твоим, с Тюмени письмяной голова Григорий Семичев, что до 150-го де году делявали на Тюмени кочи по осьми сажень, а давали от дела по тридцати по осьми рублей. А во 150-м де и во 151-м году делали кочи большие по десяти сажень, а давали им от дела по сороку по три рубли и к тем де деньгам в прибавку, займучи они, кочевщики, деньги, делали кочи и в том обдолжали и обнищали и сидят де те кочевые плотники в съезжей избе, а денег на кочевое дело по сороку по три рубли не емлют и лесу на кочевое дело не готовят. И он де, Григорей, в том кочевом деле по кочевых плотниках по Микифорка Мануйлове с товарищи велел поручные записи доправить, и те четыре коча к весне совсем изготовить и с павоски — против прежних тобольских отписок. И кочевые де плотники Микифорко Мануйлов с товарищи стоят на правеже, а с правежу сажает их в тюрьму, потому что поруки де по них нет, и денег на то кочевое дело не емлют, потому что де им, плотникам, в ту цену тех кочей не зделать. И о кочевых, государь, кормщиках и о знатцах, и о прибавочных людех, и о якорех, и о всяких судовых снастях, и о наемных прибавошных деньгах вели нам, холопам своим, свой государев указ учинить.

РГАДА Ф. 214. Стб. 123. Л. 60—68. Подлинник.

№ 33

1644 г., январь.

Расспросные речи тобольских и мангазейских служилых людей о крушении кочей в Обской губе по пути в Мангазею и гибели дьяка Г. Г. Теряева

152-го году января в... [число пропущено] день в съезжей избе воеводе князю Петру Михайловичу Ухтомскому Тобольского города сын боярской Дмитрий Черкасов да тобольской служилой Федька Волков, да мангазейские служилые люди Васька Петров да Оксенко Харитонов в роспросе сказали:

В прошлом де во 151-м году июля в 13-м числе отпушено де было ис Тобольска в Мангазею з государевыми хлебными запасы мангазейским служилым

людем на жалованье 2 коча да коч дьячей Григорья Теряева, да коч торговых и промышленных людей с хлебными же запасы и со всякими товары. И на Березов де они пришли августа в 1-м числе, а з Березова пошли назавтрие августа во 2-м числе, а на море из островов вышли августа в 15-м числе. И на море встретили противной ветр и стояли 2 дни да 2 ночи, и оттоле бежали парусом за море 2 дни до завороту. И в завороте учало погодою кочи бить, и государевы кочи и торговой коч на отстое разступились, и государевы запасы и торговых людей рознесло по морю и по берегу, а люди плыли и брели на берег на веслах и на досках и в карбасех. А дьячей коч Григорья Теряева кинуло на берег цел, а запасы выметало вон, и тот его коч замыло на кошке песком, и тут де они стояли, и тот коч ис песку выгребали и с мели сымали 2 недели. И с того погрому дьяк Григорей Теряев отпустил в Тоболеск тобольских служилых людей дву человек Петрушку Остафьева да Созонка Володимерова, да с ними промышленных людей 5 человек о том морском розбое с отписками в карбасе.

А на том розбое осталось зимовать у своих товаров и запасов торговых и промышленных людей 15 человек, Богдашка Кочевщик с товарищи. И с того погрому собрались на один на дьячей коч Григорья Теряева всяких людей человек с 70 и пошли в Мангазею. И от того розбою шли парусом день, и как де они будут против Черных гор Столбовой реки, и тут встретил ветр север з боку, и тем ветром бросило коч на берег на сухой, и коча де снять с мели не могли. И стояли де на том берегу 8 недель, обсадила самаодь. И с того розбою пошли нартным ходом берегом в Мангазею до Филипова заговена за 10 дней, и учили де на них приходить самаодь, и учили де с ними дратца, и после драки они, Дмитрий, ночевали. И после того по вся дни учили на них самаодь находить и дрались, и ходу де им не дали. И как де они будут против Япанчина шару, и тут де у них та самаодь отбили 8 нарт з запасы и с товары и с оружием. И в том де месте Ивана Плещиева ранили в голову стрелою да служилого тазовского десятника стрелецкого Надежку Сидорова, да промышленного человека Семейку Иванова Мезенца убили и у дьяка Григорья Теряева на нарте отгромили робеночка служня. И оттоле де шли за ними самаодь и до Пуровского острова, и у Пуровского острова дрались де с ними многое время. И на той драке ранили воевоцково человека князя Петра Михайловича Ухтомского, Ефремка, и от той де раны тот Ефремко умер.

А у них де, самаодцов, убили оленя служилой человек тобольский Федька Волков. И оттоле де они пошли вперед к Тазовскому устью и шли до устья Тазовского от Черных гор 8 недель, и взял де их голод, потому что им самаодь ходу не дала и запасы отгромили, и стали служилые и промышленные люди з голоду помирать, и померло человек с 50, и у дьяка Григорья Теряева

померло две дочери да племянник и люди его, Григорьевы, померли же. И с усть Тазу для вести дьяк Григорей Теряев послал в город мангазейских служилых людей Оксинка Харитонов с товарищи с вестями. И те де служилые до города одва з голоду добрели, а служилой, пришов в город, Фомка Михайлов з голоду и умер. А дьяк де Григорей и они шли голодны и шли Тазом 10 дней, и дьяка и их изнял голод, и стал он, дьяк Григорей, с Иваном Плешиевым против Леденкина шару. А он де, Дмитрий Черкасов, с тобольскими служилыми людьми пошел вперед, и шли от дьяка Григорья день. И на том стану остался тобольский служилой человек Костька Галкин, итти не мог и после того и умер. И от того стану шли вперед три дни голодны, ели ременье и камасы и с под лыж подволоки. И на том стану остались с голоду ж служилые люди тобольские пятидесятник Гришка Прокопьев да тазовской служилой Гришка Романов, и после того и они померли. И оттуда де шли до Сухарева зимовья 3 дни, и идучи ели собак, и в Сухарева зимовье лежали 3 дни. И по дьячей Григорья Теряева отписке воевода князь Петр Михайлович Ухтомской послал навстречу сына своего князя Федора с служилыми и промышленными людьми с хлебными запасы, и их, Дмитрея, нашли в Сухаревом зимовье. А из Сухарева зимовья князь Федор ево, Дмитрия, послал наперед себя в город с промышленным человеком с Кренком Давыдовым, а на низ сыскивать дьяка Григорья Теряева послал человека своего да служилых людей тазовских стрельцов Оську ШUTOва да Пятка Савина, да тобольских служилых Федьку Волкова да Федьку Кузнецца, да Ваську Кулакова. И нашли ево, Григорья, против Леденкина шару на стану, а с ним жена его, Григорьева, да людей: человек ево Филька да жонка, да девка; да тут же Иван Плешиев с человеком своим с Олешкою, да промышленные с ним колмогорец Макар Негодяев с сыном Якунькою. А едят де они, дьяк Григорей и жена ево, и люди ево, и Плешиев, и промышленные люди мертвых людей. И они де их, Григорья з женою и с людьми и Плешиева взяли и повезли на нартах, и дошли в Сухарево зимовье. И в Сухарева де зимовье Плешиев и умер. И из Сухарева, идучи в Щучьи Курьи, за полтора днища до города не дошед, на дороге дьяк Григорей и умер. А жена ево, Григорьева, да человек ево Филька, да жонка, да девка привезли в Мангазейский город генваря в 14 день. И всех в Мангазейской город служилых и промышленных людей пришло и приволокли человек з дватцать.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 96—96 з. Подлинник.

№ 34

**Отписки тобольского воеводы кн. Г. С. Куракина в Москву
о судьбе казенных и частных кочей,
направлявшихся летом 1644 г. в Мангазею**

1.

1644 г., не ранее ноября 30 — 1645 г., не позднее января 27.

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Гришка Куракин, Михалко Гогарин, Ивашко Переносов, Гришка Лукин челом бьют. В прошлом, государь, во 152-м году июня в 12 день по твоему государеву указу послали мы, холопи твои, ис Тобольска в Мангазею с тобольским сыном боярским с Меньшим Ремезовым да с тобольскими и мангазейскими служилыми людьми с Максимком Митрофановым с товарищи твоих государевых хлебных запасов и соли мангазейским служилым человеком, ружником и оброчником на жалованье и на неокладные расходы на 153-й и на 154-й год две тысячи сто семьдесят две чети с пол-осьминою муки ржаной, по пяти пуд четверть и с мехом, да триста пять пуд соли.

И в нынешнем, государь, во 153-м году ноября в 29 день писал ко мне, холопу твоему, Гришке з Березова воевода Мелентей Квашнин: в нынешнем же де во 153-м году октября в 23 день писал к нему на Березов из Березовского уезду с Обдори ясачной зборщик березовской атаман казачей Иван Аргунов: октября в... [фрагмент текста утрачен] приехали с морсково розбою на Обдор Тобольского города служилые люди сын боярской Меньшой Ремезов, которой послан был ис Тобольска в Мангазею с твоими государевыми хлебными запасы в прошлом во 152-м году, да с ними де приехали пятидесятник Пятунка Арбеньев да тридцать три человека стрельцов, да Тазовского города стрелец, да три человека опальных людей. И он де, Иван, Меньшова Ремезова допрашивал, где их розбило. И Меньшой де Ремезов ему, Ивану, сказал: розбило де их на море у Крикова розбою и твоих государевых три коча совсем до основанья, и твои государевы хлебные запасы в мехах разносило по берегу врознь и песком засыпало, а иные де мехи з запасы водою розмыло. Да четвертой де коч розбило торговых людей, и на том де коче ехал в Мангазею дьяк Богдан Обобуров, и Богдан Обобуров с торговыми людьми остались от нево, Меньшово, на морском розбое. Да с тех же де с твоих государевых кочей с морсково розбою ехали в особном павозке с Меньшим Ремезовым на Березов тобольских да березовских, да мангазейских служилых людей пятнадцать человек, и они де розъехались, к Обдори идучи, в Надыме, потому что был в Надымской губе туман большой. А жил де Меньшой Ремезов

с служилыми людьми на морском розбое три недели. А как де они были на морском розбое, пробежали парусы в Мангазею твой государев коч, на котором ехал в Мангазею ис Тобольска для твоего государева сыскнова дела письменной голова Алексей Коковинской, да коч торговых людей. А прошли ли де те кочи в Мангазею или нет — тово де он, Меньшой, не ведает.

А Меньшой де Ремезов, приехав на Березов, сказал ему, Мелентью, в роспросе то ж, что и с Обдори атаман Иван Аргунов к нему на Березов писал. А в Тоболеск, государь, ноября по 30 число Меньшой Ремезов с служилыми людьми не бывали. А как Меньшой Ремезов и служилые люди в Тоболеск приедут и что они в роспросе скажут, и мы, холопи твои, о том к тебе ко государю отпишем.

На л. 3 об. отметка о подаче: 153 г. генваря в 27 день подал тобольской атаман Степан Выходцов.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 139. Л. 3—5. Подлинник.

2.

1645 г., не ранее марта 4 — не позднее мая 11.

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Гришка Куракин, Михалко Гогарин, Ивашко Переносов, Гришка Лукин челом быют. В нынешнем, государь, во 153-м году декабря в 5 день писали мы, холопи твои, к тебе к государю, что твои государевы кочи, которые посланы были ис Тобольска в Мангазею в прошлом во 152-м году с твоими государевыми хлебными запасы с тобольскими служилыми людьми с сыном боярским с Меньшим Ремезовым с товарищи, три коча, на море розбило и твои государевы хлебные запасы разносило по берегу врознь и песком засыпало, а иные мехи запасы водою розмыло. Да четвертой коч розбило торговых людей, а на том коче ехал в Мангазею дьяк Богдан Обобуров. А Меньшой Ремезов и служилые люди в Тоболеск ноября по 30 число не бывали.

И декабря в 15 день Меньшой Ремезов да с ним тобольских служилых людей дватцать семь человек, приехав в Тоболеск, в роспросе нам, нам холопом твоим, сказали: в прошлом де во 152-м году посланы они ис Тобольска в Мангазею с твоими государевыми хлебными запасы. И шли они ис Тобольска до Березова две недели, и приехав на Березов, стояли на Березове ден с пять за ветры, а з Березова приехали на Обдорскую заставу в пятой день и на Обдори стояли за ветры ден с шесть. Да они ж де дожидались кочей торговых людей и, не дождавсь де они кочей торговых людей, с Обдора пошли за море, и бежали де они до морских островов парусным погодьем день, и в островах

стояли за ветры и за мелями ден с шесть, и сымалися с мелей. И из островов пошли они за море и шли до Подсопошные реки день, и стояли де они за ветры Подсопошною рекою двенатцать дней. И как де по них пособная тишина учинилася, и они де с тово места побежали парусы за море в Мангазею всеми четырьмя кочами. И шли де они за море парусным погодьем половину дни, и на коче де, на котором ехал письмянной голова Олексей Коковинской, у щеглы райна переломилася, и в том де месте с тем кочем Олексей Коковинской остался на голомяни, а они де на трех кочах пробежали парусы. И бежали они на кочах в тот же день, и на парусном де, государь, погодье у коча, на котором был пятидесятник Пятунка Арбенов, щогла сломилась по прибоины, которые прибоины учинены щогле для крепости. А он де, Меньшой, на двух кочах пошли за море ж, и как де они будут в голомяни, и учинился де им встречной ветер, и почало кочи ветряною погодою прибывать к берегу. И как де их к берегу с кочами прибило, и у берегу де кочи с твоими государевыми хлебными запасы розбило, а якори де кочей на отстое не удержали. И стояли де они на том розбое три недели без двух дней. А как де твои государевы кочи розбило, и твои де государевы хлебные запасы рознесло водою, а иные засыпало песком. И на морском де розбое зделали они ис твоих государевых из розбойных кочей два карбаса, и пошли де они сентября в 7-м числе, и шли в тех в двух карбасах парусным погодьем день. И как де они шли парусным погодьем, и того ж дни видели на берегу розбитой коч торговых людей, а стоит у тово розбитово коча дьяк Богдан Обобуров, а их де пронесло мимо парусным погодьем, а пристать де было им не мочно. А с морсково де, государь, розбою пошло с ним, с Меньшим, служилых людей и колодников, которые колодники посланы были в твоём государеве деле в Мангазею, тритцать восемь человек. А про достальные де кочи, и куда дьяк Богдан Обобуров пошел, того они не ведают.

И я, холоп твой Гришка, писал на Березов к воеводе к Мелентью Квашнину, а велел проведать подлинно, которые кочи до Мангазеи дошли и хто именем на тех кочах в Мангазею пришол, и голова письмянной Олексей Коковинской и дьяк Богдан Обобуров до Мангазеи дошли ли, а проведав про то про все подлинно, велел отписать в Тоболеск. И в нынешнем же, государь, во 153-м году марта во 2 день писал ко мне, холопу твоему Гришке, з Березова воевода Мелентей Квашнин: писал де к нему, Мелентью, с Обдора атаман казачей Иван Аргунов: в нынешнем же де во 153-м году зимою приехали на Обдор из Мангазеи самоедь роду Карачеи, Ика Мунзуев сын да Ватца с товарищи, и та де самоедь ему, Ивану, сказывали, что в прошлом во 152-м году летом рано прошол в Мангазею коч с твоими государевыми запасы, да после де того пришли в Мангазею два коча, на которых ехали в Мангазею письмянной голова Олексей Коковинской и дьяк Богдан Обобуров. Да марта, государь, в 4 день пришли

в Тоболеск из Енисейского острогу енисейские служилые люди Архипко Офонасьев да Михалко Микифоров и в роспросе нам, холопом твоим, сказали, что в нынешнем де во 153-м году пришел из Мангазеи в Енисейской острог тобольской служилой человек, которой послан был ис Тобольска в Мангазею с твоими государевыми хлебными запасы на коче, пятидесятник стрелецкой Ивашко Федоров Ярославец, и сказывал им тот Ивашко, что он с твоими государевыми запасы на коче через море в Мангазею дошел здорово.

На л. 351 об. *отметка о подаче*: 153 г. мая в 11 день подал енисейской казак Архипка Офонасьев.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 139. Л. 351—355. Подлинник.

3.

1645 г., не ранее мая 26 — не позднее августа 17.

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Гришка Куракин, Михалко Гогарин, Ивашко Переносов, Гришка Лукин челом бьют...*

И в нынешнем же, государь, во 153-м году мая в 24 день писал ко мне, холопу твоему Гришке, из Мангазеи воевода князь Петр Ухтомской с мангазейским стрельцом с Ивашком Гороховым: принято де твоих государевых хлебных запасов тобольские присылки 152-го году с одново коча, что осталось от морсково умету, четыреста дватцать пять чети бес полуосьмины тритцать четыре гривенки муки ржаной. Да з другово коча, на котором пришел в Мангазею тобольской пятидесятник Ивашко Ярославец, принято хлебных же запасов тобольские присылки 151-го году, а сколько де, государь, с тово коча, на котором пришел пятидесятник Ивашко Ярославец, хлебных запасов принято, и о том де он, князь Петр, писал в Тоболеск с ним же, с Ивашком. И Ивашко Ярославец в Тоболеск мая по 26 число не бывал. Да князь Петр же Ухтомской писал ко мне, холопу твоему Гришке, что пришел де в Мангазею коч торговых и промышленных людей, да на том же де, государь, коче пришел дьяк Богдан Обобуров. А как пятидесятник Ивашко Ярославец в Тоболеск приедет и отписки воеводы князя Петра Ухтомского привезет, и о том мы, холопи твои, к тебе ко государю отпишем.

На л. 445 об. *отметка о подаче*: 153 г. августа в 17 день подал Тобольского города сотник стрелецкой Володимер Кляпиков.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 139. Л. 445—448. Подлинник.

* Опущена часть текста, повторяющая содержание документа № 34—2.

№ 35

**1647 г., не ранее июля 3 — не позднее ноября 4.
Отписка березовского воеводы М. С. Лодыженского
в Москву о кормщиках в Мангазею
среди служилых людей Березова**

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси холоп твой Мишка Лодыженской челом бьет. В нынешнем, государь, во 155-м году июля во 2 день писал ко мне, холопу твоему, ис Тобольска на Березов твой государев боярин и воевода Иван Иванович Салтыков, что в нынешнем же, государь, во 155-м году июня в 12 день послан был ис Тобольска в Монгазею с твоими государевыми хлебными запасы с кочи тобольской сын боярской Павел Шульгин да тобольские и монгазейские служилые люди сотник Дементей Тишков с товарищи. И как они на Березов приедут, и мне, государь, дати им для монгазейского ходу в вожи и в кормщики березовских служилых людей четырех человек, ково пригоже, и отпустить его, Павла с товарищи, в Монгазею тотчас не замотчав.

И я, холоп твой, велел на Березове всех березовских служилых людей поставить перед собою в съезжей избе и велел им для той монгазейской посылки выбрать меж себя в вожи и в кормщики... [нрзб] четырех человек, ково б с монгазейский ход стало. И в нынешнем же, государь, во 155-м году июля в 3 день били челом тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси, а мне, холопу твоему в съезжей избе подали челобитную за своими руками березовские служилые люди и казачьи пятидесятники Петрушка Курсин, Васька Онтонов, Васька Торлопов, Васька Григорьев Попов и во всех товарищей своих березовских служилых людей место: что у них с монгазейской морской ход вожей и кормщиков нет, а выбрали они одново служилого человека, которого с морской ход станет в вожи и в кормщики — Семейко Болтина. Да про кормщиков же про служилых людей сказали, которым морской ход за обычей, про Семейку Кокоулина, про Семейку Савина, да про Федьку Ананьина; а кроме тех вожей и кормщиков ни про ково не сказали. И я, холоп твой, в кормщики и вожи на кочи дал служилого человека Семейко Болтина. А Семейка Кокоулин да Семейка Савин в прошлом в 154-м году в кормщиках на кочах посланы в Монгазею, а Федька Ананьин в кормщиках послан в нынешнем во 155-м году июня в 15 день с воеводою Мелентьем Квашниным в Тоболеск.

А какову, государь, челобитную мне, холопу твоему, березовские служилые люди на Березове в съезжей избе подали, и я, холоп твой, тое челобитную за их и за отцов их духовных руками послал к тебе, государю царю

и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси, к Москве под сею отпискою.

На л. 7 об. *отметка о подаче*: 156 г. ноября в 4 день подал березовской ...[нрзб]

РГАДА. Ф. 214. Стб. 289. Л. 7—8. Подлинник.

№ 36
1647 г., июля 3.

**Челобитная березовских служилых людей о том,
что среди них мало кормщиков, знающих условия плавания
по Обской губе в Мангазею**

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси бьют челом холопи твои Березова города служилые люди казачьи пятидесятники Петрушка Курсин, Васька Онтонов, Васька Торлопов, Васька Григорьев,десятники ...[нрзб] Васька Аргунов, Оська Ярафеев, Семейка Юрьев, казаки Оська Федоров, Якимка Канкаров, Куземка Ярославец, Марчко Логинов, Рогозинка Макарьев, Пятунка Докучаев, Еська Филипов, Митька Максимов, Васька Тимофеев, Ивашко Фофанов, Филька Зимовьев, Прошка Шахов, Мишка Канкаров, Федька Гаврилов, Ивашко Усков ...[нрзб] Матвеев, Пронька Ангришев, Ивашко ...[нрзб] Мещеряков, Петрушка Васильев и во всех товарищей своих березовских служилых людей место.

В нынешнем, государь, во 155-м году по отписке ис Тобольска твоего государева боярина и воеводы Ивана Ивановича Салтыкова велено на Березове твоему ж государеву стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю Лодыженскому з Березова послать на твою государеву службу в Мангазею за твоими государевыми хлебными запасы на кочах с тобольскими служилыми людьми из нас, холопей твоих, в кормщиках и в вожах, ково с то морское дело стало четырех человек, которые б мангазейской морской ход знали. И ныне, государь, в Березове таких людей, кормщиков и вожей, нет. И твой государев стольник и воевода Михаил Семенович Лодыженской на Березове из березовских служилых и изо всяких людей сыскивал накрепко, и такие люди, кормщики и вожи, сыскались. А на Березове, государь, березовских служилых людей, которым морской ход мангазейской за обычей, из нас четыре человека: Семейка Кокоулин, Семейка Савин, Семейка Болтин, Федька Ананьин. И тех, государь, березовских служилых людей два человека,

Семейка Кокоулин, Семейка Савин посланы з Березова на твою государеву службу в кормщиках и в вожах на кочах за твоими государевыми запасы в прошлом в 154-м году. А Федька Ананьин дан в кормщики твоему государеву воеводе Мелентью Клементьевичю Квашнину, а Семейка Болтин дан в кормщики в Мангазею мангазейскому воеводе Якову Тухачевскому в нынешнем во 155-м году. А опричь тех, государь, березовских служилых людей четырех человек, Семейки Кокоулина с товарищи, на Березове мореходцов кормщиков и вожей из нас из березовских служилых людей нет. А в прежних, государь, годех, как мы, холопи твои ...[нрзб] служили твою государеву службу мангазейскую, и в тех годех, государь, на Березове были ис старых казаков многие вожи и кормщики, которым был за обычей мангазейской морской ход. И те, государь, кормщики и вожи на Березове и по службам примерли. А мы, холопи твои, служим тебе, государю, на Березове твои государевы службы — людиска молодые, мангазейской морской ход нам, холопам твоим, не за обычей, многие в Мангазею не бывали, а которые, государь, мы, холопи твои в прежних годех в Мангазею на государеву службу и езживали — за людьми в гр[ебцах], а в вожах и в кормщиках не бывали.

Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй нас, холопей своих, не вели, государь нас, не знающих к морскому ходу, з Березова посылать за твоими государевыми хлебными запасы на кочах с тобольскими и с мангазейскими служилыми людьми в Мангазею, чтоб, государь, на море твоей государевой казне порухи не было и нам, холопом твоим, в том в конец не погинуть и вперед твоей государевы службы не отбыть. И вели, государь, тое мангазейскую службу служить в вожах и в кормщиках тем тобольским и тюменским и мангазейским служилым людям. А в Тобольском, государь, и на Тюмени и в Мангазее к мангазейскому морскому ходу знатоков много, потому что в Мангазею они по вся годы ездят. А мы, холопи твои, березовские служилые люди, в Мангазею не бывали, как твоя государева мангазейская служба от Березова оставлена, годов с полтретьятцать и больши. А у нас, холопей твоих, ныне на Березове, опричь тех четырех человек, Семейка Кокоулина с товарищи, морских знатков к мангазейскому ходу нет.

Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

№ 37

1647 г. не ранее июля 4 — не позднее ноября 14.
Отписка березовского воеводы М. С. Лодыженского
в Москву об отмене подводной повинности
для остяков Березовского уезда

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси хоп твой Мишка Лодыженской челом бьет. В нынешнем, государь, во 155-м году июля в 4 день били челом тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси, Березовского уезду Обдорские, Куноватцкие, Сосвинские, Ляпинские, Подгородные волостей ясачные остяки Ермачко Мамруков и во всех товарищов своих тех волостей ясачных остяков место, а сказали: в прошлых де годах они, ясачные остяки тех волостей, под твоими государевыми хлебными запасы, которые посылаютца ис Тобольска в Мангазею и под мангазейскими воеводами и под дьяками, и под детьми боярскими з Березова вниз Обью рекою до Обдору и ниже Обдору на кочах не посылавались, для того, что им кочевой ход не за обычай. А в нынешнем, государь, во 155-м году посылают их з Березова на кочах ...[нрзб] в подводах с твоими детьми боярскими на заставу в Березовской уезд для беглых людей. И им де чинитца от тобольских детей боярских, которые на кочах и на заставах ...[нрзб] в те поры бывают рыбные ловли, а тою де, государь, они рыбною ловлею запасаютца во весь год рыбкою. Да на тот же рыбной запас покупают они, ясачные остяки, у самоеди твой государев ясак и в поминки мяхкую рухлядь и платят твой государев ясак и поминки они, ясачные люди, которые запасаютца рыбными запасы, сполна без недобору. А которые, государь, ясачные остяки рыбными запасы летом не запасутца, и на тех ясачных остяках оставаецца твой государев ясак в доимке многой. А те, государь, у них рыбные промыслы бывают в одно время, в которую пору посылаютца твои государевы хлебные запасы ис Тобольска в Монгазею на кочах.

И чтоб ты, государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, их, ясачных людей, пожаловал, не велел их з Березова на кочах и под тобольскими детьми боярскими в подводах посылать, потому что де в те поры, как кочи ходят в Мангазею, бывают у них лутчие рыбные промыслы, и чтоб им, ясачным людям, в той подводной гоньбе от твоего государева ясаку не отбыть, и з женишками и з детишками голодною смертью не умереть. И на кочах, государь, прежде сего остяки в проводниках не хаживали, а по березовским, государь, заставам для беглых людей только ты, государь, быть укажешь — березовским детям боярским и служилым людям быть на заставах

мошно и бес подвод, што те заставы от Березова блиско, а от Тобольска, государь, отдалели, ходу от Тобольска недели с четыре вниз рекою. И о том ты, царь государь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, мне, холопу своему, как укажешь.

На л. 15 об. отметка о подаче: 156 г. ноября в 14 день ...[нрзб]

РГАДА. Ф. 214. Стб. 289. Л. 15—17. Подлинник.

№ 38

1662 г., не ранее октября 29 — 1663 г., не позднее августа 31.

Из приходных книг Мангазеи о количестве хлебных запасов, доставленных на кочах из Тобольска в 1662 и 1663 г.

Да во 171-м году приход хлебным запасом и соли при стряпчем и воеводе при Родионе Павлове.

Октября в 29 день по тобольской отписке боярина и воеводы князя Ивана Ондреевича Хилкова послано ис Тобольска в Мангазею с тобольским сыном боярским с Васильем Быковским мангазейским служилым человеком и ружником и оброчником великих государей на жалованье и на неокладные расходы на осьми кочах на нынешней на 171-й год великих государей хлебных запасов 1206 мехов муки ржаной, а мангазейских пятипудовых 1144 чети с осьминою и полчетверика, 218 пуд соли за отвесом и за счотом тобольских служилых людей пятидесятника Левки Матвеева с товарищи.

И под теми хлебными запасами пришло в Мангазею семь кочей, а хлебных запасов с тех кочей взято мангазейских пятипудовых 877 чети с осьминою и с четвериком, 179 пуд 12 гривенок соли.

А не дочтенось против тобольской отписки и росписи того приходу на одном коче 51 мех муки ржаной, а не довешенося на том коче мангазейских пятипудовых 49 чети без четверика.

А по скаске тобольских служилых людей, что де они, служилые люди, те 51 мех с мукою на морской погоде на отстое коч легчили и те меха с мукою с коча в море сметали, чтоб им всем на море не притонуть и достальным хлебным запасом в море не погинути.

А на шти кочах мехи с мукою против тобольской росписи взято сполна, а недовешенося 39 чети с осьминою и полтретника и полполчетверика, да 6 пуд 18 гривенок соли.

А осьмой коч того ж отпуску в Мангазею не пришел, а великих государей хлебных запасов на нем против тобольской росписи было 190 мехов муки

ржаной, а в них весу 177 чети с полуосьминою и полполчетверика и полполчетверика, 32 пуда с четью соли.

А по скаске тобольского сына боярского Василья Быковского и тобольских служилых людей, что тот коч остался от них за морем в Обских устьях.

И о тех недочетных мехах и о недовесном хлебе и что коч з хлебными запасы остался за морем в Обских устьях, а в Мангазею не пришел — и о том в Тоболеск из Мангазеи в отписке о указе писано.

...Августа в 31 день по тобольской отписке боярина и воеводы князя Ивана Ондреевича Хилкова послано ис Тобольска в Мангазею с тобольским сыном боярским с Филипом Обольяниновым мангазейским служилым человеком и ружником и оброчником на жалованье и на неокладные расходы на семи кочах вперед на 172-й год великих государей хлебных запасов 1185 мехов муки ржаной, а мангазейских пятипудовых 1184 чети с осьминою ... 218 пуд соли за отвесом тобольских стрельцов и казаков пятидесятника Ивашка Тарасова с товарищи.

И тех хлебных запасов пришло в Мангазею только на двух кочах, а запасов хлебных и соли с одново коча взято только 36 мехов муки ржаной, а в них весу мангазейских пятипудовых 28 чети с четвериком да 3 пуда с полупудом соли. А на другом коче великих государей хлебных запасов не привезено ничего.

А не пришло ис Тобольска в Мангазею против тобольской отписки с хлебными запасы 5 кочей, а не довезено против отписки хлебных запасов на шти кочах и с тем, что пришел в Мангазею порозжей коч и против росписи 1149 мехов муки ржаной, а недовешенося мангазейских пятипудовых 1156 чети с четвериком да 214 пуд с полупудом соли.

А по скаске тобольского сына боярского Филипа Обольянинова и тобольских служилых людей: потому де они тех хлебных запасов и соли против тобольской отписки и росписи в Мангазею не довели, как де они шли ис Тобольска в Мангазею на тех кочах с хлебными запасы и с солью, и Божиею де волею взяла их на море морская погода и ветер встречной, и те 6 кочей на море морскою погодою розбило без остатку, и хлебные запасы и соль все в море притонули, только остался один коч, да ис того коча хлебные запасы на погоде все в море сметали, только осталось те 36 мехов муки ржаной да 3 пуда с полупудом соли — и то они в Мангазею и привезли. Да тех же розбитых шти кочей один коч с кошки сняли и починили, и на отстойном да на другом починеном коче, что с кошки сняли, и в Мангазею пришли. А больше того великих государей хлебных запасов и соли на тех дву кочах они не сказали.

Да на тех же дву кочах, что пришли в Мангазею, сверх тех великих государей хлебных запасов 36 мехов муки ржаной сыскали у тобольских служилых

людей 111 мехов муки ржаной, а весу в них мангазейских пятипудовых 104 чети... взяты великих государей в казну. Да стряпчего и воеводы Родиона Павлова с тех дву кочей осталось мех муки ржаной, в море с коча не выкинут — взят для хлебные скудости великих государей в казну...

РГАДА. Ф. 214. Стб. 650. Л. 24—30. Подлинник. Публикуется с сокращениями.

№ 39

1667 г., не ранее мая — не позднее августа 31*.

Отписка тобольского воеводы П. И. Годунова в Москву о разрешении прекратить поставки продовольствия в Мангазею через Обскую губу

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю... (т.) и государю благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю... (т.), и государю благоверному царевичю и великому князю Феодору Алексеевичю... (т.), и государю благоверному царевичю и великому князю Симеону Алексеевичю... (т.), и государю благоверному царевичю и великому князю Иоанну Алексеевичю... (т.) холопи ваши Петрушка Годунов, Федька Бельской, Гришка Жданов, Мишка Посников челом бьют.

По вашему, великих государей, указу велено нам, холопом вашим, будучи в Сибири, рассмотреть и всякое раденье показать, и прибыль учинить. И в Тобольской, государи, в приказной избе по записным книгам прошлых лет посыланы ис Тобольска в Мангазею через море с вашими, великих государей, хлебными запасы и с солью кочей по 7-ми и по осьми и больши, а в провожатых тобольских служилых людей по 10-ти человек на коче. И те кочи в прошлых во многих годех с вашими государевыми хлебными запасы и с солью на море в ходу розбивало, и служилые люди на тех кочах тонули. А в прошлом, государи, во 171-м году розбило на море 5 кочей с вашими государевыми хлебными запасы и с солью без остатку. А которые годы кочи в Мангазею и в cele дохаживали, и тех кочей из Мангазеи в Тоболеск николи не присылают, а пропадают те кочи небереженьем в Мангазее. А в морских, великие государи, ходех лодьи тем же делом, что и кочи, которые ходят с Колмогор и от города Архангельского, и с Онежского устья на море на промысл и в Соловецкой монастырь, и в Кольской острог с вашими государскими хлебными запасы и с вином; и береженьем, и раденьем ходят в тех лодьях

* Датируется на основании содержания отписки и сведений о начале службы П. И. Годунова в Тобольске в мае 1667 г. (Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 173).

годов по 5-ти и по шти и больши, а сибирские кочи только ходят одинова, а назад из Мангазеи не присылают — и в том вашей, великих государей, казне в Тобольску чинитца убыль великая.

И мы, холопи ваши, радея вам, великим государем, и выискивая, и высматривая всячески в чем бы вам, великим государем, где какая прибыль мочно учинить и кочевой отпуск в Мангазею отставить, проведали, что в Енисейском остроге и в уезде покупают хлеб и соль дешевою ценою и провадят из Енисейского острогу Мангазейского уезду на Турухан, а с Турухану в Мангазею в судах реками, а не морем. И на ваши, великих государей, мангазейские расходы мошно хлеба и соли купить в Енисейском дешевою ценою и возить из Енисейска на Турухан, а с Турухана в Мангазею в судах реками, а не морем.

И мы, холопи ваши, допрашивали про то тобольских детей боярских и всяких чинов служилых людей, и мангазейских, и енисейских стрельцов, которые были в Тобольску в наш, холопей ваших, приезд: в Енисейском остроге и в уезде почему и хлеб и соль в торгу покупают? И из Енисейского острогу Мангазейского уезду на Турухан, а с Турухану в Мангазею хлеб и соль на мангазейские расходы провадить мочно ли? И будет мочно — и какими судами и по сколько кочей в Мангазее, опричь Турухану, хлебных ваших государевых запасов и соли пуд в расход выходит? А что нам, холопом вашим, тобольские и мангазейские, и енисейские служилые люди в допросе сказали и что мы, холопи ваши, о том учинили — и тому послали к вам, великим государем, мы, холопи ваши, с сею отпискою выписку. А отписку, государи, и выписку велели подать в Сибирском приказе окольничему Родиону Матвеевичу Стрешневу да дьяком Григорью Порошину да Льву Ермолаеву.

В прошлых годах по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... (т.) послано ис Тобольска в Мангазею с хлебными запасы и с солью с тобольскими и с мангазейскими служилыми людьми по 8-ми кочей, и те кочи в ходу на море многие розбивало, и государевы хлебные запасы и соль и служилые люди тонули и в том великому государю чинились убытки большие.

А во 171-м году розбило на море в Мангазею идучи 5 кочей, а государевых хлебных запасов и соли на тех кочах потонуло 1052 чети муки ржаной пятипудовых да 214 пуд соли.

И стольник и воевода Петр Иванович Годунов с товарищи велели в Тобольску в приказной избе выписать, во что в Мангазейской отпуск 8 кочей со всякими снастями и с парусы и с посылкою служилых людей по цене ставятца. А русских поморских городов всяких людей, которые в приезде в Тобольску, допросить: хлебные сошные запасы с поморских городов на Верхотурье

и с Верхотурья до Тобольска на дощаниках четь ржи и муки ржаной с провозом на Верхотурье и дощаники в деле ценою во что ставятца.

И в Тобольской приказной избе по справке з денежным и с хлебным, и судового отпуску столов, в котором году посылаетца в Мангазею с хлебными запасы 8 кочей, и те кочи все з делом и с парусы, и с конаты, и с якори и со всякою кочевою мелкою снастью ставятца в отпуск по 934 рубли по 24 алтына по 2 деньги, а коч один по 116 рублей по 28 алтын. На тех же кочах посылаетца тобольских служилых людей атаман да пятидесятник, да стрельцов и пеших казаков 80 человек, а великих государей жалованья им по окладу даетца денег 362 рубли 25 алтын, хлеба 437 чети ржи, 269 чети овса, 169 пуд соли по тобольской цене 349 рублей 30 алтын, проходят пол-2 года.

А поморских русских городов сошные люди в допросе один человек Архангельского монастыря старец да торговые люди устюжана, Соли Вычегодской и лаличи, Еренского городка, вятчана — 51 человек по допросу сказали: на Верхотурье де ставят подрядчики, а дают подрядчиком за воз по 6 рублей и по 6 рублей с полтиною, и по 7 рублей, и по 8 рублей, а на возу возят только по 3 чети ржи и муки ржаной сошную четь, муки по 5-ти пуд с четью, а ржи по 6 пуд с четью. Да под те сошные запасы делают оне со всех поморских городов, которые выше сего написаны, по 30 дощаников на год, а нймуют дощаник зделать на Верхотурье по 40-ку и по 50, и по штидесят, и по осмидесят, и по 90-ту, и по 100-ту рублей, и от того сошного запасу многие у них люди обнищали и врознь бредут. Да за сошными ж де запасы посылают они из миру по вся годы на Верхотурье целовальника да подьячего для отдачи, а целовальнику и подьячему дают они из миру подмогу по 100 и по 120 рублей.

А по справке в Тобольску в приказной избе великого государя з грамотою 168-го году велено отвести в Сибирь на Верхотурье с поморских городов сибирским служилым людем и ружником, и оброчником великих государей на жалованье и на неокладные всякие ро-сходы на 168-й год к тамошней сибирской пахоте в прибавку хлебных запасов Новгородцкие и Устюжские чети з городов и с уездов 6084 чети с полу-осьминою и полполчетверика ржи и муки ржаной в сошную четь муки по 5-ти пуд с четью, а ржи по 6 пуд с четью четь и с мехами. И только положить те сошные запасы с провозом по скаске сошных людей по средней цене по 7 рублей воз, итого будет по 2 рубли по 11 алтын четь, а за все запасы 14196 рублей с полтиною, а дощаник 80 рублей, итого 2400 рублей.

А в Мангазею отпускаетца на 8-ми кочах по 1224 чети муки ржаной да по 240 пуд соли, а ценою против скаски русских поморских торговых людей по средней цене 4429 рублей 15 алтын. И по тому станет ис поморских городов

в Мангазее четь казенная со всякими харчи в 4 пуда в 23 гривенки с полу-гривенкою муки ржаной в 3 рубли в 20 алтын в 4 деньги против сошные средние статьи.

И стольник и воеводы Петр Иванович Годунов с товарищи допрашивали в Тобольску тобольских детей боярских и служилых людей, которые бывали в Мангазее и в Енисейском остроге, и мангазейских и енисейских стрельцов, которые в приезде были в Тобольску, мощно ли где в котором сибирском низовом городе на мангазейские росходы хлебных запасов и соли купя и провесть реками, а не морем в Мангазею, а ис Тобольска б кочами хлеба в Мангазею не посылать, чтоб в той кочевой посылке и в морском розбое великих государей казне убытку и служилым людям истери не было. И по допросу тобольских детей боярских 3 человека да казаков 8 человек в Енисейском де остроге хлеба продажного бывает много.

А в нынешнем де во 175-м году по указу великих государей посланы они ис Тобольска в Енисейской и при них де купили в ленской отпуск хлебных запасов в Енисейском пуд муки ржаной по 2 алтына по 2 деньги, а ржи по 10 денег. А при них же де купили пуд муки и по 3 алтына и по гривне, а недород де хлебной во 174-м году в Енисейском был же. Тобольских же 3 человека детей боярских да 7 человек стрельцов и пеших казаков, которые хаживали в Мангазею за хлебными запасы на кочах, да мангазейских 5 человек стрельцов сказали: которые де хлебные запасы в Мангазею морем привозят ис Тобольска, и тех де всего идет в расход в Мангазее служилым людям и ружником, и оброчником, которые живут в Мангазее человеком 40, коча з 2 или с 3.

А многие мангазейские служилые люди живут на Турухане, а с Турухану посылаютца в ясашные зимовья для ясаку, и хлебные запасы покупают они на Турухане, а их де оклады в Мангазее емлют воеводы и подьячие за отпуск в зимовья. А в зимовьях де живут служилые люди без переменно лет по 10 и по 15, и по 20, а которые де служилые люди и ружники, и оброчники емлют хлеб с кочей и в Мангазее, и те де дают воеводам со всякого окладу по мешку муки.

Да енисейских и мангазейских служилых людей 9 человек сказали, что в Енисейском хлебных запасов много, и торговые де люди хлебные запасы из Енисейска привозят в Мангазейской уезд на Турухан дощаниками и каюками. А ходу от Енисейска до Турухану рекою вниз дней з 10, и ис Турухану де по первой полой воде в Мангазею хлебные запасы провадить дощаниками мочно до Росох вверх воды ходу недели де з 2, а от Росох де с теми запасы вешнею ж водою в мелких судах ходу до волоку дни с 3, а волоком с версту суды волочить и хлеб носить судовым людям на себе, а носит

один человек пуда по 3. А от того волоку теми же судами ходу малыми речками до речки Волочанки дни с 3, а Волочанкою речкою до Тазу реки и Тазом до Мангазеи ходу с 3 дни, а те суды длиною сажени по 4 и больши, а возят в них хлебных запасов и соли пудов по 30 и больши. И по тому станет мангазейская пятипудовая четь муки против того, как купили в Енисейском в ленской отпуск по 11 алтын по 4 деньги четь, а тобольская четь по 10 алтын по 3 деньги.

И перед сошным хлебом, что ставился кочами в Мангазее, станет меньше. В Енисейском четь муки ржаной тремя рубли с четью против средней сошной статьи.

Всего в Енисейском станет хлеб дешевле того, что ставился в Мангазее, 3978 рублей. А в провозе служилым людям станет хлеб лехче, потому что до Турухану станут возить подрядчики, а с Турухану до Мангазеи служилые ж люди против прежнего.

И по указу великих государей стольник и воеводы Петр Иванович Годунов с товарищи, служа великим государем и высматривая, как бы великих государей казне было безубыточно и прибыльнее, послали ис Тобольска в Енисейской острог тобольского сына боярского Кондратя Хворово. А велели ему в Енисейском остроге и в уездах приискивать ис тамошних людей хто б подрядился, купя на великих государей хлеба и соли в Енисейском остроге и в уездах, и поставили в Мангазее через Турухан, а не морем по 1585 чети муки ржаной пятипудовых да по 244 пуда соли на год по прямой енисейской торговой цене. И будет хто подрядитца, и в том имать на подрядчиков записи с поруками, а деньги на задатки взять в Енисейском у воеводы у Кирила Яковлева для того, что в Тобольску в казне великих государей денег нечего нет, а о достальных деньгах писать и поручные записи или с них списки прислать в Тоболеск.

А к стольнику и воеводе х Кирилу Яковлеву в Енисейской о том писано, чтоб он, Кирило, великим государем службу свою и раденье показал, в Енисейском остроге и в уезде заказу в хлебном и в соляном подряде подрядчиком не учинил и денег в задаток велел подрядчиком по записям давать из енисейских доходов, сколько пригож. А то число денег, что даст, по указу великих государей ис Тобольска к нему пришлют. И в Томской город к стольнику и воеводе к Миките Вельяминову о том писано ж. А в том хлебе, что отпущан ис Тобольска в Мангазею, сидеть в Тобольску на кружечные двory вино, и то великим государем будет прибыль.

А хотя и кочами государевы хлебные запасы в Мангазею отпускать и их уберечь мочно, потому по скаске приезжих торговых людей, что на Лене и на Собачье, ходят за море на кочах годов по 6 и по 7. А ставят де те кочи

к зиме на мелком берегу з береженьем, у речек и в заводах на подметинах на толстых бревнах, а как кочи обсохнут, и их выжаравливают на взрубы выше подметин, а как весною лед пойдет и по прибылой воде те кочи уводят в речки и в заводи и берегут. И о том в Мангазею к воеводе к Родиону Павлову ис Тобольска писано и атаману, которой в нынешнем во 175-м году послан ис Тобольска в Мангазею на кочах, приказано, а велено в Мангазее кочи беречь против того ж, как берегут на Лене и на Собачье, чтоб те кочи годились к морскому ходу впредь, и в том великим государем по тому ж будет прибыль. А в прошлых годах тем кочам в Мангазее береженья не бывало.

А о чем в сей в выписке написано, взяты скаски, и те подлинны скаски, хто что сказывали за их руками, в Тобольску в приказной избе, в подлинном деле.

Отметка о подаче: 176-го ноября в 1 день подал отписку тобольской сын боярской Сергей Кубасов.

Публикуется по: Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. Сб. док. М., 1951. С. 84—89.

РАЗДЕЛ III.
ГОРОД МАНГАЗЕЯ

№ 40
1608 г., март.

**Из памяти приказа Казанского дворца новому
мангазейскому воеводе И. Ю. Нелединскому о проведении
сыска по извездам прежнего воеводы Д. В. Жеребцова**

Лета 7116 г. марта в...* день по государеву цареву и великого князя Василья Ивановича всея Руси указу память воеводе Ивану Юрьевичу Нелединскому да голове Степану Федоровичу Забелину. В нынешнем во 116-м году генваря в 12 день писали ко государю царю и великому князю Василью Ивановичу всея Руси ис Тобольска города воевода князь Роман Троекуров да Иван Внуков, да дьяк Филип Голянищев, что в нынешнем же во 116-м году октября в 15 день писал к ним из Мангазеи воевода Давыд Жеребцов: ставили де они по вестям в Мангазее городо[вую] стену и острог крепили, и он де Давыд [с поме]стья своего с полторасти чети с пуста поставил города наших мерных три сажени, а Курдюк** де с пятисот четей с поместья, да и сам де сказывает, что за ним три тысячи чети вотчин, а поставил три сажени ж города. И о том де ему Курдюк докучал многожда: для де им чево городовую стену ставить, поставят де то[рговые мужики], а как де город... ни одинава у города... он Давыд один, а Курдюк де лишь в те поры двор свой строил, ставил горницы, да посулы со служивых и с торговых и с промышленных людей имал, да одинцы соболи выбирал на себя.

Публикуется в извлечении по: Эскин Ю. М. Документы о Мангазее в Смутное время // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 50—51.

№ 41
1625—1626 г.
Городовой список Мангазеи

Мангазейской город.

Из Мангазеи воеводы князь Еуфим Мышецкой да Ондрей Волохов списка нынешнего 135-го году не присылавали.

А по Мангазейскому же городовому списку прошлово 134-го году в Мангазее в городе в стенах башня с вороты да 4 башни глухих.

* Пропуски содержатся в первой публикации документа и объясняются плохой сохранностью текста.

** Голова Курдюк Петрович Давыдов, товарищ Жеребцова по воеводству.

На городе наряду 9 пищалей затинных да к тем пищалем 685 ядер железных да 160 ядер свинцовых.

Да в государеве зелейном погребѣ пушечных запасов с 134-го году в нынешнем во 135-м году осталось за расходом 6 пудов 31 фунт зелья, 5 пудов 39 фунтов с четвертью фунта свинцу.

Да в нынешнем во 135-м году послано ис Тобольска в Мангазею с тобольским сыном боярским с Михайлом Байкашиным 8 пудов зелья, 4 пуда свинцу.

И обоего пушечных запасов в приходе и с остатком 14 пудов 31 фунт зелья, 9 пудов 39 фунтов с четвертью фунта свинцу.

... [фрагмент текста утрачен]

И за расходом с 135-го до 136-го году останетца в Мангазее пушечных запасов 12 пудов 22 фунта зелья, 7 пудов 28 фунтов с четвертью свинцу.

В Мангазее же служилых людей:

Сотник стрелецкой

48 человек стрельцов с пятидесятником и з десятиники

В стрельцах же два человека черкас

Литвин

Казак

И всего в Мангазее служилых людей 53 человека

Да к тем же мангазейским служилым людям посылают на прибавку з Березова годовальщиков по 50 человек.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 25. Л. 33—34. Подлинник.

№42

1626—1627 г.

Росписной список города Мангазеи

Список Мангазейскому городу и наряду, и зелью, и свинцу, и всяким пушечным запасом, и что в Мангазейском городе всяких служилых людей, и что кому им, мангазейским служилым людям, государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси оклад, денежное и хлебное жалованье, во 134-м году при воеводах при князе Евфиме Федоровиче Мышецком да при Ондрее Офонасьевиче Волохове, сентября с 1 числа да сентября ж по 1 число 135-го году.

Город деревянной рубленой, а у него пять башен, стоит над Тазом рекою. С приезде в стене башня Спасская проезжая четвероугольная, а под нею

двои ворота, одни с приезду, а другие изнутри города, брусчатые, высота по сажени печатной, а ширина тож. В высоту башня по обломки 45 венцов, а мерою 4 сажени; а от обломков до кровли 13 венцов, а мерою сажень с аршином, а стена у башни в сажень. А наряду на ней в верхнем бою 3 пиццали затинные железные, у одной ядро весу 12 золотников, а у дву ядра железные же, весу по 16 золотников. А от Спаские от воротной башни до Успенской угловой башни, что от Осетровки речки, в стенах 11 городен, а мерою 16 сажень, а в вышину стена по обломки по 20 венцов, а мерою полторы сажени. А от обломков до кровли 13 венцов, а мерою сажень.

Башня Успенская угловая, что от Осетровки речки, четверугольная, в вышину по обломки 40 венцов, а мерою 3 сажени, а от обломков до кровли 12 венцов, а мерою сажень с полуаршином. Стена у башни 2 сажени, а кругом 8 сажень. А наряду на ней в верхнем бою пиццаль затинная железная, ядро весом 8 золотников. А от той Успенской башни до угловой до Ратиловской башни в стене 22 городни, а мерою 30 сажень 2 аршина. В вышину стена до обломков 17 венцов, а мерою полторы сажени, а от обломков до кровли 13 венцов, а мерою сажень.

Башня Ратиловская угловая четырёхугольная, в вышину по обломки 37 венцов, а мерою 2 сажени 2 аршина, а от обломков до кровли 9 венцов, мерою сажень без четверти. Стена у башни 2 сажени, а кругом 8 сажень. А наряду на ней в верхнем бою пиццаль затинная железная, ядро железное, весу 8 золотников. А от Ратиловские башни до Давыдовской до угловой башни, что от Тазу реки, в стене 17 городен, а мерою 27 сажень, а в вышину по обломки 17 венцов, мерою полторы сажени, а от обломков до кровли 12 венцов, мерою 3 сажени.

Башня Давыдовская, что от Тазу реки, угловая четырёхугольная, в вышину по обломки 36 венцов, а мерою 3 сажени с аршином. А от обломков до кровли 10 венцов, мерою сажень, а стена 3 сажени, а кругом 12 сажень. Наряду на ней в верхнем бою 2 пиццали затинные железные, ядра железные, у одной ядро весом 12 золотников, а у другой 8 золотников. А от той Давыдовской башни до Зубцовской угловой башни, что от Тазу реки, в стене 18 городен, а мерою 28 сажень с аршином. А в вышину по обломки по 21 венцу, мерою 2 сажени без аршина, а от обломков до кровли 13 венцов, а мерою сажень.

Башня Зубцовская угловая, что от Тазу ж реки, в вышину по обломки 38 венцов, а мерою 3 сажени, а от обломков до кровли 11 венцов, а мерою сажень. Стена у башни 2 сажени, а кругом 8 сажень. А наряду на ней в верхнем бою 2 пиццали затинные железные, ядра железные, а одно весом 12 золотников, а другое 8 золотников.

А от Зубцовской башни до Спасской до проезжей башни в стене 5 городен, мерою 7 сажень, в вышину по обломки 21 венец, а мерою полторы сажени,

а от обламок до кровли 13 венцов, мерою в сажень. А в ширину городни и во всех четырех стенах мерою по сажени с аршином. А вокруг всего города мерою 131 сажень печатных. Город весь цел.

Публикуется по: Русская историческая библиотека. Т. 2. Стб. 430—433.

№ 43

1629 г., не ранее марта 2 — не позднее июля 17.

Отписка архиепископа Сибирского и Тобольского Макария об освящении Успенской церкви в Мангазее

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси богомолец твой государев Макарей архиепископ Сибирский и Тобольский Бога молю и челом бую.

В нынешнем, государь, во 137-м году прислана ко мне, богомольцу твоему государеву, твоя государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамота за подписью твоего государева дияка Ивана Болотникова. А в той, государь, твоей государевой грамоте писано: в нынешнем де во 137-м году сентября в 18 день писал к тебе, великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси из Сибири из Монгазеи из Тазовского города воевода Тимофей Бабарыкин, что де в Монгазее в Тазовском городе по обещаңью торговые и промышленные люди поставили на посаде за городом новой теплой храм во имя Успенья Пречистые Богородицы да в приделе Усекновение честныя главы Иванны Предитечя. И он де, Тимофей, в Тобольске прошал у меня, богомольца твоего государева, для освященья того храму диякона. И я де, богомолец твой государев, для освященья того храму диякона в Монгазею не послал, а сказал де ему, что твоего государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу ко мне о дьяконе нет. И в Тазовском де городе новой храм стоит неосвящен и бес пенья третей год, а Живоначальныя де Троицы храм поставлен в городе холодной и во многие де времена за стужею живет бес пенья. И мне б, государь, богомольцу твоему государеву, велеть в Монгазею в Тазовской город диякона послать тотчас. Будет на житье взять диякона негде, и мне б хочь на время для освященья храму послать, чтоб тот храм неосвящен не стоял и бес пенья твое государское богомолье не было.

И в прошлом, государь, во 136-м году июня в 20 день послал я, богомолец твой государев, в Монгазею в Тазовской город к Троице Живоначальной и к Успенью Пречистые Богородицы попа Стефана Борисова сына да дьякона

Симиона Заха[рова] сына на два года и велел им тот храм Успенья Богородицы освятити, и на освященье антиминс, и миро, и масло с ними послал. И в нынешнем, государь, во 137-м году марта во 2 день писал ко мне, богомольцу твоему государеву, из Монгазеи из Тазовского города троицкой поп Стефан Борисов. В прошлом де во 136-м году на праздник Положения пояса Пресвятой Богородицы в Тазовском городе церковь Успения Пречистые Богородицы осветили и Четырдесятницу отслужили. А бес пенья, государь, церковь Троицы Живоначальные за стужею не ставала ни единова дни, а служат, государь, у той церкви два священники повсядневье понедельно.

Отметка о подаче: 137-го июля в 17 день подал с Костромы Спасобогоявленского монастыря слушка Васька Яковлев.

Публикуется по: Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996. С. 62.

№ 44

Описание воеводского двора в посадской части Мангазеи

1.

1639 г., сентябрь.

Отписка воеводы кн. Н. М. Борятинского в Москву

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холоп твой Микитка Борятинской челом бьет. В нынешнем, государь, во 148-м году сентября в 9 день бил челом тебе государю... (т.), а в Мангазее в съезжей избе мне, холопу твоему, подал челобитную дьяк Богдан Обобуров, что приехал он на твою государеву службу в Мангазею, а двора нет, жить ему негде, и чтоб ты, государь, его пожаловал, велел ему свой государев указ учинить, где ему жить. И я, холоп твой, выслушав твое ево челобитные, посылал мангазейсково сотника стрелецково Алексея Шафрана да съезжей избы подьячево Игнатъя Пироговсково, да казенново целовальника Матвея Быкова и велел тово пустою двора, где жили прежние воеводы и дьяки до 145-го году, досмотреть и записать, что на том дворе хором, и мочно ли на нем не построя жить. А посылал я, холоп твой, того двора досмотрить и записать, что на том дворе хором для того, что тот двор — твой государев, а строенье бывал мирскими людьми, а иная поделка твоими государевыми деньгами из съезжей избы.

И мангазейской сотник стрелецкой Алексей Шафран с товарищи подали мне, холопу твоему, тому пустому двору досмотру своего роспись за своими

руками. И я, холоп твой, дьяка Богданову челобитную Обобурова и роспись послал к тебе ко государю... (т.) к Москве, подклея под сею отпискою. А дьяку Богдану Обобурову, опричь тово двора, стоять негде, а чем ево строить — и в том, что ты, государь, укажешь.

На л. 380 об. отметка о подаче: 149 г. декабря в 27 день подал подьячий Богдан Ушаков.

2.

1639 г., сентября 9. — Челобитная дьяка Б. Обобурова

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой Богдашко Обобуров. В нынешнем, государь, во 148-м году сентября в 7 день по твоему государеву указу приехал я, холоп твой, на твою государеву службу в Сибирь в Мангазею. А в твоём государеве наказе написано: велено мне, холопу твоему, приехав, в Мангазее стоять дьяка на Пятово дворе Спиридонова. И дьяк Пятой Спиридонов того двора, где он со 145-го году и по ся мест в Мангазее живет мне, холопу твоему, не очистил, а отказал тем, что де строил тот двор он своими деньгами, а не ис твоей государевы казны и не мирскими деньгами. Да он же, Пятой, указал мне на пустой двор, где стояли прежние воеводы, Ондрей Палицын да Дмитрий Клокачев, да дьяк Василей Атарской, да и он, Пятой, с приезде своего по 145-й год на том же дворе стоял.

И тот, государь, пустой двор гнил и развалился, а прежние воеводы и дьяки того двора не строили и опустошили ево для того, что строенье тот двор бывал мирскими людьми, а иная поделка бывала ис твоей государевы казны из съезжие избы. А стоит, государь, тот двор пуст со 145-го году, а тому Пятому Спиридонову на том дворе, не построя ево, стало жить не мочно, и он ево покинул и устроил двор на ином месте. А мне, холопу твоему, на том пустом дворе без строения некоторыми делы стоять не мочно, а вновь собою двора купить и строитца нечем, твоего государева жалованья, поместей и вотчин, за мною, холопом твоим, нет нигде ни одной чети. А что взял я для мангазейской службы твоего государева жалованья, и то в таком дальнем проезде испроел, да и к тому еще, поднимаясь на такую твою государеву дальнюю службу, задолжал великим долгом.

И ныне я, холоп твой, по самой по большой нуже, что детца негде, взбрел на время з женишком и з детишками и с людишками на двор мангазейского служилого человека Аврама Михайлова. А на том, государь, Аврамове дворе только изба на подклете да сенишка.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа

Русии, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, в Мангазее своему государеву воеводе князь Миките Михайловичю Борятинскому послать из съезжей избы того пустою двора досмотрить и хоромы и городьбу кругом переписать. И вели, государь, мне свой государев указ учинить, где мне, холопу твоему, будучи на твоей государеве службе в Мангазее, жить. Царь, государь, смилуйся.

3.

Описание воеводского двора

И воевода князь Микита Михайлович Борятинской, выслушав Богдановы челобитные, велел мангазейскому сотнику стрелецкому Алексею Шафрану да подъячему Игнатью Пироговскому, да казенному целовальнику Матвеем Быкову двора и во дворе хором досмотрити и роспись учинити, что на том пустом дворе хором и каковы хоромы и мощно ли в нем, не поделав хором и не устроив, жить дьяку Богдану Обоурову, где стояли, будучи на государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всея Руси службе в Мангазее, воеводы Ондрей Палицын да Дмитрий Клокачев, да дьяк Василий Атарской, да Пятой Спиридонов по 145-й год. А со 145-го году тот двор стоит пуст, а дьяк Пятой Спиридонов на ином месте устроил двор своими деньгами. А досмотреть тово двора воевода князь Микита Михайлович Борятинской велел и роспись учинить, что на том дворе хором для того, что тот двор государев, а строенье бывало мирскими людьми, а иная поделка государевыми деньгами из съезжей избы.

Роспись пустому двору и дворовым хоромам:

Горница ветчаная на подклете. Кровля на той горнице и мосты в горнице и в подклете погнили, и печи развалились, и двери худы, и у окон причелин нет.

Изба воротная без верху. А поставил было на той избе горницу дьяк Пятой Спиридонов, и как новой свой двор на ином месте устроил, и он ту свою горницу свез на новой свой двор. А та изба ныне каплет, и потолок и матицы и углы в стенах погнили, и мост згнил, и печь развалилась.

У ворот же на другой стороне избенка без верху. Потолок и матицы и углы все згнило, стоит о подпорах, и печь развалилась.

Мыльнишко гнило с сенишками. Стены и потолок и мост погнил и печь развалилась.

Струбишко осыпан землею. Бывало за погребом место. Огнил, стоит на подпорах.

Да противу горницы вместо клетки анбаришко, из кочевых досок делан.

А меж анбаришком и горницы сенишка дощатые ж. Да на сенишках черда-
чишко, перегорожено надвое, все ветчано, доски многие повывалялись
и кровли погнили, везде каплет и у окошок закрышок нет.

Да на дворе ж клетка рубленая да поварнишко гнилое, дельвана ис коче-
вых досок, уголье погнило и кровли нет.

Да онбаришко ж, дельван ис кочевых же досок, дверишка выломлены.
Да хлевишко коровей. А городьбы около двора кочевыми досками в прясле,
доски по две и по три, а в иных пряслах и ничево нет, и ворота развалились.

И жить в том дворе, не поделав и не устроая, хором не прибавя, нельзя
и негде, все гнило и худо развнялось.

У досмотру был и роспись писал подьячей Игнатей Пирововский.

4.

1641 г., февраля 27.

Грамота из Москвы в Мангазею дьяку Б. Обобурову

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Сибирь
в Мангазею дьяку нашему Богдану Обобурову. Писал к нам из Сибири из
Мангазеи воевода князь Микита Борятинской и прислал под отпискою своею
челобитную твою, а в челобитной твоей написано, что по нашему указу велено
тебе, приехав в Мангазею, стоять дьяка на Пятове дворе Спиридонове. И дьяк
Пятой Спиридонов того двора, где в Мангазее жил, тебе не очистил, а сказал,
что он тот двор строил своими деньгами, а не из нашей казны и не мирскими
деньгами. Да он же, Пятой, указал тебе на пустой двор, где стояли прежние во-
еводы Ондрей Палицын да Дмитрий Клокачев, да дьяк Василий Атарской,
да и он, Пятой, с приезде своего по 145-й год на том же дворе стоял. И тот пу-
стой двор гнил и развалился, а прежние воеводы и дьяки того двора не строили
и опустошили для того, что строен бывал тот двор мирскими людьми, а иная по-
делка бывала из нашей казны из съезжей избы. А стоит тот двор пуст со 145-го
году. И того пустого двора воевода князь Микита Борятинской посылал досма-
тривати мангазейского сотника стрелецкого Олексея Шафрана да подьячева,
да казенного целовальника. И по смотру тот двор пуст и огнил и развалился
и без поделки в том дворе жити нельзя, и о том велети наш указ учинить.

И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б стоял на том же дворе, где
стояли прежние другие воеводы и дьяки. И будет ты на том дворе стоять не
похошь, и ты б построил себе osobной двор собою.

Писан на Москве лета 7149 февраля в 27 день.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 88. Л. 380—389. Подлинник.

№ 45

**Документы о попытках строительства в Мангазее
нового гостиного двора****1.****1644 г., не ранее июля.****Отписка в Москву мангазейских таможенных голов
И. Толстоухова и С. Осолихина**

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси сироты твои Ивашко Толстоухов, Савка Осолихин челом бьют. В нынешнем, государь, во 152-м году февраля в 7 день воевода князь Петр Михайлович Ухтомской из съезжей избы в таможенную избу прислал за твоею государевою мангазейскою печатью память за справою Нехорошего Микифорова, а в памяти, государь, писано:

В нынешнем во 152-м году генваря в 14 день в твоей государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте за приписью дьяка Микифора Шипулина в Мангазею к нему, воеводе ко князю Петру Михайловичу Ухтомскому, да дьяку Григорью Теряеву писано: писали из Мангазеи мы, Ивашко и Савка, что в прошлом во 150-м году июля в 4 день прислана к нам, Ивашке и Савке, твоя государева грамота, а велено по той твоей государеве грамоте торговым и всяким людям стоять на гостине дворе и в торгу, а мимо гостина двора и торгу отнюдь торговать не велети. И в Мангазее де гостин двор и по се время не строен, стоит опустошен по-прежнему. А дьяк Богдан Обобуров из съезжей избы о том к нам памяти не присылывал. И в твою государеву казну полавочных денег нам имать нечево, что гостина двора нет.

А в прошлом де во 150-м году октября в 6 день против твоей государевы грамоты дьяк Богдан Обобуров к торговым и промышленным людям о гостине дворе строенье послал из съезжие избы память, а в памяти написано: торговым и промышленным и жилецким людям выбрати меж себя ис торговых и ис промышленных и из жилецких из лутчих и из середних людей десять человек для гостина двора строения, а для наряду к тем людям на прибавку приставлены будут из съезжей избы служилые люди. А тем де выборным людям строить тот гостин двор всеми торговыми и промышленными и жилецкими людьми: к старым анбарам на прибавку поставить дватцать шесть анбаров рубленых новых бревенных да две избы большие, а старые де четыре анбара переделать, которые испросечены при Григорье Кокореве да при Андрее Палицыне.

И в прошлом же во 150-м году по той указной памяти торговые и промышленные и жилецкие люди меж себя в Мангазее для гостина двора строенья деньги збирали, и на те де зборные деньги по приказу дьяка Богдана Обобунова съезжие избы ценовальник Нестерко Сергеев на избы и на анбары бревна покупал, а сколько бревен куплено и что де за те бревна денег дано — и то писано в покупочных книгах. А почему де ис тех бревен избы и анбары не рублены и гостин двор по нынешней по 152-й год не строен, и того в съезжей избе сыскать нечем. А того, государь, в памяти, сколько бревен куплено числом, сполна ли на строенье гостина двора будет, и сколько зборных денег, не написано.

И ис той, государь, памяти против нашей, сирот твоих, выписки в нынешнем же во 152-м году мая в 7 день в Туруханском зимовье из съезжей избы воевода князь Петр Михайлович Ухтомской прислал за твоею государевою мангазейскою печатью память, а в ней, государь, писано: что де в прошлом во 150-м году зборных денег Григорья Афонасьева Белозерца да Мишки Банщика тридцать один рубль дватцать два алтына четыре деньги. И ис тех де денег куплено двесте дватцать бревен, а в остатке де от бревенные покупки шестнатцать рублей четырнатцать алтын две деньги. И по твоему государеву... (т.) указу нам, сиротам твоим, Ивашку и Савке, велеть гостин двор устроить против твоего государева указа, как о том наперед сего в твоей государеве указной грамоте в прошлом во 150-м году сентября в 16 день дьяку Богдану Обобунову и в нынешнем во 152-м году к воеводе ко князю Петру Михайловичу Ухтомскому да дьяку Григорью Теряеву писано, чтоб торговые и промышленные и всякие люди в Мангазее у служилых людей и ни у кого в анбарах мимо твоего государева гостина двора нигде не стояли, чтоб твоей государеве таможенной пошлине истери и гостина двора с анбаров и с лавок полавочных денег перед прошлыми годы в недоборе не было.

И в нынешнем же, государь, во 152-м году июня в 5 день о съезде в Туруханском зимовье ис Тынгузок рек с соболиных промыслов и из Енисейского острогу торговых и промышленных людей по твоему государеву... (т.) указу и по памяти воеводы князя Петра Михайловича Ухтомского велели, государь, мы, сироты твои, Ивашко и Савка, собрать торговых и промышленных, и мангазейских, и туруханских жилецких людей таможенным приставом, мангазейским служилым человеком, в таможенную избу и велели им в Мангазее твой государев гостин двор, дватцать шесть анбаров новых бревенных да две избы большие устроить, а старые, государь, четыре анбары переделать. И они, государь, торговые и промышленные люди с того июня с 5 числа и по розъезд ярманги июля по... [число пропущено] число ис того твоего государева гостина двора строенья стоят на правее, а доправить, государь, мы,

сироты твои, строенья твоего государева гостина двора на них не можем. А июля, государь, в ...[число пропущено] день били они челом тебе государю... (т.), а нам, сиротам твоим, Ивашку и Савке, в таможенной избе за своими руками подали челобитную и платежные 150-го году отписи, что с них со всяких людей в строенье твоего государева гостина двора поголовные и поживотные деньги збираны сверх збору Григорья Офонасьева Белозерца тридцати одного рубля дватцати дву алтын четырех денег.

И мы, государь, сироты твои, Ивашко и Савка, тое их челобитную и платежные отписи за их и за своими руками, подклея под сею отпискою, послали к тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси к Москве. И о том, что ты, государь... (т.) укажешь.

2.

1644 г., июль.

***Челобитная жителей Туруханского зимовья,
а также находившихся там торговых и промышленных людей***

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси быют челом сироты твои торговые и промышленные людишка и туруханские жильчишка Филатко Васильев, Михалко Васильев Красиков, Демка Прокопиев Сорокумов, Олешка Григорьев Тверитинов, Никифорко Иванов Шушнин Устюжанин, Пятко Емельянов Матов, Васька Исакиев Казанец, Ивашко Иванов Елохин Пенежанин, Баженко Агапитов Колмогорец, Гаврилко Еремеев Устюжанин, Ивашко Петров Колмогорец, Степанко Ондреев Криводанов, Нечка Козьмин Ратилов, Кондрашка Васильев Ушенин, Олешка Дмитриев Пестриков, Васька Максимов Устьцелемец, Роспутка Харламов Пинежанин, Прошка Степанов Зубов, Фролко Яковлев Пенежанин, Ивашко Оксентьев Слепой, Ивашко Федоров, Галашко Федоров, Митька Фомин, Ивашко Кузаков, Федька Дементьев, Омелька Иванов, Офонька Семенов Юдомец, Степанко Романов, Ермолка Васильев Пинежанин, Ондрюшка Прокопиев Соли Камские, Некраско Михайлов Пинежанин, Гришка Иванов Мезенец, Жданко Парфеньев Пинежанин, Ефтифейко Семенов Пинежанин, Гришка Васильев Матигор, Баженко Мартемьянов и все торговые и промышленные людишка и туруханские жильчишка.

В нынешнем, государь, во 152-м году по твоему государеву указу твои государевы мангазейские таможенные головы Иван Толстоухов да Сава Осолихин велят нам, сиротам твоим, в твоём государеве Мангазейском городе гостинной двор делати по-прежнему, чтобы в Манагазейском городе торговым людям, опричь гостина двора, нигде не торговати и не стояти, и от того бы твоему государеву таможенному збору истери не было. И стоим, государь, мы, сироты твои,

ис того строенья гостина двора на правеже и помираем голодную смертью. А поставить, государь, нам, сиротам твоим, того гостина двора некем. А прежде сего, государь, тот гостин двор строен был теми людьми, которые приходили с Руси и из Сибири в Мангазею с хлебными запасами и с товарами на кочах, и мангазейскими жителями людьми. А приходило, государь, в те прежние годы торговых и промышленных людей на кочах с Руси и из Сибири человек по шестисот и по семисот и больше. А торги, государь, и промыслы были большие: у одного, государь, человека в торгу тысячи по три и по четыре и по пять и больше. А в промысле, государь, у одного ж человека ужин по пятьдесят и больше. И в те, государь, годы те торговые и промышленные люди в Мангазейском городе твой государев гостин двор поставили безо всякого ослушания.

А как, государь, в прошлом во 150-м году торговые и промышленные люди с Руси и из Сибири, на кочах не дошед до Мангазеи, в Тазу реке замерзли и на море на отстое запасы свои и товары многие розметали, и от того их морского умету и заморозу торги их и промыслы учинились убыльны и некладны. И сверх, государь, того в Мангазейском городе твой государев дьяк Богдан Обоуров с тех же людей збирал для строенья того твоего государева в Мангазейском городе гостина двора поживотные и поголовные деньги, со всякого рубля по деньге. И тех, государь, животных денег собрал он, Богдан, с торговых и промышленных людей и с мангазейских жильцов тридцать один рубль двадцать два алтына четыре деньги. И на те, государь, деньги по ево, Богданову, приказу съезжие избы целовальник Нестерко Сергеев купил для строенья того гостина двора двести двадцать бревен, а денег за те бревна дал пятнадцать рублей восемь алтын две деньги. А достальные, государь, деньги, шестнадцать рублей пятнадцать алтын, отдал тот же Нестерко съезжие избы целовальнику Нефеду Яковлеву. А которые, государь, поголовно он же, дьяк Богдан Обоуров, збирал с торговых и с промышленных людей и мангазейских... [нрзб] И от тех, государь, ево, Богдановых, многих налог многие торговые и промышленные люди и мангазейские жильцы из Мангазейского города и из Туруханского зимовья разошлись врознь на Вилюй и на Лену реку, и в Енисейской острог, и во все сибирские города, и к Руси. А вново, государь, в Мангазею с Руси и из Сибири на кочах торговые и промышленные люди в прошлом во 151-м году до Мангазеи не дошли, все разбило на море, и хлебные запасы и товары все на море потонули. И с того, государь, морского разбоя всего пришли зимою лыжным путем в Мангазейской город человек с тридцать, и те все разошлись врознь во все сибирские города и к Руси, потому что они от того морского разбоя торгов и промыслов своих отбыли. А иные, государь, торговые и промышленные люди у моря померли голодную смертью, и самая побила.

А мы, государь, сироты твои, в Туруханском зимовье остались невеликие людишка, что нам для своих должников покинуть своих промыслишков и отбыть не похотелось, и должась, государь, великими долги на промыслы ходим, и промыслы нам, государь, учинились убыльны и накладны, и в долгах своих из нас, сирот твоих, никто окупатца не может. И всего, государь, нас, сирот твоих, в нынешнем во 152-м году выплыло из Нижней Тунгуски в Туруханское зимовье на шти каюках, а иные, государь, промышленные пошли на Вилюй и на Лену реку. А которые, государь, были в Подкаменной Тынгузки на промысле, человек с полтора и больши, и те, государь, промышленные люди пошли все в Енисейской острог, а в Туруханское зимовье ис тех промышленных людей никто не поплыл. А которые, государь, торговые и промышленные люди шли с Руси и из Сибири в Мангазею на кочах в нынешнем во 152-м году, и те, государь, кочи все розбило на море без остатку, и товары и хлебные запасы всякие потонули, а люди, государь, многие померли голодною смертию, а иные многие от самойди побиты. И всего, государь, с того розбою зимним лыжным путем пришли в Мангазейской город семь человек, и те все голодные. А в Мангазейском, государь, городе житецких людей нет, и строить того твоего государева гостина двора некому. А нам, государь, сиротам твоим, того гостина двора поставить нечем, потому что, государь, нас, сирот твоих, в Туруханском зимовье перед прошлыми годы мало, и те все людишка бедные, должные. И стоим, государь, мы, сироты твои, ис того строенья гостина двора на правеже и достальны свои торжишка и промыслишка покиня, и помираем голодною смертию.

Милосердый государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси, пожалуй нас, сирот своих бедных, должных торговых и промышленных людишек и туруханских жильчишков: не вели, государь, твоим государевым таможенным головам Ивану Толстоухову да Саве Осолихину ис того строенья гостина двора нас, сирот твоих, на правеже убить, а вели, государь, в тех зборных деньгах, что збирал в Мангазее твой государев дяк Богдан Обобуров для строенья того твоего государева гостина двора, со всякого человека по осми алтын по две деньги, свой царской указ учинити. И вели, государь, сю нашу челобитную и тех деньгах отписи, которые у нас, сирот твоих, у остальных людей сысканы, твоим государевым таможенным головам под отпискою послать к тебе государю... (т.) к Москве, чтобы нам, сиротам твоим, торговым и промышленным и житецким бедным должным остальым людишкам и достальных своих торжишков и промыслишков в Мангазее не отбыть и врознь не разбрестись, и в конец не погинути.

Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 139. Л. 59—67. Подлинник.

**Отписка воеводы П. М. Ухтомского в Москву
о ремонте городских стен и казенных построек после пожара**

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холоп твой Петрушка Ухтомской челом бьет. В нынешнем, государь, во 152-м году апреля в 11 день прислана с Москвы твоя государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамота за приписью твоего государева дьяка Григорья Протопопова в Мангазейской город ко мне, холопу твоему, а в той твоей государеве грамоте писано: как твоя государева грамота придет, и нам бы у Мангазейсково города порченые и розломанные и роскрытые места в стенах, городни и башни, велеть покрыть и поделать. А которые места городовые стены згорели, и нам бы велеть по тому месту поставить острог и укрепить острожными всякими крепостьми. И казенные твои государевы онбары поставить мангазейскими служилыми людьми и ружники, и оброчники, и всякими мангазейскими жилецкими, и приезжими всякими людьми. А в том бы мангазейском городовом и острожном деле мангазейским служилым и жилецким, и приезжим торговым и промышленным всяким людям напрасные налоги и убытков не навести, чтоб в том тебе, государю, на нас ни от кого челобиться не было и впредь бы от наших напрасных налогов и обид служилые люди не разбрелись, а торговые и промышленные люди с торги в Мангазею ездить не перестали, а твоей бы государеве казне от того недобору и твоему ж государеву делу в том ни от чего поруки не было некоторыми делы.

А которые будет места городовые стены от пожару уцелели, и нам бы тех мест переделывать не велеть. А у дьяка б у Богдана Обобурова всякие твои государевы дела, которые после пожару остались, взять бы по росписи, а в том с ним росписатися против твоего государева наказу, как о том у меня, холопа твоего, в твоём государеве наказе написано. А к нему де, Богдану, от тебя, государя, писано ж: велено ему всякие твои государевы прежние дела, которые остались после пожару, отдать нам по росписи и в том с нами росписатца. А воеводцкой двор велеть бы построить небольшим строением, без чего быть не уметь, да и сторожню и тюрьму зделать против прежнего, кем строено наперед сего. А как у Мангазейсково города худые места поде- лаем и по горелому месту острог и твои государевы онбары, и воеводцкой двор, и сторожню, и тюрьму поставим, и нам бы о том отписать к тебе, государю, к Москве с иными твоими государевы делы, а отписку б велеть подать в Сибирском приказе твоему государеву боярину князю Никите Ивановичу Одоевскому да дьяком твоим государевым Петру Лутухину да Григорью

Протопопову. А однолично б нам в городовом деле мангазейским твоим служилым человеком и ружником, и оброчником, и тутошним жилаецким, и приезжим торговым и промышленным всяким человеком большие тягости не навести.

И я, холоп твой государев, Петрушка июня в 14 день в Туруханском зимовье, как съехались из ясачных зимовей ясачные зборщики, мангазейские служилые люди, а торговые и промышленные и всякие люди с промыслов своих и из Енисейского острогу скопились все в Туруханское зимовье, призвал служилых и торговых, и промышленных, и жилаецких мангазейских и туруханских, и всяких людей всех к твоей государеве съезжей избе и тое твою государеву грамоту велел прочесть всем человеком вслух, да и словесно я, холоп твой государев, Петрушка всяким человеком о той городской поделке говорил: чтоб твой государев Мангазейской город поделать и онбары и съезжую избу поставить, и воеводской двор построить небольшим строением. И служилые и торговые, и промышленные, и жилаецкие всякие люди подали мне, холопу твоему, о многих своих бедностях две челобитные, а в челобитных их написано: что де им, твоим государевым холопом, мангазейским служилым, и сиротам твоим, торговым и промышленным и жилаецким и всяким человеком того твоего государева Мангазейского города порченных и раскрытых мест поделывать и крыть и твоих государевых казенных онбаров и съезжей избы, и воеводского двора ставить нечем, потому что де их, служилых людей, в городе оставляетца от служб невеликие людишка, только человек по десяти и меньше, да и те бедны, голодны и холодны, потому что твои государевы хлебные запасы им... на жалование по три годы в Мангазейской город не дошли, разбило на море. А торговым и промышленным, и жилаецким, и всяким человеком — потому, что их... в Мангазее мало, а которые и есть, и те все людишка бедные, должные...

Да в той же челобитной писано, чтоб ты, государь, велел им, сиротам твоим, с ясачными тунгусами во многих их насильствах в убийстве, и в мученье, и в грабежу свой государев указ учинить...

А дьяк Богдан Обобуров всякие твои государевы съезжие избы прежние дела, что от пожара остались, покинул глухо, и со мною, холопом твоим, с Петрушкою, поехал из Мангазеи за море не росписався. А твоему ж государеву дьяку Григорью Теряеву случилась голодная смерть в Тазу реки, не дошед до Мангазейского города только днища за два.

А челобитные, государь, служилых и мирских людей, подклея с отпискою, послал я, холоп твой к тебе государю... (т.) с мангазейскими служилыми людьми с Иваном Сорокиным с товарищи июля в 15 день. И о том, что ты, государь, укажешь.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 139. Л. 157—160. Подлинник. Публикуется с сокращениями.

№ 47

1645 г., не ранее августа 21 — 1646 г., не позднее октября 13.**Отписка воеводы кн. П. М. Ухтомского в Москву
о малочисленности служилых людей в Мангазее
и отсутствии денег в местной казне**

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холоп твой Петрушка Ухтомской челом бьет. В нынешнем, государь, во 153-м году августа в 9 день по твоему государеву указу отпустил я, холоп твой, из Мангазеи за море с твоею государевою ясачною и десятинною соболіною казною и со всякою мяхкою рухлядью на твоих государевых кочах к тебе ко государю к Москве Тобольского города атамана казачья Якова Елизарьева и с ним мангазейских и тобольских служилых людей. А здесь, государь, в Мангазее были ссыльные беглые люди из Енисейского и ис Красноярско-во острогов, сын боярской Васька Васильев Вязметин да Иваш Кондратьев, да красноярской казак Васька прозвище Мошна, да Потапко Дудохов с Волги. А хотел я, холоп твой, тех беглых ссыльных людей послати опять в Енисейской ж и в Красноярской острог и тому атаману Якову говорил об тех ссыльных беглых людех, чтоб он, Яков, здесь в Мангазее и по Тазу реке, и на море едучи тех ссыльных и иных беглых людей на твои государевы кочи с собою за море не имал, блюдая тебя, праведного государя, потому что от тебя, государя, есть твоя государева грамота ко мне, холопу твоему: писано с великою угрозою, чтоб таких ссыльных и никаких беглых людей мимо Мангазею за море не пропускать, имать и отсылать назад в Енисейской и в Красноярской острог, куды которой сослан был, туды и отсылать.

И тот атаман Яков твоему государеву указу учинился в том непослушен, а против меня, холопа твоего, тот Яков учинился силен, приказу моего не послушал, тех ссыльных и иных беглых каменных должных людей на твои государевы кочи с собою поимал и повез за море к Русе. И я, холоп твой, блюдая тебя, государя, для тех ссыльных и иных беглых людей посылал за ним мангазейских служилых людей Ивашка Петрова Истинка да Стеньку Дмитриева Вилюя, Кирилка Семенова Кобылкина да толмача Ваську Дементьева, чтоб тех ссыльных и иных беглых людей переимать и привести в Мангазейской город. И те мангазейские служилые люди Ивашко Истинко с товарищи приехали к тем твоим государевым кочам и тех ссыльных и иных беглых людей на тех кочах увидели и хотели с кочей взять. И тот атаман Яков тех ссыльных и иных беглых людей с кочей взять не дал и мангазейских служилых людей Ивашка с товарищи перебил насмерть, учинился силен. А которые, государь, ссыльные беглые люди, енисейские и красноярские, с весны

были здесь в Мангазее, и те, государь, беглые люди и сосланы опять назад в Енисейской и в Красноярской остроги из Мангазеи до Турухансково с оманаты вместе, а ис Турухансково на судах с промышленными людьми.

Да тому ж, государь, Якову я, холоп твой, говорил, чтоб он для обереганья твоего государева Мангазейского города от иноземцов оставил тобольских служилых людей и казачьих наемщиков, сколько человек пригож. И тот Яков сказал мне, холопу твоему, на поезде своем, что де для обереганья служилых людей и казачьих наемщиков оставил. И как он, Яков, съехал, и я, холоп твой, тех тобольских служилых людей и казачьих наемщиков призывал в съезжую избу и говорил о том, что атаман Яков оставил их для обереганья, и они мне показали отпускные за ево Яковлевою рукою, хто куды похочет. И в том твоему государеву указу учинился непослушен, для обереганья твоего государева Мангазейского города от иноземцов служилых людей и наемщиков казачьих здесь мне не оставил. А с тех тобольских служилых людей и казачьих наемщиков тот Яков, которые здумали здесь оставатца, а иные по промыслом идти, имал себе скуп и большие посулы, с человека рубля по четыре и по пять, и тем людям и отпускные подавал, куды хто захочет, туды и поди.

А здесь, государь, в Мангазее иноземцы юрацкая и ясачная самаядь заворовали, твоих государевых русских людей грабят и побивают, а тюрьма, государь, стоит на поле одаль от посаду, а в тюрьме, государь, посидельцов есть человек з дватцать. А мангазейские, государь, служилые люди розосланы по твоим государевым службам, а промышленных людей в приходе нет нико. И мне, государь, холопу твоему, будучи на твоей государеве службе в Мангазейском городе, от воровской самаяди быть стало страшно, и твоего государева города и посаду, и тюрьмы оберегать стало некем. И впредь, государь, только будет тем тобольским таким атаманы, как Якову Елизарьеву и ево братьи о том, чтоб беглых людей с собою к Русе на кочи не имать и к Русе не провозить, твоего государева наказания не будет, и им будет и впредь также воровать.

Да в нынешнем же, государь, во 153-м году по твоему государеву указу прислан для сыскных дел в Мангазею письмяной голова Алексей Коковинской да подъячей Парфен Максимов и тобольские служилые люди. И им, государь, Алексею и Парфену и служилым людям для сыскных дел по тобольским ко мне отпискам указано давать подводы: Алексею зимним путем десять подвод, а водяным путем пять подвод, да и подъячему и служилым подводы ж. И здесь, государь, из Мангазеи до Турухансково путь дальней, те подводы, что письмяной голова Алексей Коковинской и подъячей и служилые люди для сыскных дел ходят на Турухан, в одну сторону ставятца в наймех

рублев по сту и больши, а денег в твоей государеве казне нет ничево и зборов нет никаких, потому что збирать не с ково, да и не с чего: торговых и промышленных людей не пришел в Мангазею ни один коч. А что, государь, по твоей государеве грамоте указано прислать из Енисейского острогу в Мангазею на жалованье служилым людям и ружником и оброчником и на всякие мангазейские расходы две тысячи рублей денег, и тех, государь, двух тысяч рублей денег из Енисейского острогу в Мангазею и по се места по 21-е число в привозе не бывало.

На л. 485 об. отметка о подаче: 155 г. октября в 13 день подал тобольской сын боярский Гаврило Костелецкой.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 263. Л. 485—488. Подлинник.

№ 48

1647 г., не ранее августа 31 — 1648 г., не позднее февраля 22.

**Челобитная мангазейского стрельца М. Маркова
с просьбой о пожаловании за службу***

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси
бьет челом холоп твой Тазовского города служилой человек Морозко Марков. В прошлом, государь, во 132-м году был твой государев боярин и воевода князь Юрья Янышеевич Сулешев и прибирал нас, холопей твоих, в Тазовской город в службу. И во 134-м году твои государевы воеводы князь Еуфим Мышецкой да Андрей Волохов посылали меня, холопа твоего, на твою государеву службу на неясашную самоедь в Кровавую реку, и мы, государь, у тое самоеди взяли в аманаты три [человека] и с их родов взяли ясаку два сорока соболей; а преж сего тебе, государю, они ясаку не платили и твоих государевых русских людей побивали, а ныне тебе, государю, ясак платят безпереводно по вся годы.

Да во 135-м году посылан я, холоп твой, для твоего государева ясачного збору в Хантайское зимовье, и я, холоп твой, твоего государева ясаку шесть сороков соболей да в доимке дватцать соболей, да вновь взял два соболя, да... [нрзб] соболя.

Да во 137-м году твои государевы воеводы Тимофей Бобарыкин да Поликарп Полтев посылали меня, холопа твоего, на твою государеву службу в Подкаменную Тынгуску на усть Тетери реки для твоего государева ясачного збору, и твой государев ясак собрал весь сполна да вновь взял с новых

* Датируется по содержанию челобитной и помете.

людей, с чамлян, ясаку пять сороков, а преж сего тебе, государю, они ясаку не плачивали; да взял в аманаты из их роду лутчаго человека именем... [нрзб]

И бил я челом тебе, государю, а челобитную подавал в съезжей избе в Тавровском городе воеводам Тимофею Бобарыкину да Поликарпу Полтеву о той своей службе, чтобы оне писали к тебе, государю, к Москве, и они к тебе, государю, не писывали.

И бил я челом тебе, государю, во 138-м году на Москве подавал я челобитную в Казанской дворец, и ты, государь, меня, холопа своего, пожаловал, велел дати грамоту, про тое мое службишко велел сыскать, и про ту, государь, мое службишко к тебе, государю, писано.

Да во 140-м году посылан я, холоп твой, на твою государеву службу на усть Непы реки для твоего ясажного збору с мычюгирей, и я, холоп твой, на 141-й год ясак взял сполна, да с шамагирей взял твоего государева ясаку шестьдесят соболей, а те, государь, шамагири ясаку не платили три годы.

Да во 143-м году твой государев воевода Борис Иванович Пушкин да дьяк Пятой Спиридонов посылали меня, холопа твоего, на твою государеву службу на Турухан для твоего государева ясажного збору, для судных дел и мирских росправ. И учинил я тебе, государю, во всяких денежных зборах в пошлинных и отпусках с полтритьцать девять рублей семь алтын. А прежде меня был твой государев воевода Григорей Никитич Орлов, и я то над ним прибыль учинил в денежном зборе тебе, государю, да судных пошлин пятнадцать рублей пятнадцать алтын пять денег, да зерни судных дел пошлин пятнадцать рублей...

А служу я, холоп твой, тебе, государю, и поверстан в иноземцеве Иванове месте Гуповсково, а оклад ему, Ивану, был двенатцать рублей, а мне, холопу твоему восемь рублей. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, как тебе, государю праведному, Бог известит для моеи службишка и прибыли и старости, вели, государь, мне в Туруханском зимовье у твоего государева дела у отпусков быти без съезду.

Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

На л. 78 об. помета: 156 г. февраля в 26 день приказал боярин князь Алексей Никитич Трубецкой дати ему грамоту да в Мангазею к воеводе и велети ему быти на Турухане у отпусков до государева указу... [нрзб]

1649 г., марта 5.

**Грамота в Мангазею воеводе Ф. И. Байкову
о ремонте городских стен и построении воеводского двора,
тюрьмы и амбаров**

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси в Сибирь в Мангазею воеводе нашему Федору Исаковичю Байкову. В прошлом во 156-м году послана грамота в Мангазею к прежнему воеводе к Якову Тухачевскому, а велено у Мангазейского города порченые и разломанные места, в стенах городни и башни, покрыть и поделать; а которые городовые стены згорели, и по тому месту поставить острог и укрепить острожными всякими крепостями, и казенные анбары и воеводкой двор и сторожню и тюрьму поставить тутошними мангазейскими людьми и всякими проезжими, и торговыми, и промышленными людьми, хотя не в один год и как мочно, смотря по тамошнему делу, чтоб в том мангазейском городовом и острожном деле мангазейским служилым людям большого оскорбления не было.

И в нынешнем во 157-м году писали к нам из Сибири ис Тобольска боярин наш и воевода Иван Иванович Салтыков с товарищи, а к ним в Тоболеск к боярину нашему и воеводе к Ивану Ивановичю Салтыкову писал из Мангазеи подьячей Яков Иванов, которого послали они ис Тобольска в Мангазею с письменным головою с Андреем Секериным до нашего указа, и прислали под отпискою своею мангазейских служилых и торговых, и промышленных, и всяких жилецких людей за руками челобитные, чтоб нам их пожаловати, велети им тот Мангазейской город строить самим по прежнему нашему указу.

И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б по прежнему нашему указу и по сей грамоте велел в Мангазее у города порченые худые разломанные и роскрытые места, в стенах городни и башни, покрыть и поделать. А которые городовые стены згорели, и по тому месту велел бы еси поставить острог и укрепить острожными всякими крепостями. И казенные анбары и воеводкой двор, и сторожню, и тюрьму поставить тутошними мангазейскими служилыми и проезжими людьми, хотя б не в один год, как чево в котором году мочно зделати, смотря по тамошнему делу, чтоб в том мангазейском городовом и острожном деле мангазейским служилым и жилецким, и проезжим торговым и промышленным людям большово оскорбления не было. И в том бы еси городовом деле однолично никому никакой напрасной продажи и убытков не чинил и посулов и поминков от тово ни у ково ничево не имал никоторыми делы.

Писан на Москве лета 7157-го марта в 5 день.

Публикуется по: Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2000. Т. II. № 464. С. 616—617.

№ 50

1652 г., января 25.

**Челобитная жителей Мангазеи
о состоянии городских церквей***

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси
бьют челом холопи твои Мангазейского города сотник стрелецкой Демка
Тишков, съезжей избы подьячие Петрушка Шмаков, Митька Еутропьев,
Нечка Тимофеев, пятидесятник стрелецкой Ивашко Яковлев сын Тотьма,
десятники стрелецкие Устинко Степанов, Ивашко Сорокин, Шумилко Ор-
темьев да рядовые стрельцы Левка Васильев, Онтонко Аверкиев, Дружин-
ка Нефедьев, Нехорошко Смагин, Васька Максимов, Оська Шутов, Яро-
фейко Петров, Калинка Иванов, Данилко Данилов, Ивашко Петров,
Тренька Михайлов, Федотка Еуфимьев, Петрушка Володимеров, Суханко
Елесеев, Васька Васильев, Марчко Иванов, Микифорко Микифоров,
Ивашко Терентьев, Микифорко Павлов, Васька Сорокин, Лучка Марков,
Мишка Федоров, Яраско Нарманской, Гришка Кондратьев, Офонька Иль-
ин, Тимошка Сечеников, Митька Микитин, Тимошка Петухов, Гришка
Иванов, Дорошка Устинов, Кирилко Кобылкин, Еремка Парфеньев, Иваш-
ко Денисов, Омелька Григорьев, Якушка Моисеев, Васька Четверкин и все
служилые люди Мангазейского города сто человек, да сироты твои Манга-
зейского ж города жилацкие люди Омелька Иванов, Нехорошко Патраке-
ев, Крелко Давыдов.

В прошлом, государь, во 150-м году церковь живоначальные Троицы да
приделы Николы Чудотворца и Бориса и Глеба в Мангазейском городе из-
волом Божиим згорела. И осталось, государь, в Мангазее на посаде две
церквы: церковь Успения пресвятые Богородицы, теплой храм, да храм хо-
лодной Макарья Чудотворца Желтовотцкого. И тот, государь, Успения пре-
святые Богородицы теплой храм ветх, стены и потолки огнили и обломались,
и подперты многими подпоры, и в пределе Усекновения Ивана Преодоотечи
литоргии божии служить нельзе, потому что, государь, все огнило, и престол

* Челобитная датируется на основании сопровождающей отписки воеводы И. С. Корсакова (РГАДА. Ф. 214. Стб. 408. Л. 357).

и антимис и жертвеник в олтаре порушился. А Успенском, государь, во храму служить литургии божии стало со страхом, с великою ж нужею, потому что в олтаре все огнило ж и потолок, и мост колыблется и сверху земля на престол и на жертвеник сыплется, и подпоры потолочные всегда выпадывают, и сверху капь безпрестани бывает.

А то твое царское богомолье строил в прежних годах торговой человек ярославец Аникий Скрипин и с ним торговые люди своими деньгами. А ныне то твое царское богомолье строить стало некем, потому что торговые и промышленные люди в Мангазею из Сибири морем ходить не почали. А в городе, государь, церковь Божия Троица живоначная и пределы Николы Чудотворца и Бориса и Глеба спервоначалья строена твоею царскою казною, а нам, холопам твоим и сиротам, твоего царского богомолья строить стало некем, потому что людишка бедные, торговых и промышленных и жилищных людей в городе нет.

Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй нас, холопей своих и сирот, вели, государь, прислать в Мангазею на свое царское богомолье на строенье церковное своей государевы денежные казны, что ты, государь, изволишь: в городе храм поставить... [нрзб] живоначную Троицу и пределы Николы Чудотворца и Бориса и Глеба по прежнему, а что, государь, за городом на посаде храм Успение пресвятыя Богородицы стоит, и о том храму в том строенье, что ты, государь, укажешь.

Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 408. Л. 481—482. Подлинник.

№ 51

Переписка между воеводой И. С. Корсаковым и Сибирским приказом о строительстве в Мангазее новой съезжей избы

1.

1651 г., не ранее сентября 1 — 1652 г., не позднее августа 20
Отписка И. С. Корсакова в Москву

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси холоп твой Игнашка Корсаков челом бьет. В прошлом, государь, во 159-м году августа в 5 день по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу приехал я, холоп твой, в Мангазейской город на перемену прежнему

воеводы Федора Байкова. И в Мангазейском, государь, городе твоя государева съезжая изба мала и ветха, вся огнила, и в той в съезжей избе твоих государевых дел делать нельзя. А в твоей государеве царе и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси грамоте, какова прислана в Мангазею к прежнему воеводе к Федору Байкову, написано, что велено Мангазейской город и острог, и сторожня, и тюрьма, и воеводской двор строить тутошними мангазейскими служилыми и жилецкими и приезжими торговыми и промышленными, и всякими людьми. А о твоей государеве съезжей избе в той твоей государеве грамоте, как строить съезжая изба, из твоей ли государевы казны или из мирских сборов — и тово ничего не написано. И о том мне, холопу своему, что ты, государь, укажешь.

На л. 377 об. *отметка о подаче*: 160 г. августа в 20 день с мангазейским десятником с Устинком Степановым.

2.

1652 г., августа 31.

Ответ на отписку И. С. Корсакова из Сибирского приказа

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси в Сибирь в Мангазею воеводе нашему Игнатью Степановичю Корсакову. В нынешнем во 160-м году августа в 20 день писал еси к нам, что в Мангазее съезжая изба вся гнила и наших дел делать в ней нельзя. И та съезжая изба наша казною делать или мирскими сборными деньгами, и о том бы тебе указ учинить.

И как к тебе ся наша грамота придет, а съезжая изба в Мангазее будет ветха и сидеть в ней и наших дел делать нельзя, и ты б тое съезжую избу велел сделать мирскими сборными деньгами.

Писан на Москве лета 7160 г. августа в 31 день.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 408. Л. 377, 376. Подлинник.

КОММЕНТАРИИ

№ 1

Текст уникальной грамоты 1525 г. без предыстории ее копирования в Посольском приказе в 1682 г. был впервые опубликован в сборнике документов: Под стягом России. М., 1992. С. 6. Этот небольшой документ дает повод для многих размышлений. Грамота адресована сибирским самоедам, однако к концу XVII в. она хранилась у пустозерских (европейских) ненцев. Но более существенно другое. Как следует из грамоты, еще в начале XVI в. сибирские самоеды являлись страдающей стороной в отношениях с уграми (их «воюет» югорский князь Кутыгей). В XVII в. ситуация, как известно, совершенно перевернулась и северно-угорское население стало объектом для стремительных набегов тундровых самоедов-оленьеводов, предводительствуемых вождями рода Больших Карачеев. Это частное наблюдение говорит в пользу выдвинутого А. В. Головніевым положения о том, что «кочевая оленеводческая культура ненцев сложилась в XVII в.», обеспечив выживаемость ненцев и их определенное военное превосходство над менее подвижными соседями (Головніев А. В. *Говорящие культуры*. — Екатеринбург, 1995. С. 103; Он же. *Кочевники тундры: ненцы и их фольклор*. — Екатеринбург, 2004. С. 87—91).

О реальном значении грамоты Василия III, принявшего в «подданство» сибирских самоедов, за отсутствием соответствующих источников XVI в., судить трудно.

№ 2

Жители Пустозерска, основанного в 1500 г., задолго до похода Ермака и начала правительственной колонизации Сибири промышляли в районах Северо-Западной Сибири и торговали с аборигенным населением. В начале XVII в. московское правительство с удивлением обнаружило, что зауральские ясачные кунные самоеды (казымские лесные) являются должниками пустозерских «торговых мужиков» (среди последних было немало коми-зырян, о чем, в частности, свидетельствует и название «Роговой городок» — возможно, русская калька с зырянского Шурыш-кара).

Упомянутый в документе князец кунных самоедов Ниля зимой 1600/01 г. предоставил оленей для экспедиции кн. М. М. Шаховского, которая двигалась к Тазу с целью основания государева города Мангазея (см.: *Очерки истории Югры*. — Екатеринбург, 2000. С. 163).

№ 3

Хотелось бы оспорить существующее в научной литературе единодушное мнение, что события 1607 г. в Березовском уезде носили характер реального восстания со стороны остяков уезда и обдорских самоедов. Приведем наиболее авторитетные интерпретации данных событий:

«В 1607 г. князь Василий (Обдорский. — *Е. В.*) в союзе с ляпинскими и казымскими хантами напал на Березов» (Бахрушин С. В. *Научные труды*. М., — 1955. Т. III. Ч. 2. С. 136);

«Итак, борьба в Березовском уезде носила совсем иной характер, чем это изображал в своей отписке березовский воевода (имеется в виду комментируемый документ —

Е. В.). Двухмесячная осада, в которой восставшие «ясачные люди» держали город Березов вместе с находившимися там служилыми людьми, говорит о том, что в Березовском уезде имело место именно восстание, а не просто рост недовольства или подобные пассивные формы борьбы» (Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606—1607. — М., 1951. С. 559);

А. Т. Шашков говорит о том, что во время восстания «Обдорский острог с его немногочисленным гарнизоном был, судя по всему, уничтожен. Березов, обложенный со всех сторон двумя тысячами повстанцев, сумел выдержать двухмесячную осаду (весной 1607 г. — Е. В.). Отступив от города и разойдясь по своим юртам, участники движения решили подготовиться более основательно и в конце июня повторить свою попытку» (Очерки истории Югры. С. 149);

«В ... 1607 г. обдорский князь Василий и куноватско-ляпинский князь Шатров Лугуев в союзе с остяками Березовского уезда, при поддержке пелымских вогулов, сургутских остяков и самоедов, учинили «большую измену» — отрядом до 2000 человек подошли к Березову и два месяца осаждали город» (Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. — Екатеринбург, 2004. С. 42).

Комментируемая отписка воеводы Черкасского, поступившая в Москву 5 сентября 1607 г. (подчеркиваю — именно поступившая, а не отправленная этим числом из Березова), не дает, как совершенно очевидно, оснований говорить о какой-либо осаде Березова и существовании объединенного повстанческого войска остяков и самоедов. Фундаментальным для приведенных выше построений является другой документ — грамота царя Василия Шуйского от 10 января 1608 г. о пожаловании казаков Березовского гарнизона (Миллер Г. Ф. История Сибири. — М., 2000. Т. II. № 72. С. 240). Грамота является реакцией на коллективное челобитье березовских казаков, в которой они указали: «Как де изменили Березовского уезда все ясашные люди, и они де в те поры на Березове сидели в осаде два месяца, и около города ров копали, и во рву острог ставили, и город крепили, и Божьею милостью многих изменников переимали; и нам бы за их службы и за городовое дело пожаловать нашим великим жалованьем сверх годового». Ответ на эту челобитную был положительным: «И мы Березова города всех служилых людей пожаловали: велели им дати нашего жалованья за городовое дело, сверх годового, по полтине человеку».

Итак, березовские казаки указали, что они «сидели в осаде» и одновременно копали ров, который заполняли стоячим заостренным частоколом; одновременно же они укрепляли городовые стены самого Березова. Эта «осада», если Березов действительно был обложен повстанческим войском аборигенов, с любой точки зрения выглядит странной. О боевых действиях под стенами Березова в грамоте Василия Шуйского ничего не говорится (стоит обратить внимание на то, что жаловались казаки полтиной «за городовое дело»).

Я бы предложил следующую интерпретацию событий «восстания» 1607 г. Весной 1607 г. среди ясачного населения Березовского уезда созрел масштабный заговор, инициаторами которого были «лучшие люди» волостей, в том числе и князь Василий Обдорский (замечу, что представители туземной элиты, безусловно, знали о шатком положении царя Василия Шуйского, чьи войска в это время вели борьбу

с войсками И.И. Болотникова). Однако грозная рать в 2000 повстанцев существовала только в планах заговорщиков, которые надеялись собрать такое количество людей к концу июня 1607 г., в 15 верстах выше Березова, с целью «к городу приступить». Вероятно, зимой-весной 1607 г. имели место убийства отдельных русских ясачных сборщиков и промышленных людей. Вследствие предательства (кодский князь Онжа Юрьев, Мамрук Васильев и др.) березовскому воеводе Черкасскому удалось к середине июня захватить инициаторов заговора. Для поимки «пущих воров» воевода рассылал по волостям небольшие отряды казаков, а в Обдорскую волость были посланы 50 служилых остяков Коды во главе с казаком Иваном Рябым (РГАДА. Ф. 214. Стб. 203. Л. 47). В то же время воевода принял меры предосторожности на случай реальной осады Березова: именно летом 1607 г., пока в Москву шла отписка Черкасского о ликвидации попытки восстания, основная часть березовского гарнизона копала ров и укрепляла городские стены. Пресловутые «два месяца осады» являлись только подготовкой к ней.

Как уже говорилось, сообщение Черкасского было получено 5 сентября, но только 28 октября на него последовал ответ, что легко объяснимо: 10 октября 1607 г. войска Шуйского взяли Тулу, покончив тем самым с восстанием Болотникова. Теперь московское правительство могло обратить внимание и на далекие сибирские дела. По указу царя князь Василий Обдорский был повешен в Березове, и его тело, в целях устрашения, продолжало оставаться на виселеце в течение трех лет (Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. Ч. 2. С. 136). Что касается участия в заговоре тундровых ненцев, то сколько-нибудь достоверных сведений об этом не имеется, хотя настойчивое желание остяков привлечь их к своему выступлению несомненно.

№ 4

Николин вешний день — 9 мая. Троицын день (Пятидесятница) — через 49 дней после Пасхи.

Начало Петрова поста зависело от переходящего праздника Пасхи; пост мог продолжаться от 8 до 42 дней и заканчивался 28 июня.

О роде ясачных самоедов Итилидки Тынгина, приписанных к зимовью Леденкин шар, см.: Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. Ч. 2. С. 8, 10.

№ 5

Содержание данного документа тесно связано с предыдущим и перекликается с док. № 2. Он подтверждает давние связи жителей Пустозерска с Зауральем. Выходец из Пустозерска Венедикт (Ледешка) Кирилов, служивший в 1636 г. в мангазейских стрельцах, хорошо знал тундровые дороги между Мангазеей и Обдорском, свободно владея зырянским и ненецкими языками. К Надымской губе двух гонцов воеводы Пушкина доставил тазовский ясачный самоед («лучший человек») Итилидка Тынгин, чей племянник Совка содержался в аманатах в Мангазее. Как следует из челобитной племянника Венедикта Кирилова, убийство гонцов

произошло в земле «карачейских самоедов». Приведенный далее перечень антирусских деяний тундровых ненцев во главе с родом Большие Карачеи находит подтверждение в других документальных источниках. Любопытно, что челобитчик Михаил Кондаков довольно неплохо разбирался в родах и вождах тундровых самоедов. Интересно указание на то, что остяцкий князь Обдорской волости Молик (сменивший к этому времени своего отца Мамрука Васильева) был хорошо осведомлен о разбойных действиях «немирной воровской самоеди» (юраков) и тайно скупал у самоедов имущество, взятое с разбитых кочей или отбитое у русских служилых и промышленных людей.

№ 6

Грамота составлена в стенах Сибирского приказа, адресована воеводам всех сибирских городов и является реакцией на челобитную торгового человека М. Кондакова об убийстве его дяди самоедами (см. док. № 4 и № 5). Особенно в ней подчеркнут пункт о поимке и допросе Молика Обдорского и его дяди Дурака Корзепова. Судя по дальнейшим событиям, грамота какого-либо реального значения не имела.

№ 7

Публикуемый фрагмент из обширного дела о злоупотреблениях пустозерского воеводы И. П. Лошакова акцентирует внимание на конкретных деталях обширного набега карачейских самоедов на Пустозерский уезд в 1642 г., на что в предыдущей литературе почти не обращалось внимания. Набег носил столь серьезный характер, что пустозерский воевода Неплюев срочно запросил военной помощи у двинского воеводы. Стоит обратить внимание на то, что в данное время Пустозерск не имел даже острожных укреплений (воевода «от тое самоеди во дворех отсиделся с пустоозерцы с посадцкими людьми»).

Принимавший активное участие в погроме Пустозерского уезда Хаска Хулеев (видимо, брат знаменитого карачейского вождя Пося Хулеева) зимой 1651/52 г., направляясь в Москву, заехал в Пустозерск. В частности, самоеды хотели «поплатиться долгами» с жителями Пустозерска, в возмещение грабежей 1642 г. Однако очередной местный воевода Лошаков, польстившись на самоедские меха, предназначенные царю, князю Хаску и его трех товарищей запытал до смерти; только один человек из этого посольства был почему-то отпущен в тундру. По этому поводу возникло сыскное дело, и самого Лошакова ожидало суровое наказание (подробнее см.: Вершинин Е. В. Сыск 1653 г. о пустозерском воеводе Лошакове // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI—XX веков. — Новосибирск, 1999. С. 153—157).

№ 8

Публикуемые 4 челобитные остяков Обдорской, Куноватской, Сосвинской и Казымской волостей — документы в делопроизводстве Сибирского приказа довольно редкие. В них аборигены севера Березовского уезда указали на причину

большого голода и, как следствие этого, невозможность выплаты ясака в регулярном виде и положенном количестве. Причина эта заключалась в большом разлитии Оби (с 1631 г.) Вследствие этого соровые места и обские пески оказались для рыболовства недоступны. Обдорские и куноватские остяки добытую рыбу и рыбий жир меняли на меха у тундровых самоедов и тем уплачивали ясак. У сосвинских и казымских остяков был, помимо рыболовства, свой «леший» промысел — добыча белки, тоже шедшая в счет ясака. Однако с 1641 г. популяция белки «сошла неведомо куды» (современные биологи могут привести подобные примеры). Северные остяки просили московское правительство об отсрочке в уплате ясака и, что особенно примечательно, о выдаче им в долг хлеба из казенных запасов.

К сожалению, реакция Москвы на эти челобитные мне неизвестна.

№ 9

Документ довольно подробно излагает историю о том, как летом 1643 г. в Мангазею направлялись два дощаника с хлебными запасами и солью. Однако встречного из Мангазеи коча, куда надо было перегрузить запасы, в Обдорске не оказалось. Плоскодонные речные дощаники по Обской губе, как известно, ходить не могли (подробнее см.: Вершинин Е. В. Дощаник и коч в Западной Сибири (XVII в.) // Проблемы истории России. Вып. 4. — Екатеринбург, 2001. С. 87—131). Поэтому служилые люди во главе с Иваном Михайловым выгрузили мешки в Обдорске и сложили в амбарах. Зимовка в маленьком Обдорске оказалась, видимо, скучной. Приезжие тундровые самоеды скрасили ее своеобразным образом. Как выяснилось позднее, появившиеся самоеды начали вполне мирно торговать с тобольскими служилыми. Последние выменяли у них на муку 10 оленьих постелей, а на следующий день, на муку же, — «самоядскую девку». Вполне понятно, что этим же вечером возле хлебных амбаров не оказалось ни одного караульного (служилые люди подобную оплошность мотивировали тем, что они удалились в избу ужинать). Самоеды «за щитами» подступили к жилой избе, заматали снегом окна и двери, после чего разграбили хлебный амбар, унеся 15 мешков. Дальнейшая переписка между воеводскими властями по поводу этого случая довольно прозрачна и комментариев не требует.

Стоит обратить внимание на постройки Обдорского острожка, какими они предстают из данного документа. Здесь зафиксированы жилые дома и амбары, но отнюдь не острожные укрепления (частокол, башни). По моему мнению, в 1640-х гг. никаких городских и острожных укреплений Обдорск не имел. Скорее всего, сами жилые и хозяйственные постройки, расположенные квадратом или прямоугольником, составляли естественное оборонительное укрепление (примеров крепостей-зимовьев для Сибири XVII в. найдется немало).

№ 10

О гибели в Обской губе каравана кочей, на которых плыл в Мангазею дьяк Григорий Теряев, см. док. № 33 в настоящем сборнике.

Данный документ интересен тем, что в нем упоминается Надым (Надымский городок), самое северное для того времени остяцкое поселение. Любопытно, что русские

ясачные сборщики не рисковали сами посещать Надым; зато путь туда был открыт обдорским князьям, куда они ездили призывать тундровых самоедов для сдачи ясака. Вообще, Надымский городок выступает как аккумулятор слухов о всех событиях, которые происходили на просторах тундр от Северного Урала до низовьев Таза.

В последние годы Надымский городок подвергается активному археологическому обследованию экспедицией под руководством О. В. Кардаша.

№ 11

Документ чрезвычайно любопытен уникальным известием о пиратских нападениях «немирных самоедов» на русские кочи («наезжая на море и по Тазу реке, к кочам приступали»). В других документах речь обычно идет о нападениях карачейских самоедов на уже разбитые и выброшенные на отмели кочи. Это ставит вопрос о водных средствах передвижения тундровых ненцев, чьи лодки осмелились атаковать кочи, достигавшие в длину до 25—30 м. Возможно, смелости самоедам придали три предшествующих 1645-му года, когда караваны кочей с казенным хлебом не дошли до Мангазеи. Предлогом для нападения могла послужить стратегическая мысль об уничтожении самой Мангазеи путем голодной блокады.

В данном документе отмечен редкий для XVII в. факт смешанного брака: представительница рода пеков-пяков (который русский источник относит к юрацкой самояди) была замужем за неким мангазейским стрельцом Анисимом. Пожив (видимо, после смерти мужа) среди своих родственников, женщина вместе «с ребятишками русскими» стала проситься в Обдорский острожек, куда ее и повезли.

№ 12 — № 17

История с захватом в аманаты (заложники) лучшего князца Большого Карачейского рода (а фактически — предводителя всех сибирских тундровых самоедов в середине XVII в.) Пося Хулеева довольно известна в специальной литературе. Некоторую запутанность хронологии сюжетов, связанных с этой знаменитой историей, придает то обстоятельство, что Пось Хулеев в течение короткого времени дважды оказывался аманатом в Березове, в чем в Москве не сразу разобрались (если вообще разобрались). Чтобы не повторяться, сошлюсь на специальные работы, основанные во многом на публикуемых источниках: Бахрушин С. В. Самоеды в XVII в. // Он же. Научные труды. Т. III. Ч. 2. С. 11; Он же. Ясак в Сибири в XVII в. // Там же. С. 66—67; Вершинин Е. В. Русская власть и сибирские самоеды в XVI—XVII вв. // Вестник НГУ Серия: История, филология. Т. 2. Вып. 2: история. — Новосибирск, 2003. С. 14—17.

Публикуемые документы со всей очевидностью говорят о тесных контактах между тундровыми самоедами-оленоводами и остяками Обдорской волости. Последние улчили воеводу М. С. Лодыженского в подтасовке фактов, когда он победно рапортовал в Москву о том, что по причине захвата трех аманатов из карачейских самоедов вдруг «сыскалось» 2000 ненцев, ранее уклонявшихся от уплаты ясака. На самом деле, как писали остяки, «той, государь, карачейской самояди всех и с началу не бывало двух тысяч человек и нынеча нет ни осьмисот человек — и худых

и добрых». По подсчетам Б. О. Долгих, в 1695 г. ясак заплатили 1168 обдорских самоедов, что, учитывая подвижность северных кочевников, вполне коррелирует с цифрой, названной их соседями в 1652 г. (Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М., 1960. С. 73).

Было бы полезно привести выявляемую по источникам родословную вождей из рода Больших Карачеев (как считают исследователи — Харючи).

Грамота Василия III 1525 г. — князь Карачей Седа;

1633 г. — набег на казымских самоедов карачеев под предводительством братьев Трясоголова и Пидириски.

1641 г. (из челобитной М. Кондакова) — представители Больших Карачеев Немчин, Хиян, Малой, Хозка, Трясоголов, Урей.

1642 г. (погром Пустозерского уезда) — Хулейка с детьми: с Поскою, Едурейком, Немчинкой, Хаскою. Хулейка — брат Пидириски.

1650—1660-е гг. Лучший князец Больших Карачеев Пось Хулеев.

1678 г. — осада Обдорска самоедами под предводительством Маулки и Игонки Посевых.

1679 г. — нападение на Хантайское зимовье в Мангазейском уезде Корючи Хынина (Хыня-Хена — старший брат Пося Хулеева).

1696 г. — Одычко Немчинов во главе 400 воинов нападает на ясачных самоедов.

Наконец, 1736 г. «Еней, прозванием Комар, роду Оды».

О моем предположении о происхождении рода Ненянг (Комар) от Больших Карачеев XVII в. см.: Вершинин Е. В. Обдорские самоеды и экспедиция лейтенанта Д. Л. Овцына // Самодийцы. — Тобольск; Омск, 2001. С. 98—99.

№ 18 — № 19

Документы повествуют о судьбе разбившегося коча и интересны сообщением о том, что еще до 1656 г. русская администрация пыталась бороться с «воровской немирной самоядья», посылая в Обскую губу в летнее время суда со служилыми людьми. Зимой, как известно, оленных кочевых ненцев ни догнать, ни поймать было невозможно. Летом же тундровые ненцы выезжали «край моря» и на острова для ловли рыбы.

Надымский городок здесь опять выступает как некий аборигенный центр, в котором легче всего узнаются новости со всей тундры.

Замытый на кошке коч, который видели самоеды недалеко от устья Таза, летом 1656 г. шел из Мангазеи к устью Оби. Вместе с ним шел другой коч, перевозивший собранную в Мангазее «соболиную казну» (меха). Коч с соболиной казной, не сумев преодолеть встречных ветров, благополучно вернулся в Мангазею. А фигурирующий в публикуемых документах коч (на котором, кстати, было 40 человек) выбросило на берег. Какая-то часть людей погибла от стрел ненцев, остальным, видимо, все-таки удалось пешком добраться до Мангазеи. По крайней мере, документы ничего не говорят об истреблении самоедами столь значительного отряда в 40 человек (Вершинин Е. В. Дошаник и коч в Западной Сибири. С. 116).

№ 20

Под одним номером здесь объединен комплекс из пяти документов, относящихся к попытке антирусского заговора остяков Березовского уезда и воеводской переписке по этому поводу.

Как ясно из материалов сыска воеводы Давыдова, заговор начал зреть еще с 1661 г. Причина недовольства, как всегда, упиралась в лихоимство и злоупотребления ясачных сборщиков и представителей воеводской администрации, но сами замыслы будущих повстанцев не могли не поражать своей масштабностью и являлись отголоском событий, происходивших на юге Западной Сибири. Зимой 1663 г. под пыткой кодский остяк Анка Конжиков показал: «А зачалась де у них та шатость и измена во всех городках Тобольского разряду и Томского разряду ж в прошлом во 169-м году, и от царевича де от Кучюмова та ссылка о той измене с ними была в том же в прошлом 169-м году. А положили де они на том все и ссылались о том во все города, что в нынешнем во 171-м году, летом, придти подо все сибирские города и города взять, а служилых людей побить. А под Тоболеск де летом [...] придти царевич Кучюмов с калмаки и с татары и с башкирцы, и Тоболеск де хотят взять и служилых людей побить. И договорились на том, что быть де царевичю Кучюмову в Тобольску и владать ему всюю Сибирью и ясак де платить со всех городов сибирских тому царевичю Кучюмову. А приговорили де Березовского уезду всех волостей остяки, что быть де в Березове и владеть Березовым Обдорскому князю Ермаку Мамрукову и ясак де платить Березовским уездом всем ему же, Ермаку».

Все эти сладостные мысли были занесены на Обской Север мусульманами — бухарцами и татарами, которые выступали в роли тайных агентов потомков хана Кучума (русские документы иронично называли многочисленных Кучумовичей «бродячими царевичами»). Летом 1662 г. в Зауральской Башкирии начались антирусские военные действия, в которых на стороне башкир выступили калмыки. К восстанию, не имея реальных сил, но имея высокий титульный статус, присоединились нищие царевичи Кучумовичи. Башкирское восстание стало для Кучумовичей последней надеждой на возрождение Сибирского ханства. Один из них, Девлет-Гирей, видимо, и намеревался править «всей Сибирью» из Тобольска. Березовским севером, под рукой Девлет-Гирея, должен был владеть обдорский князь Ермак Мамруков (см.: Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. Ч. 2. С. 136; Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662—1664 гг. // Исторические записки. Т. 24. — М., 1947. С. 30—110). Чем выплата ясака татарскому царевичу была приятней ясачного обложения со стороны русских, остается некоторой загадкой.

Допросы остяков, которые проводил березовский воевода Давыдов, надо читать очень внимательно. Так, совершенно очевидно, что Пось Хулеев, несмотря на многие уговоры, отказался присоединить своих кочевников к хантыйским воинам (хотя и не спешил донести о зреющем заговоре русским властям). Взятие Пустозерска ненцами в 1662 г. — чистой воды миф. Он родился из допроса обдорского остяка Смагина Щеголдаева: «А пустозерская де самоядь в нынешнем во 171-м году, зимою, Пустозерской острог взяв, сожгли, воеводу и всех служилых людей побили. Да и в Монгазее де ясачных сборщиков, которые были в зимовье для ясачного сбору

служилые люди, самоедь всех побила, и промышленных людей на промыслах в Монгазеи всех побили ж». Нелишним будет отметить, что Смагин Щеголдаев был «лучшим человеком» Надымского городка (Смагинко Щеголков, см. док. № 15). Под пытками он передавал только смутные слухи, переносимые самоедами по огромным пространствам приуральской и сибирской тундр, — отсюда его «глубокие» знания о событиях и в Пустозерском, и в Мангазейском уезды. Впрочем, дыма без огня не бывает. Как следует из челобитной жителей Пустозерска, в 1661 и 1662 гг. они подверглись грабежам со стороны пустозерских же ненцев (Терентьев А. Погромы ненцами ясачной казны в 1641 и 1642 гг. // Сов. этнография. 1933. № 5—6. С. 69). Но эти факты еще не означали масштабного погрома самого города с истреблением гарнизона.

Проведя следствие, воевода Давыдов самостоятельно, без ссылки с Тобольском и Москвой, поспешил повесить 18 заговорщиков (в том числе и князя Ермака Мамрукова). Действия Давыдова вызвали недовольство как у тобольского воеводы, так и в Москве. По официальным наказам сибирским воеводам запрещалось выносить и осуществлять смертные приговоры представителям аборигенного населения. В конце XVII в. это положение было подтверждено указом от 26 декабря 1695 г., согласно которому местным сибирским органам власти запрещалось применять пытки и смертную казнь «без ведома государя» (Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). — Екатеринбург, 1998. С. 124—125).

№ 21

Данный документ мне уже приходилось комментировать, возражая против его устоявшейся неверной интерпретации в научной литературе. Союзный набег самоедов Пося Хулеева и остяков Гынды Моликова (последний стал обдорским князем после казни Ермака Мамрукова) на Пустозерский уезд ни в коем случае нельзя считать антирусской акцией. Это воинство мобилизовал березовский воевода кн. П. А. Гагарин, придав ему отряд из 22 казаков. По сведениям Гагарина, пустозерский самоед Елиня с сородичами был виновен в нападении на березовских остяков. Отринув путь бюрократической переписки с пустозерским воеводой Нееловым, Гагарин собрал разношерстное войско, которое и должно было захватить Елиню. Само собой, что обдорские остяки и самоеды по ходу выполнения операции не удержались и от грабежа собственно пустозерцев, изрядно напугав последних. Так что замысел недалековидного Гагарина в конечном итоге принес русской власти больше вреда, чем пользы (Вершинин Е. В. Русская власть и сибирские самоеды в XVI—XVII вв. С. 18).

№ 22

Самое загадочное в комментируемом документе — причина небывалой до того вражды между тундровыми ненцами и остяками Обдорской волости. В течение 6 дней самоеды во главе с сыновьями Пося Хулеева осаждали Обдорский острожек (в ноябре 1678 г.), где находился небольшой отряд русских ясачных сборщиков и успевшие там укрыться остяки Гынды Моликова. Возможно, причиной войны послужили

непомерные амбиции обдорского князя, о которых нам, к сожалению, ничего не известно. Стоит обратить внимание на заявление Маулки Посева: «которые де остяки и самоедь к их воровству не пристанут, и они де их всех побьют и пойдут Березовского уезду в иные верхние городки ясачных людей разорять, а разоря де и пограбя, пойдут в Мангазею и побьют русских людей». О какой Мангазее говорил самоедский вождь? Старая Мангазея на Тазе была оставлена администрацией и жителями в 1672 г. Вполне вероятно, что факт запустения русского города, который 70 лет контролировал районы между Надымом и Тазом, был воспринят воинственной карачейской ордой как знак своей победы. С нападением на Обдорский острожек соотносится известие об изгнании из Мангазеи остававшихся там ясачных сборщиков: «А во 187-м (1678/79) году те служилые люди из прежнего города Мангазеи от шатости юрацкой самоеди выехали и город оставили пуст» (РГАДА. Ф. 214. Стб. 731. Л. 167).

Можно предположить, что к 1670-м гг. Обдорск уже приобрел какие-то укрепления, которые не смогли преодолеть 400 лучников-самоедов. Но следует заметить, что существующие ныне реконструкции Обдорского острожка XVII в. не опираются ни на какие достоверные письменные или графические источники.

№ 23

Грамота Бориса Годунова пинежанам и мезенцам о свободном использовании Мангазейского морского хода, промысле пушного зверя на Тазе и Енисее и торговле с самоедами давно озадачивает исследователей. Дело в том, что в Головинской редакции Сибирского летописного свода сохранилось следующее известие: «... посыланы были при царе Федоре Ивановиче во 106 (1597/98) году в Мангазею для проводывания и ясак збирать Федор Дьяков да с ним целовальники ис Тобольска Захар Яковлев да Докучай Иванов. И они в Мангазее были и первый ясак на государя взяли и к государю к Москве привезли во 108 (1599/1600) году» (ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. М., 1987. С. 191). О личности Федора Дьякова фактически ничего неизвестно, но М. И. Белов явно фантазировал, когда «приписывал» ему то чин думного дьяка, то дьяка приказа Казанского дворца (см.: Белов М. И. Мангазея. — Л., 1969. С. 31; Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. — М., 1980. С. 35). По сведениям Я. Г. Солодкина, в 1592 г. Ф. Дьяков принадлежал к алексинским детям боярским (Солодкин Я. Г. Воеводы и письменные головы Мангазеи первой половины XVII века (новые материалы) // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Вып. 4. — Тюмень, 2001. С. 19. Примеч. 36). С другой стороны, в 1627 г. известен тульский дворянин по выбору с окладом в 300 четей Прокофей Федоров сын Дьяков (Боярская книга 1627 г. — М., 1986. С. 130). В любом случае Дьяковы на рубеже XVI—XVII вв. принадлежали к мелкопоместному дворянству и в состав высшей московской администрации не входили.

Есть косвенное свидетельство, что поход Ф. Дьякова в земли «Мунгазеи» действительно имел место. Сохранилась царская грамота от 12 декабря 1597 г., адресованная будущим строителям Верхотурья В. П. Головину и И. В. Воейкову, в которой

им указывалось: «А которым нашим ратным людям идти в Мунгазею, и под тех ес-те наших ратных людей велели зделать три кочи, распрося вымич ратных людей Васьки Тарабукина с товарищи, которым идти в Мунгазею, каковы кочи будет им надобе для морсково ходу» (СПбО АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 2. Л. 17). Скорее всего, Ф. Дьяков еще не успел вернуться в Москву, когда Борис Годунов в январе 1600 г. поспешил выдать грамоту поморам на свободу соболиных промыслов в Тазовских районах. Видимо, под влиянием рассказов Дьякова весной 1600 г. было принято решение об основании на Тазе государства острога Мангазея.

В комментируемом документе под «Мунгазейей» понималась географическая область, а не город, который был основан в 1601 г. Еще русское сказание конца XV в. «О человецех незнаемых в Восточней стране» начиналось словами: «На Восточней стране за Югорьскою землею над морем живут люди самоедь, зовомые молгонзеи» (Плигузов А. Текст-кентавр о сибирских самоедах. — М., 1993. С. 78, 84). Подробней о происхождении названия города Мангазеи от названия одного из местных самодийских родов см.: Вербов Г. Д. О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в. // Известия ВГО. Т. LXXV. Вып. 5. — М., 1943. С. 16—23.

№ 24

Комплекс документов, раскрывающих историю официального запрещения Мангазейского морского хода из Поморья на Таз, представляет большой интерес. Комментировать их детально не имеет смысла хотя бы потому, чтобы не лишить исследователей удовольствия самостоятельно разобраться в этом важном сюжете истории Севера нашей страны. Останавлиюсь лишь на некоторых моментах.

По Мангазейскому морскому ходу ходили кочи — одномачтовые палубные парусно-гребные суда, приспособленные как для морских, так и для речных плаваний. Этимология слова «коч» до сих пор не имеет однозначного толкования, а само судно появилось, скорее всего, не ранее конца XV — первой половины XVI в. Особенности конструкции и оснастки коча до сих пор являются предметом дискуссий, поскольку в допетровское время корабли не строились по чертежам. На помощь словесным описаниям кочей (из документов XVII в.) сейчас приходят археологические материалы из раскопок Мангазеи, где уже найдено значительное количество фрагментов судовых деталей. Из имеющейся научной литературы о кочах, ходивших именно в Мангазею, можно указать на: Белов М. И. Арктические плавания и устройство русских морских судов в XVII веке // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. — М.; Л., 1951. С. 63—80; Он же. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. — М., 1956. С. 188—214; Вершинин Е. В. Коч и русское освоение Западной Сибири (конец XVI—XVII вв.) // Полярный архив. Т. 1. — М., 2003. С. 72—109; Ципоруха М. И. Российские мореходы. — М., 2003. С. 63—82, 157—178.

Реконструкцией коча на основе археологических находок, сделанных в свое время в Мангазее и в последующем на островах Шпицбергена, активно занимается В. Ф. Старков (см.: Дубровин Г. Е., Окорочков А. В., Старков В. Ф., Черносвитов

П. Ю. История северорусского судостроения. — СПб., 2001. С. 194—275; Старков В. Ф. Очерки истории освоения Арктики. Т. II. Россия и Северо-Восточный проход. — М., 2001).

Если внимательно вчитаться в документы, то приходишь к убеждению, что запрещение морского пути из Поморья в Обскую губу — дело рук и мыслей тобольского воеводы кн. И. С. Куракина, а отнюдь не устоявшегося еще московского правительства царя Михаила Романова (о чем, впрочем, в грамоте Куракину так и сказано: «А положили мы в том морском монгазейском ходу и всякие наши дела на тебя, боярина нашего и воеводу на князя Ивана Семеновича...» Московские приказные дельцы (не говоря уж о царе) имели самые смутные представления о северных берегах своей страны. Князь Иван Семенович обладал большими познаниями в северной географии и потому маниакально боялся прорыва европейских судов к устьям Оби и Енисея. Почему? Кн. И. С. Куракин активно участвовал в событиях Смуты начала XVII в.: служил Лжедмитрию I, затем вместе с В. И. Шуйским и В. В. Голицыным возглавил против самозванца заговор. С этих пор Куракин был верен законным правителям Московского государства — Василию Шуйскому, земскому правительству, Михаилу Романову, — отличившись в сражениях с Тушинским вором и «лисовчиками» (Тобольский архиерейский дом в XVII веке. — Новосибирск, 1994. С. 257). Уже за всем этим проглядывает некий патриотичный настрой Ивана Семеновича или, может, его оборотная сторона — ксенофобия.

В 1614 г., за полтора года до воеводства в Тобольске, судьба столкнула Куракина с англичанином, довольно известным в русской истории. Речь идет о Джоне Меррике, который в 1573 г. приехал с отцом в Россию и со временем стал влиятельным торговым агентом знаменитой «Muscovy Company». В 1602 г. Меррик был даже в Москве посланником королевы Елизаветы. В период междуцарствия он выехал в Англию и выдвинул там проект установления политического протектората Англии над русским Севером; с целью зондирования этого проекта он был послан в 1613 г. королем Яковом в Архангельск, но, узнав об избрании на престол Михаила Романова, вернулся в родной Альбион (Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI — XVII веках. Борис Годунов. — М., 1999. С. 67). В августе 1614 г. Джон Меррик снова в Москве, в качестве доверенного лица английского короля. Первоочередной задачей Меррика было обговорить участие Англии в посреднических переговорах между все еще воевавшими Россией и Швецией. Но не это нас сейчас интересует, а те торговые интересы, которые высказал Меррик в отношении России. Переговоры с Мерриком вел боярин князь Иван Семенович Куракин. Среди разговоров о политике англичанин настойчиво просил, чтобы его соотечественникам было позволено ездить по Волге в Персию, а по сибирской Оби в Индию. «Мы думаем, что дорога Обью рекою отыщется и станут английские и русские люди в Индию ходить, и такие прибыли царской казне будут, каких прежде не бывало...» — вот что услышал Куракин от хитрого Меррика (цитирую по: Соловьев С. М. Сочинения. Кн. V — М., 1990. С. 67). Кратко говоря, ко времени тобольского воеводства Куракин отлично осознавал отчаянное желание европейцев проникнуть в Сибирь в поисках сказочно богатых восточных стран. Но и сама Сибирь, огромный

сундук с мехами, представляла большую ценность. Окончательно Куракина, уже в Тобольске, смутил торговый человек Кондратий Куркин, из слов которого боярин понял, что морским ходом от Архангельска до Мангазеи можно добраться за 4 с половиной недели. Проявив упорство, Куракин за 3 года сумел убедить московское правительство, что старинная поморская дорога в Северо-Западную Сибирь в любой момент может оказаться в руках предприимчивых европейцев. И запретил царским именем ходить Карским морем через волоки Ямала в Обскую губу. К середине XVII в., со смертью старых кормищиков, Мангазейский морской ход стал отходить в область легенды.

Наконец, следует остановиться на сведениях док. № 24—4 о загадочном народе няромза, который русские промышленники видели на некоем острове, расположенном напротив устья р. Пясины. Дело в том, что это название в русских и английских источниках XVI—XVII вв. соотносится в основном с западным побережьем полуострова Ямал. Часть Карского моря, омывающая западный Ямал, — это Няромское море, о чем поморы сообщали английским морякам еще в середине XVI в. и о чем хорошо знал в 1630-е гг. мангазейский воевода А. Ф. Палицын (см. док. № 31 в настоящем сборнике). Nagamsay — это и река где-то на Ямале, и мыс, куда, по сведениям зимовавшего в 1611/12 г. в Пустозерске англичанина В. Персглоу, пустозерцы отправляют ладьи для торговли с самоедами (Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Т. 1. XIII—XVII вв. — Иркутск, 1932. С. 192, 223). Спутник Персглоу Джосиас Логан, собиравший географические сведения от пустозерцев, утверждал, что Енисей («хорошая и большая река») тоже впадает в море *Naromzie* (Там же. С. 212). Няромза — название, с которым столкнулись первые поморы, проникшие на Ямал и в Северо-Западную Сибирь в эпоху, недоступную существующим письменным источникам. Как мне представляется, этот многоликий термин (гидроним, топоним, этноним) подводит нас к интереснейшей этнографической загадке древнейшего автохтонного населения, оставившего свои следы от Ямала до Таймыра.

№ 25

В связи с запрещением путей из Поморья в Обскую губу через волоки Ямала и перевалы Северного Урала московское правительство решило организовать служилые заставы на р. Сось (левый приток Оби) и в самой середине полуострова Ямал (на волоке между реками Мутной и Зеленой — современные Мордыха и Сёяха). Собская застава, где вскоре появилась таможенная служба, была организована без труда. Построить же острожек на Ямале, в безлюдном месте и безлесой тундре, оказалось делом заведомо безнадежным. Тем не менее такие попытки со стороны тобольских воевод в 1620-е гг. предпринимались неоднократно (см. док. № 27, 28, 30). Документы о походах служилых людей на Ямал интересны подробностями об уровне судовождения данного времени и условиях плавания по Обской губе.

№ 26

Этот документ неоднократно цитировался в специальной литературе. Огромную ценность ему придают подробные описания условий прохождения по Мангазейскому морскому ходу, которые были записаны в Тобольске в 1623 г. со слов поморских промышленников, еще отлично помнивших все свои экспедиции.

Хочется обратить внимание на единодушные заявления поморских мореходов, что «большим морем» пройти к устьям Оби и Енисея нельзя; по крайней мере, на их памяти таких случаев не было («и впредь де они все торговые и промышленные люди и самоядь немецких людей в Монгазею кораблями и иными никакими судами приходу не чают же, потому что от Карские губы в Обское устье и в Енисею, и в Пясиду с моря от великих и непроходимых льдов проходу нет»). Поэтому вызывают удивление источники сведений В. Ф. Старкова, когда он в своей книге уверенно обозначает на карте морской маршрут от устья Северной Двины вокруг полуострова Ямал в Обскую губу и к устью Енисея (обозначив его как «Енисейский морской ход»; см.: Старков В. Ф. Очерки истории освоения Арктики. Т. II. С. 27). Ни один из известных мне источников XVI—XVII вв. не говорит, что кочи ходили вокруг Ямала.

Левка Иванов Шубин Плехан, прошедший в 1601—1602 гг. Мангазейским ходом в качестве рядового промышленника, к 1629 г. был уже владельцем коча, снова бросившим якорь у Мангазеи (Вершинин Е. В. Коч и русское освоение Западной Сибири. С. 89).

№ 29

Документ повествует о попытке правительства организовать торговлю казенным хлебом в «златокипящей» Мангазее с целью приобретения мехов там же, пока промышленники не вывезли их в Европейскую Россию. Однако в 1620-е гг. закат Мангазеи еще не наступил. В город приходили десятки частных кочей с разными товарами, в том числе и с продовольствием. Знающие торговые люди сообщили тобольским воеводам, «что в Мангазее хлебные запасы добре дешевы».

Данный документ, хотя местами испорченный, весьма ценен описанием полного снаряжения кочей и стоимостью их постройки. Кстати, из данного документа совершенно очевидно, что каждый коч нес только один парус. Утверждения М. И. Белова о существовании на мангазейских кочах двух мачт я считаю совершенно неубедительными (Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. С. 122, прилож. XXXV).

№ 31

Жестокая борьба между мангазейскими воеводами Г. И. Кокоревым и А. Ф. Палицыным (1629—1631 гг.), в результате которой была разрушена часть построек города, подробно описана С. В. Бахрушиным (Андрей Федорович Палицын // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. Ч. 1. — М., 1955. С. 175—197). Комментируемый документ — один из многочисленных доносов Палицына на Кокорева во время проводимого над ними следствия. Донос подтверждает, что запрет

на использование Мангазейского хода в Поморье был широко известен и имел реальное значение.

№ 32

В документе обрисованы условия строительства казенных кочей, ходивших в 1640-е гг. из Тобольска по Оби и Обской губе в Мангазею. Подобные документы очень важны, поскольку историки не располагают документацией о строительстве частных кочей в Сибири. Сам документ уже мной анализировался (Вершинин Е. В. Дощаник и коч в Западной Сибири. С. 110—113).

№ 33

Расспросные речи выживших после крушения кочей служилых людей воспроизводят одну из самых трагических страниц русской колонизации Северо-Западной Сибири. История эта довольно известна в специальной литературе, и комментировать ее особой нужды нет. Замечу только, что какого-то героизма дьяку Григорию Теряеву, который якобы пробивался с хлебом в уже 2 года голодающую Мангазею, не стоит приписывать (как это патетически делает М. И. Белов; см., например, его индивидуальную книгу: Мангазея. С. 78). Дьяк Г. Г. Теряев просто направлялся к месту своей службы, куда он был сослан, очевидно, в качестве наказания. Дьяк провинился тем, что в 1630-е гг. методично и несправедливо захватывал поместья у мордовских и татарских муз в Алатырском уезде (Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель. Т. 1. — М., 1991. С. 60).

Данный документ уже был опубликован в сборнике (Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. — М., 1951. С. 80—82), но без одной фразы. Поэтому я счел целесообразным привести его здесь по архивному подлиннику. Пропущенная в предыдущей публикации фраза: «А едят де они, дьяк Григорей и жена ево, и люди ево, и Плещиев, и промышленные люди мертвых людей».

№ 34

Данные документы обрисовывают тяжелые условия плавания по Обской губе. Однако именно в 1644 г. впервые за 4 года часть кочей с хлебными запасами дошла до Мангазеи.

Возглавлявший караван кочей тобольский сын боярский Меньшой Ремезов был сослан в Сибирь из Москвы в 1628 г. Он приходится дедом знаменитому сибирскому картографу и ученому-самоучке Семену Ульяновичу Ремезову (Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов. М., 1965. С. 7—9).

№ 35 — № 36

В документах отражена ситуация, когда тобольские воеводы наконец озаботились частым крушением казенных кочей в Обской губе и пришли к мысли, что каждый коч должен сопровождать знающий шкипер (кормщик). Отсюда распоряжение березовскому воеводе найти кормщиков среди многочисленного гарнизона. Однако таковых обнаружилось только 4 человека. Дело в том, что с 1625 г. из Березова

перестали посылаться в Мангазею служилые люди (50 чел.) на годовую службу. К 1647 г. эти годовальщики в основном умерли, а новое поколение березовских казаков побережья Обской губы от устья Оби до Таза не знали.

№ 37

Документ отражает любопытную попытку привлечь остяков северных волостей Березовского уезда к выполнению подводной (ямской) повинности, что вызвало протест с их стороны. Между прочим, подобную ямскую повинность весь XVII в. выполняли ханты Сургутского уезда (см.: Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Вып. 1. — Екатеринбург, 2002. С. 119—124).

№ 38

В последнее десятилетие существования Мангазеи и плаваний туда казенных кочей трудности оставались прежние. Далеко не все кочи добирались до города на Тазе; некоторые приходили пустыми, поскольку продовольственные запасы приходилось при сильном волнении в Обской губе выбрасывать за борт. О приходе в Мангазею в 1660-е гг. караванов частных кочей уже не было и речи. Промысловики и торговцы, преследуя свои интересы, давно (с 1640-х гг.) перешли за Енисей и развернули бурную деятельность в Средней Сибири и Якутии.

№ 39

Тобольский воевода П. И. Годунов (1667—1669) обладал качеством, редким для администратора Московской Руси, — он мог принимать решения без долгого согласования с Москвой. В числе своих прочих реформаторских начинаний он стал выяснять рентабельность посылки продовольствия в Мангазею через Обскую губу. И в результате пришел к выводу, что такие посылки на казенных кочах для казны весьма убыточны. Вместо этого он предложил доставлять хлеб в Мангазею из Енисейского уезда, где к этому времени было создано русское хлебопашество.

Неудача навигации 1668 г. окончательно укрепила Годунова в решении отменить походы кочей в Мангазею. Летом этого года из Мангазеи вышли 3 коча: один был вынужден вернуться, другой разбило и выбросило на берег, и только один коч дошел до Тобольска (Вершинин Е. В. Коч и русское освоение Западной Сибири. С. 96—97). Годунов решительно подвел черту под этим вопросом, когда отписал енисейскому воеводе (16 декабря 1668 г.): «А в нынешнем во 177-м году по указу великих государей для мангазейского отпуску Тобольского разряду на Тюмени кочей делать не велено и посылки через море хлебных запасов и соли в нынешнем во 177-м (1669) году и вперед не будет» (РГАДА. Ф. 214. Кн. 367. Л. 744).

№ 40

Найденный и опубликованный Ю. М. Эскиным документ подтвердил сведения М. И. Белова о том, что «во 115-м году зарублен город Мангазея на Тазу реке, а зарубил тот город Давыд Жеребцов» (Белов М. И., Овсянников О. В.,

Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. С. 56). Основанная в 1601 г. Мангазея имела до этого, видимо, только острожные укрепления (вокруг территории кремля). Как следует из комментируемого документа, воевода Жеребцов и голова Давыдов ставили срубы-городни за свой счет; каждый поставил по 6 м. Отсюда понятна фраза, что они и «острог крепили». Возможно, при Жеребцове не все кремлевские стены представляли из себя городни, а перемежались с острожным частоколом.

Стоит обратить внимание на фразу, что возведение солидных городских стен началось в 1607 г. «по вестям». Скорее всего, эти тревожные вести поступили от березовского воеводы о готовящемся восстании аборигенов (см. док. № 3).

№ 41

Краткий городской список Мангазеи (первый из дошедших до нас) включает в себе тем не менее ценную информацию. Так, уже в 1625 г. в городе несли постоянную службу 53 служилых человека (набранных и присланных в этом году по инициативе тобольского воеводы кн. Ю. Я. Сулешева). Данный список еще отразил практику присылки в Мангазею 50 казаков из Березова на годовую службу. Вскоре, видимо, она прекратилась, поскольку в 1629 г. мангазейский воевода Г. И. Кокорев дополнительно прибрал в службу еще 40 человек (Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. — М., 1964. С. 20).

№ 42

Данный росписной список Мангазеи 1626/27 г. — основной письменный документ для историко-архитектурной реконструкции укреплений Мангазейского кремля. Для более позднего времени подобных документов пока не обнаружено.

№ 43

Документ указывает на дату постройки Успенского храма на мангазейском посаде — 1626 г. Строился он по инициативе и на деньги мирских людей — многочисленных промышленников и торговцев, заполнявших в 1620-е гг. Мангазею. Как следует из док. № 50, особенно радел о строительстве храма «торговой человек ярославец Аникий Скрипин». Успенский храм был освящен 31 августа 1628 г. (на праздник Положения пояса Пресвятой Богородицы).

№ 44

Среди документации Сибирского приказа РГАДА сведения с подробным описанием жилых и хозяйственных построек Мангазеи встречаются довольно редко. Поэтому публикуемый комплекс документов о дворе, построенном воеводой А. Ф. Палицыным в 1629 г., имеет определенную раритетную ценность. Поскольку М. И. Белов и его коллеги-археологи в свое время уверенно определили и описали на основании археологических раскопок воеводский двор Палицына, мне невольно пришлось сравнить их выводы с обнаруженными и публикуемыми мной документами. Скажу лишь, что наши выводы совершенно не совпадают (об этом см.:

Вершинин Е. В. О соотношении данных письменных источников и археологии при раскопках Мангазеи // Русские. Материалы VII Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск, 2004. С. 14—18).

№ 45

Борьба между воеводами Г. И. Кокоревым и А. Ф. Палицыным, перешедшая в вооруженные столкновения, нанесла большой урон постройкам Мангазеи, в том числе и комплексу гостиного двора на посаде. Как видно, еще к 1644 г. этот урон не был восполнен. О «битвах» между сторонниками Кокорева и Палицына и масштабах разрушения Мангазеи см. статью С. В. Бахрушина «Андрей Федорович Палицын» (Научные труды. Т. III. Ч. 1. С. 175—197).

Что касается док. № 45—2, то не стоит удивляться, что дела, относящиеся к Мангазее, решались в Туруханском зимовье. Жители Мангазеи и Туруханска составляли как бы один «мир», а с середины 1630-х гг. и воеводы, и таможенные головы часто подолгу жили именно в Туруханске. Этот факт — одно из свидетельств начинающегося заката Мангазеи.

№ 46

Отписка воеводы Ухтомского в особых комментариях не нуждается. В 1640-е гг. в самой Мангазее было настолько мало постоянных жителей и приезжих промышленников, что с ремонтом и восстановлением стен кремля возникла целая проблема. Служилых людей в Мангазее в это время числилось более 90 человек, но большинство из них были разбросаны по ясачным зимовьям по всей территории огромного Мангазейского уезда.

Упомянутый в тексте пожар имел место в кремле в 1642 г. Очевидно, он не имел тотального характера, но часть городских стен и казенных построек сгорели. К сожалению, пока не найдено документов, где подробно описывались бы причина и масштабы пожара 1642 г.

№ 47

В документе отражена любопытная картина определенной анархии, характерной, видимо, для жизни отдаленного заполярного города. В нем, не опасаясь воеводы, живут беглые люди из Енисейска и Красноярска, которых забирает к себе на суда тобольский атаман. Этот же атаман Елизарьев обманывает воеводу Ухтомского: он оставляет в Мангазее какую-то часть служилых людей и казачьих наемщиков, пришедших с ним из Тобольска (нет сомнений, что Елизарьев прибыл в Мангазею с хлебным караваном кочей), якобы для защиты города. Но тут же выясняется, что атаман дал всем (небескорыстно для себя) отпускные, согласно которым бывшие служилые люди были вольны идти на все четыре стороны.

Судя по всему, кн. П. М. Ухтомский натерпелся за годы своего воеводства от своевольного сибирского люда. Так, ему пришлось жаловаться в Москву на местного подьячего Нехорошка Никифорова, который, будучи призван воеводой в съезжую избу для разбора спорного дела, вступил с Ухтомским в перебранку, в том числе

заявив: «Мужик де я и есть, и ухватя перед ним срамные уды, потряс», называя при этом князя вором (РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 462—463). Впрочем, все эти факты не сильно отклоняются от тех взаимоотношений между воеводской властью и сибирскими мирскими сообществами, которые подробно раскрыли В. А. Александров и Н. Н. Покровский (Власть и общество. Сибирь в XVII в. — Новосибирск, 1991).

№ 48

Как следует из челобитной, Морозко Марков входил в число тех первых 50 стрельцов, которые были отправлены на постоянное жительство в Мангазею в 1625 г. Челобитная Маркова дает представление о повседневной службе рядового мангазейского стрельца.

№ 49

Данный документ перекликается по содержанию с док. № 46. И в 1649 г. ремонт городских стен и возобновление казенных амбаров, воеводского двора и тюрьмы так и не были завершены. Жизнь в заполярном городе медленно угасала.

№ 50

Челобитная жителей Мангазеи повествует о бедственном состоянии городских церквей. Самая ранняя кремлевская Троицкая церковь сгорела в пожаре 1642 г. Если к 1652 г., как следует из челобитной, она еще не была возобновлена, то в 1660 г. Троицкая церковь уже снова стояла в кремле и в ней проводил службы священник Ияков Никифоров (Ромодановская Е. К. Легенда о Василии Мангазейском // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. — Новосибирск, 1986. С. 197—198).

Успенский храм, построенный в 1626 г., к 1652 г. пришел в изрядную ветхость. Был ли он отремонтирован мирянами до оставления Мангазеи в 1672 г., мне неизвестно.

Не совсем ясно, когда и по каким мотивам была построена холодная церковь Макария Чудотворца Желтоводского (на посаде, недалеко от проезжих ворот Спасской башни). М. И. Белов высказал мнение, что в конце 1620-х гг. (Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. С. 77). Бесспорно, что церковь Макария Чудотворца существовала до конца Мангазеи. В самой ранней редакции «Жития Василия Мангазейского» (1670-е гг.) есть такой эпизод. Мангазейский сын боярский Никифор Смирной был послан попом Тихоном (дело было в апреле 1670 г.) за новым гробом для переложения мощей Василия Мангазейского: «И как он, Никифор, вышел из градных врат, и бысть он, Никифор, близ церкви Макария Желтоводскаго...» (Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. — Новосибирск, 2001. С. 349).

Решение по комментируемой челобитной в Сибирском приказе было однозначным: казна не собиралась тратить свои деньги на возобновление мангазейских храмов. Мангазейцам было указано церкви «строить мирскими сборы деньгами, как

будет в приходе» (Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. С. 77).

№ 51

История со строительством новой съезжей избы (т.е. воеводской канцелярии) в Мангазее весьма схожа со строительством городских церквей. В 1650-е гг. московское правительство не желало уже вкладывать деньги в город, который перестал быть источником разноцветного потока драгоценных мехов. Даже казенное здание было указано построить за счет жителей города.

Воеводы г. Березова (1593—1701 гг.)

Фамилия, имя, отчество	Годы правления	Дополнительные сведения
Траханиотов Никифор Васильевич, кн. Волконский Михаил Константинович, п. г. Змеев Иван, затем — п. г. Благой Афанасий Иванович	1593—1594	А. И. Благой отмечен в Березове в 1594 г.
Волынский Василий Степанович,	1594—1597	Микулин в 1595—1596 гг. был п. г. в Пелыме
Плещеев Василий Тимофеевич, п. г. Нащокин Алексей Петрович, затем — п. г. Лазарев Тимофей Матвеевич	1597—1599	Лазарев сменил Нащокина в 1599 г.
Волынский Иван Григорьевич, п. г. Биркин Иван Петрович	1599—1601	
кн. Борятинский (Манка) Иван Михайлович, п. г. Виксентьев Григорий Потапович	1601—1603	
кн. Татев Федор Андреевич, п. г. Кобяков Юрий Игнатъевич	1603—1605	
кн. Черкасский Петр Ахамашукович, п. г. Zubов Иван Игнатъевич	1605—1608	
Волынский Степан Иванович, п. г. Стромиллов Юрий Яковлевич	1608—1611	
кн. Борятинский Иван Михайлович	1611—1613	
Биркин Иван Иванович, Нармацкий Василий Самсонович	1613—1616	В 1616 г. Биркин переведен в Мангазею
Зюзин Беяница Лаврентьевич, Нармацкий Василий Самсонович	1615—1618	В 1617/18 г. Зюзин умер в Березове
Вельяминов Данила Афанасьевич	1619—1620	
Писемский Иван Прохорович, Демьянов Яков Афанасьевич	1620—1623	
кн. Козловский Федор Андреевич, Ширин Андрей Иванович	1623—1625	Назначены 13.01.1623 г.
кн. Волконский Лев Михайлович, Зубов Илья Иванович	1625—1627	Назначены 25.01.1625 г.
кн. Белосельский Михаил Васильевич	1627—1629	
Пушкин Воин Тимофеевич	1629—1631	

Давыдов Иван Никифорович	1631—1633	Назначен 14.01.1631 г.
Плещеев (Мешок) Алексей Афанасьевич	1633—1635	
Толочанов Афанасий Михайлович	1635—1639	Назначен 21.01.1635 г. Приехал в Березов 14.06.1635 г.
Францбеков Иван Андреевич	1639—1643	Назначен в феврале 1639 г.
Квашнин Мелентий Клементьевич	1643—1647	
ст. Лодыженский Михаил Семенович	1647—1649	В 1653—1660 гг. был воеводой в Якутске
Лихарев Яков Никитич	1649—1652	
Волков Григорий Васильевич	1652—1655	
Малово Сергей Андреевич	1655—1657	
Милюков Иван Матвеевич	1657—1659	
стр. Зубов Борис Афанасьевич	1659—1662	
Давыдов Алексей Петрович	1662—1667	
ст. кн. Гагарин Петр Афанасьевич	1667—1670	Переведен из Нарыма. В 1670 г. умер в Березове
Толбузин Фаддей Ларионович	1670—1672	Сын боярский из Тобольска
Шульгин Яков Григорьевич	1672	Сын боярский из Тобольска
ст. Огарев Евсевий Григорьевич	1673— 1677/78	
ст. кн. Гагарин Василий Михайлович	1677/78— 1680/81	
ст. Языков Сергей Саввич	1680/81— 1683	
ст. Фанторн Михаил Иванович	1683—1686	
ст. Грибоедов Иван Федорович	1686—1689	В 1688 г. оставлен на второй срок по челобитью жителей Березова
ст. Кишкин Тимофей Алексеевич	1689—1691	
ст. Кайсаров Иван Иванисович	1691—1693	Наказ на воеводство от января 1691 г.
ст. Талызин Лукьян Иванович	1693—1696	
ст. Хрущев Леонтий Федорович	1696—1701	

Принятые сокращения

д. — дяк; п. г. — письменный голова; под. с пр. — подъячий с приписью; ст. — стольник;
стр. — стряпчий.

Воеводы г. Мангазеи (1601—1672 г.)

Фамилия, имя, отчество	Годы правления	Дополнительные сведения
кн. Шаховской Мирон Михайлович, п. г. Хрипунов Данила	1601	Основатели Мангазеи
кн. Рубец-Мосальский Василий Михайлович, п. г. Пушкин Савлук Третьяков (Сергеев)	1601—1603	Кн. Рубец-Мосальский до этого был п. г. в Тобольске
Булгаков Федор Юрьевич, п. г. Елчанинов Никифор Григорьевич	1603—1606	Наказ на воеводство от 25.01.1603 г.
Жеребцов Давыд Васильевич, п. г. Давыдов Курдюк Веригин сын	1606—1608	Строители стен кремля в Мангазее
Нелединский Иван Юрьевич, п. г. Забелин Степан Федорович	1608—1613	Наказ от 16.02.1608 г. В 1613 г. Нелединскому указано ехать в Москву, город сдать Забелину
Новокщенов Воин Афанасьевич, п. г. Забелин Степан Федорович	1613—1615	
Биркин Иван Иванович, Новокщенов Воин Афанасьевич	1616—1618	Биркин в 1613—1616 гг. был воеводой в Березове
Волынский Петр Васильевич	1618—1620	
Погожий Дмитрий Семенович, Тонеев Иван Федорович	1620—1623	Назначены на воеводство 29.02.1620 г.
Пушкин Иван Никитич, Уваров Федор Владимирович	1623—1625	
кн. Мышецкий Ефим Федорович, Волохов Андрей Афанасьевич	1625—1627	Волохов в 1635 г. назначен п. г. в Тобольск
Боборыкин Тимофей Васильевич, Полтев Поликарп Семенович	1627—1629	Назначены 18.01.1627 г. В 1629 г. дела новым воеводам сдавал только Полтев
Кокорев Григорий Иванович, Палицын Андрей Федорович	1629—1631	
Давыдов Василий Алексеевич, Клокачев Дмитрий Федорович	1631—1633	Назначены 14.01.1631 г.
Орлов Григорий Никитич, д. Атарский Василий Елизарьевич	1633—1635	Назначены 11.10.1632 г.
Пушкин Борис Иванович, д. Спиридонов Пятый	1635—1639	Назначены 21.01.1635 г.

кн. Борятинский Никита Михайлович, д. Обобуров Богдан	1639—1642	Борятинский здесь умер, «досиживал» дьяк Обобуров. Не совсем ясно, когда дьяк уехал из Мангазеи и почему летом 1644 г. он снова прибыл туда (см. док. № 34, 46)
кн. Ухтомский Петр Михайлович, д. Обобуров Богдан	1642—1647	Новый дьяк Г. Г Теряев умер по дороге в Мангазею в январе 1644 г.
Тухачевский Яков Остафьевич	1647	Был на воеводстве 6 недель, умер 17 сентября 1647 г. До весны 1648 г. «досиживал» его сын Василий
Секерин Андрей Тихонович, под. с пр. Чермной Яков Иванович	1648	Секерин — п. г. из Тобольска. Умер в Мангазее.
Секерин Андрей Андреевич (сын А. Т.), под. с пр. Чермной Яков Иванович	осень 1648— 1649	
Байков Федор Исаевич	1649—1651	Наказ от 31.12.1648 г. В 1654—1657 гг. возглавлял посольство в Китай
Корсаков Игнатий Степанович	1651—1656	Приехал в Мангазею 5.08.1651 г.
Ларионов Семен Васильевич	1656—1659	
Квашнин Исай Максимович	1659—1664	Назначен 03.02.1659 г.
Павлов Родион Михайлович	1664—1670	В 1679—1680 г. был воеводой в Верхотурье
стр. Наумов Данила Трофимович	1670—1676	В 1672 г. мангазейское воеводство было переведено в Туруханск (по указу от 14.09.1671 г.)

Указатель имен*

- Аверкиев Антон, мангазейский стрелец 156
 Азяхмат, кодский остяк 58, 60
 Александров В.А., историк 7, 8, 176, 178
 Алексеев М.П., историк 172
 Алексей Алексеевич, царевич 46, 49, 62, 63, 129
 Алексей Михайлович, царь 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 46, 49, 62, 63, 67, 69, 123, 124, 125, 126, 127, 129, 130, 153, 155, 156, 157, 158
 Алгодин Лука, казымский остяк 25
 Алманко, казымский остяк 25
 Алык, ляпинский остяк 16
 Ананьин Федор, березовский к. 123, 124, 125
 Ангришев Прохор, березовский к. 124
 Андреев Семен, березовский к. 67
 Анемко, ендырский остяк 51
 Анкин Иван, красноярский с. б. 64
 Антонов Василий, пустозерский торговый человек 12
 Антонко, сын новокрещена П. Куланова 14, 15
 Антонко, ляпинский остяк 15
 Анюдора (Нюдора), обской самоед 11
 Арбенов Пятой, тобольский пятидесятник 119, 121
 Аргунов Василий, березовский к. 124
 Аргунов Иван, березовский атаман 45, 46, 47, 119, 120, 121
 Аргунов Никита, березовский к. 61, 63
 Аркадко, пустозерский самоед 68
 Аршинский Богдан, тобольский сл. чел. 85
 Асиков Таки, обдорский остяк 56
 Атарский Василий Елизарьевич, дьяк 17, 18, 141, 142, 143
 Аткачко, остяк Подгородной вол. Березовского у. 14, 15
 Афонин Айка, ляпинский остяк 51, 52
 Бабарыкин Иван, березовский атаман 101, 102, 105, 106, 107, 110
 Бабарыкин Тимофей Васильевич, воев. мангазейский 139, 153, 154
 Бабачеев Аршин, тобольский бухарец 59, 60, 66
 Баженик Архип, торговый человек 97
 Балахонов Хилта, князец пустозерских самоедов 10
 Банщик Михаил, житель Мангазеи 145
 Бараш Степан Петрович, торговый человек 99
 Бахрушин С.В., историк 7, 8, 160, 162, 165, 167, 173, 177
 Байков Федор Исакович, воев. мангазейский 155, 158
 Байлаков Петкачейко, белогорский остяк 61
 Безумов Степан, пустозерец 68
 Белов М.И., историк 7, 8, 169, 170, 173, 174, 175, 176, 178, 179
 Белоголов, князец обских самоедов 10, 11
 Белозерец Григорий Афанасьевич, житель Мангазеи 145, 146
 Бельский Федор Федорович, кн., воев. тобольский 129
 Биркин Иван Иванович, воев. мангазейский 79, 80, 81, 82, 83, 84, 93, 94, 95
 Богданов Григорий, тобольский стрелец 77
 Болотников Иван Иванович, дьяк 99, 102, 139
 Болотников Иван Исаевич, предводитель восстания 162
 Болтин Семен, березовский к. 123, 124, 125
 Борис Федорович Годунов, царь 74, 90, 96, 169, 170
 Борисов Стефан, священник 139, 140
 Борисов Фома, промышленный человек 95, 98, 99
 Борятинский Никита Михайлович, кн., воев. мангазейский 140, 142, 143
 Бульгин Иван Григорьевич, дьяк 75, 77, 80, 81, 85, 86, 88, 90
 Бульгчев Данило, тобольский с. б. 105
 Буцинский П.Н., историк 7, 8
 Быков Матвей, казенный целовальник 140, 142
 Быковский Василий, тобольский с. б. 127, 128
 Вабиев Забылко, куноватский остяк 27
 Вабиев Сапсынко, куноватский остяк 27
 Ваембоев Сыка, обдорский остяк 57, 58
 Василий, кн., правитель Валахии 4
 Василий, березовский священник 111, 112
 Василий III Иванович, великий князь 10, 11, 160, 166
 Василий Иванович Шуйский, царь 10, 12, 14, 136, 161, 162, 171
 Василий, князь Обдорской вол. Березовского у. 15, 16, 17, 160, 161, 162
 Васильев Василий, мангазейский стрелец 156
 Васильев Ермолай, промышленный человек 146
 Васильев Левка, мангазейский стрелец 156
 Васильев Петр, березовский к. 124
 Васильев Филат, промышленный человек 146
 Васуев Ваулко, сосвинский остяк 28
 Ватца, карачейский самоед 121
 Ваюсь, остяк Подгородной вол. Березовского у. 14, 15
 Вежакайн, остяк городка Нярыкар 57

* Принятые сокращения: воев. — воевода; вол. — волость; к. — казак; п. г. — письменный голова; с. б. — сын боярский; сл. чел. — служилый человек; у. — уезд.

В указатель имен не включены фамилии воевод из «Приложения» (с. 180—183).

Вельдьин Калис, ляпинский остяк 53
 Вельдьин Ленко, ляпинский остяк 53
 Вельяминов Мирон Андреевич, воев. тобольский 102, 105
 Вельяминов Никита Андреевич, воев. томский 133
 Вельяминов-Воронцов Никифор, приказной человек в Пустозерске 96
 Вербов Г.Д., историк 170
 Веригин Андрей Васильевич, воев. красноярский 62
 Вершинин Е.В., историк 8, 129, 163, 164, 165, 166, 168, 170, 173, 174, 175, 177
 Виллой Степан Дмитриевич, мангазейский стрелец 151
 Вирчиков Шанга, остяк Естыльской вол. 28
 Власов Дмитрий, березовский к. 51, 61, 63
 Внуков Иван Иванович, воев. тобольский 136
 Воейков Иван Васильевич, верхотурский п.г. 169
 Вокчимко, брат Шатрова Лугуева 15, 27
 Вокчимов Окоско, куноватский остяк 27
 Волков Григорий Васильевич, воев. березовский 42
 Волков Федор, тобольский сл. чел. 116, 117, 118
 Волконский Иван Федорович, воев. тобольский 89, 92, 96
 Волконский Лев Михайлович, воев. березовский 101, 104, 106
 Володимеров Петр, мангазейский стрелец 156
 Володимеров Созоний, тобольский сл. чел. 117
 Волохов Андрей Афанасьевич, воев. мангазейский 109, 136, 137, 153
 Волюнкин Пырча, ляпинский остяк 52, 53
 Вольинский Иван Васильевич, воев. тобольский 107, 110
 Вольинский Петр Васильевич, воев. мангазейский 84, 85, 86, 87, 88, 90
 Вондокурец Меньшик Панфилов, торговый человек 96
 Воронов Рахманин, приказной человек в Холмогорах 96
 Воротынский Иван Михайлович, кн., судья приказа Казанского дворца 90, 91
 Вотиков Чукалко, сосвинский остяк 28
 Вынев Яй, ляпинский остяк 57
 Выходцов Павел, тобольский сл. чел. 85
 Выходцов Семен, тобольский с. б. 48
 Выходцов Степан, тобольский атаман 120
 Вязметин Василий Васильевич, ссыльный с. б. 151
 Вяна, карачейский самоед 31
 Гаврилов Федор, березовский к. 124
 Гагарин Василий Михайлович, кн., воев. березовский 69
 Гагарин Григорий Иванович, кн., воев. тобольский 75

Гагарин Михаил Семенович, кн., воев. тобольский 29, 113, 119, 120, 122
 Гагарин Петр Афанасьевич, кн., воев. березовский 67, 168
 Галов Семен Михайлович, сборщик дани в Пустозерске 11
 Галкин Константин, тобольский сл. чел. 118
 Гарасимов Абрам, тобольский к. 66
 Гизейко, пустозерский самоед 68
 Гиря Янка, мангазейский стрелец 112
 Гисев Хаска, пустозерский самоед 67, 68
 Годунов Матвей Михайлович, воев. тобольский 89, 92, 96
 Годунов Петр Иванович, воев. тобольский 129, 130, 132, 133, 175
 Голенцев Филипп Федорович, дьяк 136
 Голицын Василий Васильевич, кн., боярин 171
 Головин Варфоломей, тобольский п. г. 49
 Головин Василий Петрович, воев. верхотурский 169
 Головнев А.В., историк 160
 Голосов Тимофей, дьяк 25
 Гольденберг Л. А., историк 174
 Горин Иданко, куноватский остяк 55, 56, 58, 59
 Горохов Иван, мангазейский стрелец 122
 Горчаков Петр Иванович, кн., основатель Пельма 85
 Григорьев Емельян, мангазейский стрелец 156
 Губин Богдан, дьяк 85, 86
 Гуповский Иван, мангазейский сл. чел. 154
 Гусев Пал, пустозерский самоед 68
 Гында Моликов, князь Обдорской волости 57, 58, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 168
 Давыдов Алексей Петрович, воев. березовский 48, 51, 55, 56, 57, 60, 61, 63, 64, 167, 168
 Давыдов Кренка, промышленный человек 118, 156
 Давыдов Курдюк Петрович (Веригин), мангазейский п. г. 136, 176
 Данилов Гора, князец Куноватской вол. 27
 Данилов Данило, мангазейский стрелец 156
 Девлет-Гирей, внук хана Сибирского юрта Кучума 60, 167
 Дементьев Василий, мангазейский толмач 34, 151
 Дементьев Федор, промышленный человек 146
 Демьянов Яков Афанасьевич, воев. березовский 90
 Денисов Иван, мангазейский стрелец 156
 Дерунко (Чауков сын), кодский остяк 15, 16
 Дозморов Танин, казымский остяк 25
 Докучаев Пятой, березовский к. 124
 Долгих Б.О., историк 7, 8, 166
 Дружинин Михаил, березовский к. 55
 Дубровин Г.Е., историк 170
 Дудохов Потап, ссыльный 151
 Дурак см. Корзепов Дурак

Дураков Ярла, обдорский остяк 58, 68, 69
 Дурасов Михаил, торговый человек 97
 Дурыня Иван, тобольский сл. чел. 85
 Дьяков Прокофей Федорович, тульский дворянин 169
 Дьяков Федор, алексинский с. б. 169, 170

Евсеев Емельян, дьяк 110
 Евстафий Арзамас, священник 111, 112
 Евтихий Никифор, березовский сл. чел. 55
 Едурейко, карачейский самоед 23, 166
 Елгодин Елчеп, казымский остяк 25
 Елгодин Хонды, казымский остяк 25
 Елгоз, казымский остяк 15
 Елгозин Лойда, казымский остяк 58
 Елсеев Суханко, мангазейский стрелец 156
 Елизавета I, королева Англии 171
 Елизарьев Василий, тобольский к. 95
 Елизарьев Яков, тобольский атаман 33, 34, 151, 152, 177
 Елинин Вычко, пустозерский самоед 67
 Елиня, пустозерский самоед 67, 168
 Елохин Иван Иванович, промышленный человек 146
 Емдорков Пуулко, казымский остяк 25
 Еней, карачейский самоед 166
 Еночко, казымский остяк 15
 Ердин Гаврица, пустозерский самоед 67
 Ермак Мамруков, князь Обдорской вол. 26, 48, 49, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 126, 167, 168
 Ермак Тимофеевич, покоритель Сибирского юрта 4, 160
 Ермолаев Лев, дьяк 72, 130
 Еронов Азидемат, кодский остяк 57, 61
 Еутропьев Дмитрий, мангазейский подьячий 156
 Еуфимьев Федот, мангазейский стрелец 156
 Ефрем, холоп кн. П.М. Ухтомского 117

Жданов Григорий Григорьевич, дьяк 129
 Жеребцов Давыд Васильевич, воев. мангазейский 136, 175, 176

Забелин Степан Федорович, мангазейский п. г. 76, 78, 98, 136
 Захаров Симион, дьякон 140
 Зимовьев Филка, березовский к. 124
 Зубов Иван Игнатьевич, березовский п. г. 12, 14
 Зубов Илья Иванович, воев. березовский 101, 104, 106
 Зубов Прохор Степанович, промышленный человек 146

Иванов Докучай, ценовальник 169
 Иванов Емельян, промышленный человек 146, 156

Иванов Григорий, промышленный человек 146
 Иванов Григорий, мангазейский стрелец 156
 Иванов Калина, мангазейский стрелец 156
 Иванов Марчко, мангазейский стрелец 156
 Иванов Михаил, тобольский стрелец 82, 93
 Иванов Угрім, поморский промышленник 74, 75
 Иванов Федор, дьяк 48
 Иванов Федосей, пустозерский торговый человек 12
 Иванов Шестой, мезенец 82
 Иванов Яков, тобольский подьячий 155
 Игнатьев Федор, березовский с.б. 32, 101
 Игонка, сын Пося Хулеева 70, 166
 Ильин Афанасий, мангазейский стрелец 156
 Истинко Иван Петрович, мангазейский стрелец 151
 Истомин Афанасий, дьяк 90, 91

Кажин Елин, ендырский остяк 51
 Казаков Илюшка, ляпинский остяк 61
 Казанец Василий Исакович, промышленный человек 146
 Каин, казымский остяк 25
 Канкаров Михаил, березовский к. 124
 Канкаров Яким, березовский к. 124
 Карачей Седа, князец обских самоедов 10, 11, 166
Кардам О.В., историк 165
 Карымшаков Ромашка, демьянский татарин 59
 Квашин Мелентий Клементьевич, воев. березовский 25, 30, 31, 32, 33, 53, 119, 120, 121, 123, 125
 Келдышев Дружинка, ляпинский остяк 58
 Кирилов Кондратий, пустозерц 18
 Кирилов Ледешка (Венедикт), мангазейский стрелец 18, 19, 20, 21, 22, 162
 Кирилов Мотья, кормщик 111
 Кирилов Третьяк, тобольский стрелец 107
 Киримов Ган, остяк Подгородной вол. Березовского у. 56
 Киримов Сумка, остяк Подгородной вол. Березовского у. 57
 Кирпет, самоед рода Гурыега 20, 22
 Клепиков Владимир, тобольский сотник 110, 122
 Клокачев Дмитрий Федорович, воев. мангазейский 141, 142, 143
 Кляпиков см. Клепиков
 Кобылкин Кирил Семенович, мангазейский стрелец 151, 156
 Козловский Федор Андреевич, кн., воев. березовский 100
 Коковинский Алексей Александрович, тобольский п. г. 120, 121, 152
 Кокорев Григорий Иванович, воев. мангазейский 18, 111, 112, 144, 173, 176, 177
 Кокоулин Василий, березовский к. 38, 40
 Кокоулин (Кокаулин) Иван, березовский с. б. 55

- Кокоулин Семен, березовский к. 123, 124, 125
 Колатнемко см Мулин Колатнемко
 Колванов Васка, сосвинский остяк 61
 Коледин Лымык, остяк городка Большой Ат-
 лым 59
 Коликов Пака, ляпинский остяк 53
 Колмогор Василий, тобольский к. 19, 20
 Колмогорец Бажан Агалитович, промышлен-
 ный человек 146
 Колмогорец Иван Петрович, промышленный
 человек 146
 Колосовский Михаил, сл. чел. 67
 Колтовской Яков Васильевич, воев. тюмен-
 ский 115
 Кондаков Михаил, торговый человек 20, 21,
 22, 23, 163, 166
 Кондратьев Гришка, мангазейский стрелец 156
 Кондратьев Иваш, ссыльный 151
 Конжиков Анка, кодский остяк 51, 54, 56, 58,
 59, 61, 62, 63, 64, 65, 167
 Кононгимов Рехтан, куноватский остяк 27
 Коняров Ябор, казымский остяк 25
 Копкаров Иван, березовский сл. чел. 55
 Корела Кондратий, тобольский стрелец 76,
 77, 78
 Корепонов Иван, пустозерский торговый че-
 ловек 12
 Корзепов Дурак, остяк Обдорской вол. 21,
 22, 26, 163
 Кормалеев Козичко, остяк Обдорской вол. 26
 Корсаков Игнатий Степанович, воев. манга-
 зейский 156, 157, 158
 Косарко см Шетьшев Косарко
 Костелецкий Гаврила, тобольский с. б. 64, 65, 153
 Котельников Дмитрий, таможенный голова в
 Обдорске 29, 32
 Котельников Василий, березовский к. 46
 Кочевщик Богдан, торговый человек 117
 Коширянин Степан, березовский к. 12
 Коймосов Чюмак, казымский остяк 58
 Красиков Михаил Васильевич, промышлен-
 ный человек 146
 Криводанов Степан Андреевич, промышлен-
 ный человек 146
 Кривой, самоед рода Пурыега 20, 22
 Крутиков Савка, пустозерский торговый чело-
 век 12
 Кубасов Сергей, тобольский с. б. 134
 Кудьмов, казымский остяк 25
 Кузаков Иван, промышленный человек 146
 Кузнец Федор, тобольский сл. чел. 118
 Кулаков Василий, тобольский сл. чел. 118
 Куланов Петр, остяк (новокрещен) 14, 15
 Кулпин Табанка, кормщик с Мезени 111, 112
 Кумба, остяк 49
 Куракин Григорий Семенович, кн., воев. тоболь-
 ский 29, 30, 32, 33, 113, 115, 119, 120, 121, 122
 Куракин Иван Семенович, кн., воев. тоболь-
 ский 75, 76, 77, 79, 80, 81, 83, 84, 85, 86, 88,
 89, 90, 93, 171, 172
 Куркин Кондратий, торговый человек 75, 76,
 77, 78, 79, 172
 Курочкин см. Куркин Кондратий
 Курсин Елфим, березовский к. 55
 Курсин Петр, березовский пятидесятник 123,
 124
 Курсин Яков, березовский к. 55
 Кутыгей, югорский князь 11, 160
 Кызылов Юнпох, казымский остяк 25
 Кырпа, самоед рода Айваседа 33
 Ланшак Семен, березовский к. 50, 55
 Лаут, белогорский остяк 15
 Лажмидов Семейка, куноватский остяк 27
 Лехей, князец обских самоедов 10, 11
 Лева, самоед рода Логей 101, 104
 Левка, остяк, новокрещен 15
 Лемтохтыев Какунчей, куноватский остяк 51,
 52, 53, 54, 61, 64, 65
 Ленгиве Небах, надымский остяк 33
 Леонтьев Никита, дяк 99
 Лечманко (Лельманко), ляпинский остяк 15, 16
 Лечманов Адыль, ляпинский остяк 52
 Лечманов Иван, ляпинский остяк 52, 53, 54,
 58, 59, 60, 61, 63, 64, 65
 Лжедмитрий I, царь 171
 Лисов Адерко, пустозерский самоед 69
 Лисов Топка, пустозерский самоед 67, 68
 Лихарев Яков Никитич, воев. березовский 35,
 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 44
 Лихачев Федор Федорович, думный дяк 24
 Лихачов Алексей Иванович, березовский с. б.
 35, 36, 37, 38, 41, 42, 43, 44
 Лихачов Родион, березовский с. б. 30, 31, 38, 57
 Логан Джосиас, английский торговый агент
 172
 Логинов Марчко, березовский к. 124
 Лодыженский Михаил Семенович, воев. бе-
 резовский 38, 40, 123, 124, 126, 165
 Лозан, северо-монгольский правитель 64
 Ломакин Иван, дяк 23, 24
 Ломдек, пустозерский самоед 68
 Лонгунов Кандейко, обдорский остяк 30, 31
 Лоншак см. Ланшак
 Лошаков Иван Павлович, воев. пустозерский
 163
 Лука, московский торговый человек 82
 Лукин Григорий, дяк 29, 113, 119, 120, 122
 Лутев Шатров, князец Куноватской вол. 15,
 16, 161
 Луту Василий, вассал Османской империи 4
 Лутухин Петр, дяк 149
 Львов Григорий, дяк 25

- Мазлыков Корепко, пустозерский торговый человек 12
 Мазур Прохор, енисейский сл. чел. 64
 Макарий, архиепископ Сибирский и Тобольский 139
 Макаров Василий, пустозерец 23
 Макарьев Путурчейко, куноватский остяк 27
 Макарьев Рогозинка, березовский к. 124
 Максимов Василий, мангазейский стрелец 156
 Максимов Дмитрий, березовский к. 124
 Максимов Мылсе, казымский остяк 25
 Максимов Парфен, тобольский подьячий 152
 Максимов Пятой, холмогорец 81
 Малово Сергей Андреевич, воев. березовский 44, 46, 47
 Малой, карачейский самоед 20, 22, 166
 Мамрук (Васильев), князь Обдорской вол. 15, 16, 17, 162, 163
 Мануйлов Никифор, тюменский корабельный мастер 116
 Марков Лука, пустозерский посадский человек 69
 Марков Лука, мангазейский стрелец 156
 Марков Морозко, мангазейский стрелец 153, 178
 Мартемьянов Бажен, промышленный человек 146
 Мартемьянов Герасим, дьяк 99
 Матигор Григорий Васильевич, промышленный человек 146
 Матигорец Агей Роспопов, торговый человек 96
 Матов Пятой Емельянович, промышленный человек 146
 Маула, сын Пося Хулеева 35, 37, 42, 70, 71, 166, 169
 Медиков Гришка, остяк Естыльской вол. 28
 Мезенец Семен Иванович, промышленный человек 117
 Меррик Джон, английский торговый агент 171
 Мецереков Иван, березовский пятидесятник 25, 29
 Микитин Дмитрий, мангазейский стрелец 156
 Микифоров Микифор, мангазейский стрелец 156
 Микифоров Михаил, енисейский сл. чел. 122
 Микифоров Нехорошко, мангазейский подьячий 144, 177
 Микулин Петр, дьяк 80
 Миллер Г.Ф., историк 5, 6, 8, 14, 17, 15, 161
 Милоков Иван Матвеевич, воев. березовский 46, 56, 57
 Митрофанов Максим, сл. чел. 119
 Михаил Федорович, царь 17, 20, 21, 25, 26, 27, 28, 29, 33, 37, 75, 77, 80, 81, 85, 86, 88, 89, 92, 94, 95, 96, 102, 105, 107, 109, 110, 111, 112, 113, 119, 120, 122, 137, 139, 140, 141, 143, 144, 146, 148, 149, 151, 171
 Михайлов Аврам, мангазейский стрелец 141
 Михайлов Иван, тобольский к. 29, 30, 31, 32, 164
 Михайлов Некраско, промышленный человек 146
 Михайлов Тренька, мангазейский стрелец 156
 Михайлов Фома, сл. чел. 118
 Мозин Няжиско, казымский остяк 25
 Мокеев Василий, тобольский к. 95, 99
 Мокринский Богдан, тобольский к. 109
 Молик Мамруков, князь Обдорской вол. 19, 20, 21, 22, 26, 31, 32, 33, 39, 40, 43, 44, 163
 Мондыков Нюхрантойка, остяк Естыльской вол. 61
 Монколев Дементий, казымский остяк 25
 Моисеев Яков, мангазейский стрелец 156
 Мосальский (Рубец) Василий Михайлович, воев. мангазейский 98
 Мосиев Пятой, тобольский сл. чел. 34
 Москвитинов Иван Карпович, енисейский сл. чел. 64
 Мошна Василий, красноярский к. 151
 Мугалей см. Маула
 Мутиев Данко, остяк Естыльской вол. 28
 Мулин Колатнемко, кодский остяк 60, 61
 Мунзуев Ика, карачейский самоед 121
 Муля (Мауля), карачейский самоед 31
 Мургачев Семейка, казымский остяк 25
 Мышецкий Ефим Федорович, кн., воев. мангазейский 109, 136, 137, 153
 Нарманской Яраско, мангазейский стрелец 156
 Нармацкий Иван, сл. чел. 29
 Наумов Федул, поморский промышленник 74, 75
 Негодяев Макар, промышленный человек 118
 Негодяев Федор, деловальник 49
 Неелов Иван, воев. пустозерский 67, 168
 Нежачков Куля, остяк 52
 Нелединский Иван Юрьевич, воев. мангазейский 136
 Немчин, карачейский самоед 20, 21, 23, 166
 Немчинов Одычко, карачейский самоед 166
 Неплюев Протасий, воев. пустозерский 23, 163
 Нерымко, казымский остяк 25
 Нестулцев Иван, березовский сл. чел. 12
 Нестулцев Григорий, березовский сл. чел. 45, 47
 Неустров Семен, тобольский к. 79
 Нефедьев Дружинка, мангазейский стрелец 156
 Низовцов Данило, тобольский с. б. 110
 Никифоров Ияков, мангазейский священник 178
 Няля, князец кунных самоедов 12, 160
 Новокщенов Воин Афанасевич, воев. манга-

зейский 77, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 93, 94, 95
 Норисков Абызко, остяк Обдорской вол. 26
 Ньюв Ваны, казымский остяк 25
 Ньюлков Чумей, остяк 52
 Ньютеев Тынин, надымский остяк 33, 39, 40
 Ньютейко, надымский остяк 26

Обобуров Богдан, дьяк 119, 120, 121, 122, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 147, 148, 149, 150
 Обольянинов Филипп, тобольский с. 6. 128
 Овсянников О.В., историк 8, 169, 173, 175, 178, 179
 Овтомов Васка, сосвинский остяк 28
 Овтомов Канидко, сосвинский остяк 28
 Отлемов Чежап, остяк городка Большой Атым 59
 Одоевский Никита Иванович, кн., судья Сибирского приказа 149
 Огороков А.В., историк 170
 Ондреев Сава, мангазейский стрелец 34
 Онисим, мангазейский стрелец 34, 165
 Онофриев Артемий, тобольский стрелец 95
 Онтай, самоед рода Адер 45, 47, 48
 Онтонов Астафий, тобольский пятидесятник 102, 104
 Онтонов Василий, березовский пятидесятник 123, 124
 Онтонов Казарин, тобольский сл. чел. 34
 Онжа см. Юрьев Онжа
 Опраксин Федор, дьяк 85, 86, 89, 90, 91, 92
 Орлов Григорий Никитич, воев. мангазейский 17, 18, 154
 Ортемьев Палка, корабельный мастер 29
 Ортемьев Шумил, мангазейский стрелец 156
 Осдоня, пленная селькупка 14
 Осолихин Савва, таможенный голова 144, 145, 146, 148
 Остафьев Петр, тобольский сл. чел 117
 Офонасьев Архип, енисейский сл. чел. 122
 Охтолманов Васка, сосвинский остяк 53

Павлов Герасим, пустозерский целовальник 68
 Павлов Никифор, мангазейский стрелец 156
 Павлов Родион Михайлович, воев. мангазейский 61, 127, 129, 134
 Палицын Андрей Федорович, воев. мангазейский 111, 141, 142, 143, 144, 172, 173, 176, 177
 Палицын Игнатий, брат А.Ф. Палицына 111, 112
 Палчевой Хаска, пустозерский самоед 67, 68
 Панжиев Умба, сосвинский остяк 51, 52, 53, 54, 55, 61, 63, 64, 65
 Панялев Асилко, остяк Обдорской вол. 26
 Парфеньев Еремей, мангазейский стрелец 156
 Парфеньев Ждан, промышленный человек 146
 Патракеев Нехорошко, житель Мангазеи 156
 Пахотин Владимир, торговый человек 99
 Первалова Е.В., историк 8, 161

Переносов Иван Григорьевич, дьяк 29, 113, 119, 120, 122
 Перстлоу Вильям, английский торговый агент 172
 Пестриков Алексей Дмитриевич, промышленный человек 146
 Петлин Иван, томский к. 87, 88
 Петров Василий, мангазейский стрелец 113, 116
 Петров Иван, мангазейский стрелец 156
 Петров Ярофей, мангазейский стрелец 156
 Петухов Тимофей, мангазейский стрелец 156
 Петьшев Темир, демьянский татарин 59
 Пидириско, князец рода Большие Карачен 166
 Пироговский Игнатий, мангазейский подьячий 140, 142, 143
 Писемский Иван Прохорович, воев. березовский 90
 Платонов С.Ф., историк 171
 Плехан см. Шубин Леонтий Иванович
 Плещеев Федор Кириллович, воев. тобольский 99
 Плещиев Иван 117, 118, 174
 Плигузов А. И., историк 170
 Поков Дылда, казымский остяк 25
 Покровский Н.Н., историк 178
 Полибин Богдан Федорович, думный дворянин 72
 Полтев Поликарп Семенович, воев. мангазейский 153, 154
 Поменин Дмитрий, березовский к. 12
 Попов Василий Григорьевич, березовский к. 50, 123, 124
 Порошин Григорий, дьяк 130
 Поска см. Хулеев Пось
 Посников Михаил Анисимович, дьяк 129
 Пospelко, пустозерский самоед 68
 Прозвигов Иван Мелентьевич, торговый человек 96
 Прокопьев Андрей, промышленный человек 146
 Прокопьев Григорий, тобольский пятидесятник 118
 Протопопов Григорий, дьяк 48, 113, 149
 Пуленжев Онсор, казымский остяк 25
 Пустозерц Василий, березовский к. 101, 104
 Пустозерц Прохор, толмач в Обдорске 45, 47, 55
 Пустозерц Федор, березовский сл. чел. 45, 47
 Путурчиев Кошелко, куноватский остяк 27
 Пушкин Борис Иванович, воев. мангазейский 17, 20, 22, 154, 162
 Пушкин Савлук Третьяков, мангазейский п.г. 98
 Пыгирчев Кошель, куноватский остяк 52
 Пырындыпов Вешняк, остяк 52, 53, 54, 61, 64, 65

- Радилов Л.Н., воев. пустозерский 23
 Рандомин Медыс, казымский оястяк 25
 Ратилов Нечка Козьмин, промышленный человек 146
 Рахматов Пехля, сосвинский оястяк 58, 59, 60, 65, 66
 Ремезов Меньшой, тобольский с. б. 119, 120, 121, 174
 Ржевский Иван Иванович, воев. енисейский 62
 Романов Алексей, тарский атаман 91, 92
 Романов Григорий, мангазейский стрелец 118
 Романов Онаний, сборщик дани в Пустозерске 11
 Романов Степан, промышленный человек 146
 Ромодановская Е.К., филолог 178
 Ростовец Молчан, торговый человек 96
 Рябой Иван, березовский к. 162
 Ряхтин Аслангей, куноватский оястяк 53
- Савин Еремей, холмогорец 78, 79, 83, 84
 Савин Пятой, мангазейский стрелец 118
 Савин Семен, березовский к. 123, 124, 125
 Савлуков Тимофей, дяк 69
 Салтыков Иван Иванович, воев. тобольский 123, 124, 155
 Самарин Василий, воев. мезенский 69
 Сансков Песьк, казымский оястяк 25
 Сатарин Торка, оястяк 55, 58
 Сатарко, князец кунных самоедов 19
 Секерин Андрей Тихонович, тобольский п. г. 155
 Семенов Галанко, тюменский корабельный мастер 29
 Семенов Ефтифей, промышленный человек 146
 Семенов Лармон, тобольский пятидесятник 6
 Сензехом, самоед рода Айваседа 32, 33
 Серга, самоед рода Пурыега 20, 22
 Сергеев Нестор, мангазейский целовальник 145, 147
 Серебряник Семен Исакович, торговый человек 96
 Семичев Григорий Леонтьевич, тобольский п. г., воев. тюменский 115, 116
 Серпей, карачейский самоед 35, 42
 Сеутов Телега, кодский оястяк 59, 60, 61
 Сечеников Тимофей, мангазейский стрелец 156
 Сидоров Надежда, мангазейский стрелец 117
 Сицкий Алексей Юрьевич, кн., судья приказа Казанского дворца 85, 86
 Скрипин Аникий, торговый человек 157, 176
 Слезнин Борис, пустозерц 23
 Слепой Иван Оксентьев, промышленный человек 146
 Смагин Нехорошко, мангазейский стрелец 156
 Смирнов И.И., историк 161
- Смирной Никифор, мангазейский с. б. 178
 Собакин Семен, дяк 110
 Соловьев С.М., историк 171
 Солодкин Я.Г., историк 169
 Сомса, сосвинский оястяк 55
 Сопык, оястяк 55
 Сорокин Василий, мангазейский стрелец 156
 Сорокин Иван, мангазейский стрелецкий десятичник 34, 150, 156
 Сорокоумов Дементий Прокопьевич, промышленный человек 146
 Спиридонов Пятой, дяк 17, 20, 22, 141, 142, 143, 154
 Старков В.Ф., историк 8, 169, 170, 171, 173, 175, 178, 179
 Степанов Устин, мангазейский стрелец 156, 158
 Степанов Шумило, таможенный голова в Обдорске 29, 32
 Стрешнев Родион Матвеевич, судья Сибирского приказа 72, 130
 Сулешев Юрий Яншеевич, кн., воев. тобольский 99, 100, 153, 176
 Сухороков Емгомла, оястяк 55
 Сыкля Мамруков, обдорский оястяк 57, 58
 Сыраптейко, самоед рода Аседа 34
 Сюрчуйка, пустозерский самоед 68
- Таватеев Табита, казымский оястяк 25
 Тагунин Рандома, казымский оястяк 25
 Таеров Сыкля, куноватский оястяк 56, 58, 61
 Таир, князец Белогорской волости Березовского у. 15
 Таликин Товарко, сосвинский оястяк 28
 Талыев Сеуско, сосвинский оястяк 28
 Талыпко, сосвинский оястяк 15
 Тарабердеев Ендыбай, тобольский татарин 60
 Тарабукин Василий, сл. чел. 170
 Тарасов Иван, тобольский пятидесятник 128
 Тарков Сава, тобольский подьячий, затем дяк Сибирского приказа 49, 72
 Тарутин Первой, торговый человек 96
 Татачнев Салко, оястяк Естыльской вол. 28
 Татов Обчин, карачейский самоед 37
 Тахтиев Елдирко, оястяк Обдорской вол. 26
 Тверитинов Алексей Григорьевич, промышленный человек 146
 Телманов Замятня, лямпинский оястяк 52
 Терентьев А., историк 168
 Терентьев Иван, мангазейский стрелец 156
 Теряев Григорий, дяк 33, 116, 117, 118, 144, 145, 150, 164, 174
 Тимофеев Василий, березовский к. 124
 Тимофеев Нечка, мангазейский подьячий 156
 Тиналеев Ишмет, тобольский бухарец 66
 Тишков Дементий, мангазейский сотник 45, 47, 123, 156

Толстоухов Иван, таможенный голова 144, 145, 146, 148

Томыла, князец обских самоедов 10, 11

Тонеев Иван Федорович, воев. мангазейский 95, 96

Тонков Аксушей, остяк Подгородной вол. Березовского у. 61

Топкин Тальки, пустозерский самоед 68

Торопов Василий, березовский пятидесятник 123, 124

Тотыма Иван Яковлевич, мангазейский пятидесятник 156

Третьяков Петр, думный дьяк 80

Троекуров Роман Федорович, кн., воев. тобольский 136

Трубецкой Алексей Никитич, кн., воев. тобольский, затем судья Сибирского приказа 48, 110, 154

Трясоголов, карачейский самоед 20, 22, 166

Тугубаско (Тугунаско), кодский остяк 15, 16

Тутчида, самоед рода Адер 31

Тухачевский Яков Остафьевич, воев. мангазейский 125, 155

Тынтин Итилдка, тазовский самоед 19, 20, 162

Тынтин Собка (Совка), тазовский самоед 19, 162

Уготцкий Степан, дьяк 102, 105, 107

Уков Тамзедейко, пустозерский самоед 67

Унтин Манка, остяк Естыльской вол. 28

Урей, карачейский самоед 20, 22, 166

Усков Иван, березовский к. 124

Устинов Дорофей, мангазейский стрелец 156

Устюгов Н.В., историк 167

Устюжанин Гаврила Еремеевич, промышленный человек 146

Устьцелемец Василий Максимович, промышленный человек 146

Ухвертьков (Ужделтьков) Ахмат, казымский остяк 58, 60, 61

Ухтомский Петр Михайлович, кн., воев. мангазейский 33, 113, 118, 122, 144, 145, 149, 150, 151, 177

Ухтомский Федор Петрович, кн. 118

Учутко, остяк Подгородной вол. Березовского у. 15

Ушаков Богдан, подъячий 141

Ушаков Ждан, пустозерский торговый человек 12

Ушаков Михаил, тобольский сл. чел. 86

Ушенин Кондратий Васильевич, промышленный человек 146

Федор Алексеевич, царь 10, 49, 62, 63, 69, 129

Федор Борисович Годунов, царевич 74

Федор Иванович, царь 10, 82, 85, 90, 169

Федоров Иван, дьяк 102, 105, 107

Федоров Иван, промышленный человек 146

Федоров Галашко, промышленный человек 146

Федоров Игнатий, енисейский пятидесятник 64

Федоров Михаил, мангазейский стрелец 156

Федоров Осип, березовский атаман 52, 124

Филарет Никитич, патриарх 111, 112

Филипов Еська, березовский к. 124

Филька, холоп дьяка Теряева 118

Фомин Дмитрий, промышленный человек 146

Фоняков Киприан, торговый человек 109

Фофанов Иван, березовский к. 124

Фофанов Симанко, березовский к. 25

Францбеков Иван Андреевич, воев. березовский 25

Француженин Савва, тобольский с. б. 76

Харва, карачейский самоед 31, 32

Харитонов Оксенко, мангазейский стрелец 116, 118

Харламов Роспутка, промышленный человек 146

Хворой Кондратий, тобольский с. б. 133

Хена см. Хиян

Хилков Иван Андреевич, воев. тобольский 48, 61, 63, 64, 127, 128

Хиян, карачейский самоед 20, 21, 43, 166

Хованский Андрей Андреевич, кн., воев. тобольский 101, 102, 105, 107

Хованский Иван, кн., воев. двинский 24

Хозка см. Хулеев Хаска

Холкин Сазуйко, пустозерский самоед 68

Хромой, самоед рода Пурыега 20, 22

Хулеев Пось, князец рода Большие Карачи 23, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 55, 56, 67, 68, 69, 163, 165, 166, 167, 168

Хулеев Хаска, карачейский самоед 20, 22, 23, 163, 166

Хулейко, князец карачейских самоедов 23, 166

Хынин Корюча, карачейский самоед 166

Хынин Пизечко, пустозерский самоед 67

Хыня см. Хиян

Ципоруха М.И., историк 170

Цыгтопов Богдан, князец Казымской вол. 15, 16

Чаадаев Иван Иванович, воев. двинский 69

Черкасов Дмитрий, тобольский с. б. 29, 116, 117, 118

Черкасский Петр Ахамашукович, кн., воев. березовский 12, 14, 15, 161, 162

Черносвитов П.Ю., историк 170

Чертов Иван, березовский к. 59

Четверкин Василий, мангазейский стрелец 156

Чихмылев Рехта, казымский остяк 25

Чичер Неустройка, тобольский сл. чел. 92

Чуконин Константин, березовский к. 19

Чуменко, кодский остяк 15

- Шанский Григорий, тобольский сл. чел. 81
 Шарума, самоедский князец рода Айвасида 34
 Шафран Алексей, мангазейский сотник 140, 142, 143
 Шахов Иван, березовский к. 70
 Шахов Прохор, березовский к. 124
 Шаховской Мирон Михайлович, кн., основатель Мангазеи 16, 160
Шаиков А.Т., историк 8, 161, 175
 Шевырев Иван, дяк 85, 90, 92, 96
 Шереметев Борис, воев. двинский 23
 Шереметев Петр Васильевич, воев. тобольский 71
 Шарыгин Первой, красноярский к. 64
 Шарыкин Андрей, сл. чел. 80
 Шетьшев Косарко, казымский остяк 60, 61
 Шигов Нынков сын, карачейский самоед 37
 Шилов Назарко, обдорский остяк 57, 58
 Шипулин Никифор, дяк 144
 Ширин Андрей Иванович, воев. березовский 100
 Широкой Дмитрий, пустозерский торговый человек 12, 14
 Шмаков Петр, мангазейский подьячий 156
 Шохтин Яков, мангазейский атаман 35
 Шубин Леонтий Иванович (Плехан), промышленный человек 95, 96, 97, 99, 173
 Шульгин Павел Яковлевич, тобольский с. б. 123
 Шульгин Яков, тобольский с. б. 100
 Шутов Осип, мангазейский стрелец 118, 156
 Шушнин Никифор Иванович, промышленный человек 146
 Щеголдаев Смагин см. Щеголков
 Щеголдаев Хулейко, обдорский остяк 31
 Щеголков Смагинко, надымский остяк 39, 40, 56, 61, 167, 168
 Щепеткин Яким, торговый человек 99
 Щипунов Осип, торговый человек 75
 Эскин Ю.М., историк 136, 175
 Юдомец Афанасий Семенович, промышленный человек 146
 Юрлов Третьяк, тобольский атаман 89, 90
 Юрьев Онжа, кодский князец 15, 16, 162
 Юрьев Семен, березовский к. 124
 Ядка, пустозерский самоед 68
 Яков I Стюарт, король Англии 171
 Яковлев Василий, монастырский служба 140
 Яковлев Захар, целовальник 169
 Яковлев Иван Михайлович, березовский к. 55
 Яковлев Кирилл Аристархович, воев. енисейский 133
 Яковлев Нефед, мангазейский целовальник 147
 Яковлев Первой, березовский с. б. 36
 Яковлев Фрол, промышленный человек 146
 Якунька, сын Негодяева Макара 118
 Янов Федор, тобольский сл. чел. 77
 Яншин Азыма, казымский остяк 25
 Яра, самоед рода Вануйта 20, 22
 Ярафеев Осип, березовский к. 124
 Яркома, князец обских самоедов 10, 11
 Яров Максим, стрелецкий пятидесятник 23
 Ярославцев Иван, тобольский к. 32
 Ярославцев Иван Федорович, тобольский пятидесятник 122
 Ярославцев Кузьма, березовский к. 124
 Ярсыбов Келим, сосвинский остяк 58
 Ярсыпуков Олторма, казымский остяк 25

Система мер, денежно-счетная система и хронология в XVII веке

Меры длины

Верста межевая = 2 верстам путевым = 1000 саженьям = 2,160 км

Верста путевая = 500 саженьям = 1,080 км

Сажень (мерная, печатная) = 3 аршинам = 216 см

Аршин = 4 четвертям = 16 вершкам = 72 см

Четверть = 4 вершкам = 18 см

Вершок = 4,5 см

Меры поверхности

Десятина (казенная) = 2 четям = 2400 квадратным саженьям = 1,1197 га

Четь = 2 осьминам = 5598,5 кв. м

Меры сыпучих тел

Четверть* (четь) = 2 осьминам = 4 пол-осьминам = 8 четверикам

Меры веса

Берковец = 10 пудам

Пуд = 40 фунтам (большим гривенкам) = 16 безменам = 16,38 кг

Фунт, большая гривенка = 2 малым гривенкам = 96 золотникам = 409,512 г

Золотник = 4,267 г

Рубль = 100 копейкам

Гривна = 10 копейкам

Алтын = 3 копейкам = 6 деньгам

Копейка = 2 деньгам

В XVI—XVII в. в России использовалась византийская эра от сотворения мира (5508 лет до Р.Х.). Например, 1650 г. — это 7158 г. (в документах первое тысячное число часто опускалось). Но следует учитывать, что в XVI—XVII в. новый год начинался 1 сентября. Поэтому для определения даты, приходящейся на период с сентября по декабрь, из известного года от сотворения мира следует вычитать 5509; для периода с января по август — 5508 (например, 1 декабря 7158 г. следует вычислять так: $7158 - 5509 = 1649$; для 1 января 7158 г. вычитается на единицу меньше: $7158 - 5508 = 1650$).

* Реальный объем этой меры в течение XVII в. менялся (четверть в 4 пуда, 6 пудов, 8 пудов). В Западной Сибири с начала XVII в. была распространена четь в 4 пуда и «мангазейская» четь в 5 пудов.

Терминологический словарь

- Аманат** — заложник из аборигенного населения, взятый с целью регулярной уплаты ясака его сородичами
- Аргиш** — олений обоз из нарт
- Борошень** — пожитки, движимое имущество
- Ветка** — легкая лодка
- Вож** — знаток морских маршрутов, кормчий (шкипер)
- Воровать** — в широком смысле так или иначе преступать законы
- Воровство** — любые антиправовые и антигосударственные действия
- Городни** — отдельные срубы, которые составляли городские стены
- Днище водяного хода** — расстояние, которое можно проплыть за день пути
- Дощаник** — речное парусно-гребное одномачтовое судно
- Живот** — имущество
- Заворот** — резкое изменение направления морского берега
- Зелье** — порох
- Зернь** — азартная игра в кости
- Знамя** — тамга, использовалась аборигенным населением как подпись
- Изгона** — обида, насилие
- Камень** — Уральские горы
- Коч** — северорусское морское судно, приспособленное для речных плаваний
- Кошка** — длинная песчаная коса, мель, простирающаяся параллельно берегу
- Леший промысел** — лесная охота
- Мангазейское море** — Обская губа
- Матица** — средняя потолочная балка в избе; киль судна
- Мотчанье** — промедление, задержка
- Мыльнишко** — баня
- Мягкая рухлядь** — меха, пушнина
- Наряд** — артиллерия
- Немцы** — европейцы, преимущественно северных стран (собственно немцы, англичане, голландцы, шведы)
- Новокрещен** — представитель аборигенного населения, принявший православие
- Облам** — выступающая архитектурная деталь деревянной башни или стены
- Однорядка** — верхняя одежда из шерстяной ткани без подкладки
- Оспожин день** — Успеньев, 15 августа по старому стилю
- Павозок (повозок)** — вид гребной лодки; осуществлял связь между судном и берегом
- Парусное погодые** — попутный ветер
- Письменный голова** — помощник воеводы, выполнявший разовые поручения
- Пищаль затинная** — пушка небольшого калибра
- Подклеть** — нижний этаж жилой или хозяйственной постройки
- Покров** — 1 октября по старому стилю
- Полуденный ветер** — южный
- Поминки** — добровольный дар должностному лицу
- Посул** — взятка
- Правеж** — наказание с целью взимания долга в пользу государства или частного лица
- Продажа** — разорение
- Пядь** — мера длины, распространенная в XI—XV в. (19—23 см)

Райна — рей (рангоутное дерево, подвешенное за середину к мачте)
Розбой морской — кораблекрушение
Саадак — налучник, кожаный или лубяной чехол для лука; весь комплект: лук с налучником и колчан со стрелами
Седелки — скамьи для гребцов
Семён день — 1 сентября по старому стилю
Соболиная казна — ясачная пушнина, отправляемая в Москву
Сопец (сапец) — навесной руль у морских и речных судов
Сын боярский — низший дворянский чин в XVII в. (в Сибири дети боярские составляли элиту гарнизонов городов)
Съезжая изба — официальное присутственное место воеводы
Успенев день — 15 августа по старому стилю
Утути — обобщенное название деревянных креплений корпуса коча
Целовальник — от «целовать крест» (приносить присягу); человек из податного населения, выбранный для денежных сборов в пользу государства
Шар (зырянск.) — морской пролив, протока
Шатость — антирусские намерения и действия со стороны аборигенного населения
Шайтанщик — жрец традиционного религиозного культа, шаман
Шерть — клятва, присяга на верность
Шейма — якорный канат
Щегла (щогла) — мачта судна
Юк (нюк) ровдужный — покрытие чума, сшитое из оленьих шкур
Ясак — натуральная подать, которой облагались нерусские народы Поволжья и Сибири

Список сокращений

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией
ВГО — Всесоюзное Географическое общество
Д. — дело
ДАИ — Дополнения к Актам историческим
Док. — документ
Кн. — книга
Об. — оборот
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
СПбО АРАН — Санкт-Петербургское отделение архива Российской академии наук
Стб. — столбец
У. — уезд
Ф. — фонд
Ч. — часть

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

Раздел I. Обдорские самоеды и северные остяки

№ 1. 1525 г., апреля 2. Жалованная грамота великого князя Василия III самоедам о принятии их в подданство.	10
№ 2. 1607 г., октября 21. Грамота из Москвы в Березов воеводе кн. П. А. Черкасскому о незаконной торговле пустозерцев с самоедами.	12
№ 3. 1607 г., октября 28. Грамота из Москвы в Березов воеводе кн. П. А. Черкасскому о попытке восстания остяков Березовского уезда.	14
№ 4. 1636 г., не ранее февраля 23. Отписка в Москву мангазейского воеводы Б. И. Пушкина об убийстве самоедами гонцов, направлявшихся из Мангазеи в Обдорск.	17
№ 5. 1641 г., не позднее января 20. Челобитная торгового человека Михаила Кондакова об убийстве его дяди Ледешки Кирилова самоедами.	20
№ 6. 1641 г., февраля 13. Грамота из Сибирского приказа в ответ на челобитную торгового человека М. Кондакова.	21
№ 7. 1642 г., мая 24. Из грамоты приказа Новгородской четверти пустозерскому воеводе Л. Н. Радилову о наказании сибирских самоедов за набег на Пустозерский уезд	23
№ 8. 1643 г., не позднее августа 2. Челобитные остяков Березовского уезда с просьбой об отсрочке в уплате ясака	25
№ 9. 1644 г., не ранее июня 4 — не позднее октября 25. Отписка тобольских воевод о грабеже самоедами хлебных запасов в Обдорске	29
№ 10. 1644 г., не ранее мая 21. Отписка тобольского воеводы кн. Г.С. Куракина в Москву о разбитом в Обской губе коче	32
№ 11. 1645 г., июль — не позднее августа 31. Отписка мангазейского воеводы кн. П. М. Ухтомского в Москву о нападениях самоедов на русских людей	33
№ 12. 1651 г., не ранее февраля 5 — не позднее ноября 25. Отписка березовского воеводы Я. Н. Лихарева в Москву о замене князя Поско Хулеева на других аманатов.	35
№ 13. 1652 г., не ранее февраля 8. Отписка березовского воеводы Я. Н. Лихарева в Москву о поимке аманатов из самоедов.	36
№ 14. 1652 г., мая 26. Челобитная аманата князя Пося Хулеева.	37
№ 15. 1652 г., февраля 16. Челобитная остяков Обдорской волости с просьбой об освобождении самоедских аманатов.	39
№ 16. 1652 г., апреля 5. Грамота из Москвы в Березов об аманатах из карачейских самоедов.	42
№ 17. 1652 г., не ранее июня 15. Из докладной выписки Сибирского приказа о самоедских аманатах Обдорской волости.	43
№ 18. 1656 г., не ранее декабря 26 — 1657 г., не позднее февраля 10. Отписка березовского воеводы С. А. Малова о разбитом в Обской губе коче и посылке казаков в Надым.	44
№ 19. 1657 г., марта 1. Грамота из Москвы березовскому воеводе И. М. Милюкову о поимке карачейских самоедов, подозреваемых в нападении на коч.	46
№ 20. 1662 г., не ранее ноября 20 — 1663 г., не ранее июля 2. ? Розыскное дело о подготовке восстания остяками и самоедами Березовского уезда под руководством князя Обдорской волости Ермака Мамрукова.	48
1. Отписка тобольского воеводы И. А. Хилова березовскому воеводе А. П. Давыдову	48

2. Сыск воеводы А. П. Давыдова о подготовке восстания остяками Березовского уезда	51
3. Отписка тобольского воеводы И. А. Хилкова мангазейскому воеводе Р. М. Павлову.	61
4. Отписка енисейского воеводы И. И. Ржевского красноярскому воеводе А. В. Веригину	62
5. Отписка тобольского воеводы И. А. Хилкова в Березов с выговором А. П. Давыдову за казнь остяков	64
№ 21. 1668 г., не ранее февраля 13 — не позднее октября 7. Отписка пустозерского воеводы И. Неелова в Березов воеводе кн. П. А. Гагарину о грабительских действиях обдорского князя Гынды Моликова и карачейских самоедов.	67
№ 22. 1679 г., июня 24. Грамота из Москвы березовскому воеводе кн. В. М. Гагарину с изложением нападения тундровых самоедов на Обдорский городок.	69

Раздел II. Мангазейский морской ход

№ 23. 1600 г., январь. Жалованная грамота царя Бориса Годунова жителям Двинского уезда о разрешении ходить на Таз и Енисей для добычи пушнины и свободной торговли с самоедами	74
№ 24. Отписки тобольского воеводы кн. И. С. Куракина в Москву и грамоты из приказа Казанского дворца в Тобольск о целесообразности использования водного пути (Мангазейского морского хода) из Поморья через волоки полуострова Ямал в Обскую губу и Мангазею	75
1. 1616 г., февраля 6. Отписка воеводы кн. И. С. Куракина в Москву о возможности прохода морем от Архангельска в Обскую губу и к устью Енисея	75
2. 1616 г., марта 22. Отписка воеводы кн. И. С. Куракина в Москву о попытках европейских судов пройти к сибирским берегам	77
3. 1616 г., июня 25. Грамота из Москвы тобольским воеводам о запрещении использования Мангазейского морского хода и возможности основания государевых острогов в устье Енисея и вблизи Карской губы	79
4. 1616 г., ноября 17. Отписка воеводы кн. И. С. Куракина в Москву о загадочном народе няромза, живущем на острове в устье р. Пясины	80
5. 1618 г., февраля 16. Грамота из Москвы тобольским воеводам с разрешением торговым и промышленным людям снова использовать Мангазейский морской ход и запрещением им показывать пути в Сибирь иностранцам	81
6. 1618 г., декабря 10. Грамота из Москвы тобольскому воеводе кн. И. С. Куракину с указанием самому решить вопрос о путях в Сибирь через Северный Урал и Ямал	85
7. 1619 г., июля 11. Отписка воеводы кн. И. С. Куракина в Москву с сообщением о том, что он запретил использовать Мангазейский морской ход	86
8. 1619 г., ноября 29. Грамота из Москвы тобольскому воеводе кн. И. С. Куракину с указом об окончательном запрещении Мангазейского морского хода из Поморья в Сибирь	88
№ 25. 1620 г., апреля 24. Грамота из Москвы тобольским воеводам об учреждении застав служилых людей на р. Сось и полуострове Ямал	89
№ 26. 1623 г., не ранее мая 15 — не позднее августа 31. Отписка тобольского воеводы М. М. Годунова в Москву с известием о том, что в Обскую губу и устье Енисея пройти вокруг полуострова Ямал нельзя, а также с описанием экспедиций по Мангазейскому морскому ходу до его запрещения	92

№ 27. 1624 г., не ранее июня 7 — не позднее августа 31. Отписка тобольского воеводы кн. Ю. Я. Сулешева в Москву о посылке сына боярского Я. Шульгина на полуостров Ямал для основания острожка	99
№ 28. Отписки тобольского воеводы кн. А. А. Хованского в Москву о посылке в 1626 и 1627 г. служилых людей для основания острога и заставы на полуострове Ямал	101
1. 1626 г., мая 31	101
2. 1626 г., не ранее августа 13 — не позднее ноября 15.	102
3. 1627 г., не позднее июля 12.	105
№ 29. 1627 г., не ранее сентября 1 — не позднее декабря 24. Отписка тобольских воевод А. А. Хованского и И. В. Воынского о снаряжении 10 кочей для отправки в Мангазею хлеба для казенной торговли	107
№ 30. 1628 г., не ранее сентября 1. — 1629 г., не позднее февраля 7. Отписка тобольских воевод кн. А. Н. Трубецкого и И. В. Воынского в Москву о посылке служилых людей во главе с Д. Низовцевым на Ямал для построения острога	110
№ 31. 1633 г., не позднее июня 23. Донос мангазейского воеводы А. Ф. Палицына на товарища по воеводству Г. И. Кокорева о том, что тот пытался найти запрещенный Мангазейский морской ход	111
№ 32. 1643 г., не ранее ноября 26. Отписка тобольских воевод в Москву о строительстве кочей в Тюмени и условиях плавания по Обской губе	113
№ 33. 1644 г., январь. Расспросные речи тобольских и мангазейских служилых людей о крушении кочей в Обской губе по пути в Мангазею и гибели дьяка Г. Г. Теряева	116
№ 34. Отписки тобольского воеводы кн. Г. С. Куракина в Москву о судьбе казенных и частных кочей, направлявшихся летом 1644 г. в Мангазею	119
1. 1644 г., не ранее ноября 30 — 1645 г., не позднее января 27.	119
2. 1645 г., не ранее марта 4 — не позднее мая 11.	120
3. 1645 г., не ранее мая 26 — не позднее августа 17.	122
№ 35. 1647 г., не ранее июля 3 — не позднее ноября 4. Отписка березовского воеводы М. С. Лодыженского в Москву о кормищиках в Мангазею среди служилых людей Березова	123
№ 36. 1647 г., июля 3. Челобитная березовских служилых людей о том, что среди них мало кормищиков, знающих условия плавания по Обской губе в Мангазею	124
№ 37. 1647 г. не ранее июля 4 — не позднее ноября 14. Отписка березовского воеводы М. С. Лодыженского в Москву об отмене подводной повинности для остяков Березовского уезда	126
№ 38. 1662 г., не ранее октября 29 — 1663 г., не позднее августа 31. Из приходных книг Мангазеи о количестве хлебных запасов, доставленных на кочах из Тобольска в 1662 и 1663 г.	127
№ 39. 1667 г., не ранее мая — не позднее августа 31. Отписка тобольского воеводы П. И. Годунова в Москву о разрешении прекратить поставки продовольствия в Мангазею через Обскую губу	129

Раздел III. Город Мангазея

№ 40. 1608 г., март. Из памяти приказа Казанского дворца новому мангазейскому воеводе И. Ю. Нелединскому о проведении сыска по извещениям прежнего воеводы Д. В. Жеребцова	136
--	-----

№ 41. 1625—1626 г. Городовой список Мангазеи. Мангазейской город.	136
№ 42. 1626—1627 г. Росписной список города Мангазеи	137
№ 43. 1629 г., не ранее марта 2 — не позднее июля 17. Отписка архиепископа Сибирского и Тобольского Макария об освящении Успенской церкви в Мангазее	139
№ 44. Описание воеводского двора в посадской части Мангазеи	140
1. 1639 г., сентябрь. Отписка воеводы кн. Н. М. Борятинского в Москву	140
2. 1639 г., сентября 9. — Челобитная дьяка Б. Обобурова	141
3. Описание воеводского двора	142
4. 1641 г., февраля 27. Грамота из Москвы в Мангазею дьяку Б. Обобурову	143
№ 45. Документы о попытках строительства в Мангазее нового гостиного двора	144
1. 1644 г., не ранее июля. Отписка в Москву мангазейских таможенных голов И. Толстоухова и С. Осолихина	144
2. 1644 г., июль. Челобитная жителей Туруханского зимовья, а также находившихся там торговых и промышленных людей	146
№ 46. 1644 г., июля 15. Отписка воеводы П. М. Ухтомского в Москву о ремонте городских стен и казенных построек после пожара	149
№ 47. 1645 г., не ранее августа 21 — 1646 г., не позднее октября 13. Отписка воеводы кн. П. М. Ухтомского в Москву о малочисленности служилых людей в Мангазее и отсутствии денег в местной казне	151
№ 48. 1647 г., не ранее августа 31 — 1648 г., не позднее февраля 22. Челобитная мангазейского стрельца М. Маркова с просьбой о пожаловании за службу	153
№ 49. 1649 г., марта 5. Грамота в Мангазею воеводе Ф. И. Байкову о ремонте городских стен и построении воеводского двора, тюрьмы и амбаров	155
№ 50. 1652 г., января 25. Челобитная жителей Мангазеи о состоянии городских церквей	156
№ 51. Переписка между воеводой И. С. Корсаковым и Сибирским приказом о строительстве в Мангазее новой съезжей избы	157
1. 1651 г., не ранее сентября 1 — 1652 г., не позднее августа 20. Отписка И. С. Корсакова в Москву	157
2. 1652 г., августа 31. Ответ на отписку И. С. Корсакова из Сибирского приказа	158
Комментарии	160
Воеводы г. Березова (1593—1701 гг.)	180
Воеводы г. Мангазеи (1601—1672 г.)	182
Указатель имен	184
Система мер, денежно-счетная система и хронология в XVII веке	193
Терминологический словарь	194
Список сокращений	195

Обдорский край и Мангазея в XVII веке

Сборник документов

Компьютерная верстка Э. В. Киселев
Корректор Т. В. Сергеенко

Сдано в набор 09.11.03. Подписано в печать 18.12.04.
Формат 70х100₁/¹⁶. Бумага ВХИ. Гарнитура Times. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,3. Уч.-изд. л. 23,3.

«Издательство «Тезис», ИД № 02261 от 07.07.00.
620146, Екатеринбург, пер. Балакинский, 6, 2.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «Чароид».
623751, Свердловская обл., г. Реж, ул. О. Кошевого, 16.
Тел (34364) 2—36—47
Тираж 1000 экз. Заказ № **254**

